

63.3 (2Рос. Као) 5

БЗ7

Р.М.БЕГЕУЛОВ

637174

Р
↓
7

**КАРАЧАЙ
В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ
XIX ВЕКА**

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ И ПРИРОДНЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Р.М. БЕГЕУЛОВ

**КАРАЧАЙ
В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ
XIX ВЕКА**

ПОДГОТОВЛЕНО
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМ ОБЩЕСТВОМ
“АЛАНСКИЙ ЭРМИТАЖ”

ЧЕРКЕССК – 2002

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
К.-М.И. АЛИЕВ
академик – действительный член РАЕН

ЗАМ ОТВЕТСТВЕННОГО РЕДАКТОРА
И.М. ШАМАНОВ
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
академик – действительный член МТА

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

М.М. ИЖАЕВ (научный сотрудник КЧИГИ); **А.Х. КУБАНОВ**
(зав. отделом ИКОАЭ); **Р.С. ТЕБУЕВ** (старший научный
сотрудник, академик – действительный член АГН); **Р.Т. ХАТУЕВ**
(кандидат исторических наук, академик – действительный член
РМА)

ХУДОЖНИК, КОМПЬЮТЕРНЫЙ ДИЗАЙН - И.Х. АТАЕВ

637174-Д

ВВЕДЕНИЕ

С начала XVIII века, когда Россия стала империей, начинается широкое освоение и колонизация ею земель Предкавказья.

К этому времени, к концу XVIII - началу XIX веков, народы Северного Кавказа стояли на разных этапах социально-экономического развития в рамках феодального строя. Наиболее развитым процесс феодализации был в Кабарде и некоторых районах Дагестана, где феодалы имели широкие властные полномочия.

Но у всех народов Кавказа феодальный строй был опутан массой общинных пережитков. Основную, подавляющую часть населения в Карачае, Балкарии, Осетии, Ингушетии, Чечне, у адыгов Закубанья, в некоторых районах Дагестана составляли не феодалы или зависимые от них крестьяне, а лично свободные крестьяне-общинники. В Карачае это сословие, называвшееся уздени, составляло в первой половине XIX века около 67% населения.¹

Крестьян-общинников постепенно пытались закабалить феодалы. Они, используя свое экономическое могущество, приобретали для себя все новые права, прибирали к рукам управление обществом и суд. Общинные институты власти все больше хирели, заменяясь феодальным правлением. Крестьяне-общинники не только устранялись от управления обществом, но и лишались части общинных земель, которые стали захватывать феодалы.

В придачу к трениям между феодалами и крестьянами-общинниками добавлялись социальные противоречия между князьями, дворянами и их крепостными, процент которых в некоторых горских обществах был довольно высок.

Социальные противоречия в горской среде, в том числе и в Карачае, в XVIII - начале XIX веков постоянно нарастали. Крестьяне-общинники, еще лично свободные, этой свободой гордившиеся и дорожившие ею, не желали усиления власти феодалов и начинали бороться против их привилегий и исключительного положения в обществе. Будучи многочисленными, лично свободными, обладая вследствие этого широким политическим кругозором и военными навыками, ведя собственное хозяйство, дававшее им экономическую независимость, они были для феодалов противником весьма серьезным.

В разных уголках Северного Кавказа начинают выступать крестьян с требованиями - уравнивать политические права общинников и феодалов. Законность подобных требований, справедливость своих устремлений о равенстве и свободе крестьяне-общинники стали находить в предписаниях исламской

религии. Количество ее ревностных сторонников стало быстро расти. В обществах, где произошли «революции» и устанавливалось «демократическое» правление, и там, где прослойка общинников была весьма велика, эфенди и муллы были вынуждены действовать в интересах большинства населения, волею неволей становясь проводниками демократических процессов. А там, где властные полномочия остались в руках князей и дворян, духовенство старалось не обострять с ними отношений и действовало либо более осторожно, либо заодно с феодалами, проводя реакционную политику. Однако подобная ситуация создала предпосылки для «экспорта» исламских революций, под оболочкой которых выступали антифеодальные движения, из одних регионов Северного Кавказа в другие.

В такой сложной социально-экономической и общественно-политической обстановке, сложившейся в конце XVIII - начале XIX веков на Северном Кавказе, начинается его завоевание царской Россией.

Несмотря на то, что северокавказские народы были вполне независимыми от какой-либо из соседних держав, Северный Кавказ изначально рассматривался Российской империей в контексте международных отношений. Те или иные территории Северного Кавказа начинали официально считаться российскими после очередных войн и мирных договоров с Турцией и Ираном, которые «уступали» России права на регионы, которыми сами фактически не владели. В 1829 году весь Северный Кавказ стал официально российским. В этом году по Адрианопольскому договору Закубанье перешло к Российской империи, хотя Турция, как справедливо заметил К. Маркс, и не «могла уступить России то, чем не владела сама».² Однако это все было только на бумаге. Фактически Россия не контролировала районы, населенные горскими народами.

Но в 1801 году, с присоединением Грузии, такое положение дел стало для царских военных совсем нетерпимым. Подчинение северокавказских горцев вышло на первый план.

Реализуя эти задачи, царские власти сразу же сделали ставку на исключительно военные меры и колонизацию края. Создаются новые укрепления и кордоны. На подчиненных территориях устанавливается режим военной оккупации. Местное население принудительно привлекается к работам по постройке дорог, крепостей, укреплений, облагается повинностями и налогами, обязывается снабжать войска продовольствием, фуражом, топливом, вьючным и колесным транспортом. Начинается захват горских земель. Горцы вытесняются в горы, а на их

место переселяются русские поселенцы. Захват земель и их колонизация послужили одним из главных факторов обострения русско-кавказских отношений.

Такая политика царизма больше всего была по горской крестьянской массе. При этом, ища социальную опору среди горцев Кавказа, царское правительство, будучи хозяином крепостнической страны, не утруждаясь долгими исканиями, сделало ставку на местных феодалов. Поддержка их основных феодальных прав и привилегий, сохранение власти над зависимыми крестьянами и рабами, укрепление позиций в судебных и административных органах привели к тому, что антифеодальные устремления крестьянства переплелись с антиколониальными.

Доведенные до отчаяния действиями царских властей и феодалов крестьяне стали подниматься на вооруженную борьбу. При этом ислам и идеология мюридизма дали им в руки мощное идеологическое оружие, дававшее ясные и простые ответы на вопросы о том, кто виноват в сложившейся ситуации, и что делать, чтобы ее улучшить. На антифеодальные и антиколониальные выступления горцев царизм отвечал карательными походами, которые мало что давали в политическом плане и только озлобляли население.

При этом М.Н.Покровский отметил еще один нелицеприятный момент в Кавказской политике царизма начала XIX века. «Война с горцами была в сущности так легка в то время, так прибыльна для грабивших все и вся солдат, и в, особенности, казаков, доставляла такие добавочные удовольствия офицерам -помимо военной карьеры, везде в других местах закрытой после окончания наполеоновских войн - что может быть, окончательное замирение горцев и не очень порадовало бы их царских просветителей».³

В итоге, подобная политика царской России на Северном Кавказе привела к разрастанию национально-освободительного движения горцев, искры которого разожгли большой костер Кавказской войны, тушить который империи пришлось в течение всей первой половине XIX века.

Маленький Карачай всю первую половину XIX столетия был неотъемлемой составляющей частью большой Кавказской политики. Еще в начале XIX века карачаевцы принимают участие в сражениях с царскими войсками во время их карательных походов на Кабарду. Поражение карачаевского ополчения от царских войск и вхождение в состав Российской империи в 1828 году отнюдь не поставили точку в его взаимоотношениях с ца-

ризмом. Социально-экономические и общественно-политические процессы, происходившие здесь, были во многом сходны с подобными же процессами в других регионах Северного Кавказа. Это создавало предпосылки для возникновения тлеющих очагов недовольства царской властью, готовых вспыхнуть в любой момент. Вихри бушевавшей Кавказской войны пронесли и по территории Карачая.

Малочисленность его населения компенсировалась важным военно-стратегическим положением, занимаемым в ходе национально-освободительного движения горцев Западного и Восточного Кавказа. Стремление имама Шамиля и его наибов в Закубанье непременно овладеть Карачаем, пересекалось с желанием значительной части карачаевцев, испытывавших все прелести российского правления, избавиться от власти царизма. Апогея этот процесс в Карачае достиг в 1855 году во время вооруженного восстания, подавленного войсками. Подобные же крупные выступления карачаевцев в 40-х годах XIX века не произошли лишь по удачному для России и роковому для горцев стечению обстоятельств. Но экономическую и гуманитарную (продовольственную, транспортную, медицинскую, тылового обеспечения, связи и др.) помощь борющимся горцам Карачай оказывал всегда. Выступало его вооруженное ополчение и для военной помощи соседним народам в борьбе с колониализмом.

В данной монографии взаимоотношения Карачая с Россией рассматриваются не изолированно, а на фоне процессов, происходивших во всем Кавказском регионе. Удачи и поражения выступлений против царизма в одних уголках Северного Кавказа, тотчас же отзывались в других - усиливая или ослабляя освободительные тенденции. Подобные тенденции в Карачае рассматриваются как составная часть национально-освободительного движения народов Северного Кавказа против царской России. Исследуются военные и политические связи между горцами Северного Кавказа в период войны. Данная работа содержит определенный материал о боевом сотрудничестве горцев, о попытках военно-политического объединения Карачая с другими народами Северного Кавказа для борьбы с общим врагом и отражения военно-колониальной экспансии царизма.

Вместе с тем, неоспоримым кажется тот факт, что движущими силами сопротивления горцев являлись национально-освободительные устремления в первую очередь горского крестьянства, имевшие антиколониальный и антифеодальный характер. А ислам и мюридизм играли здесь только объединительную,

спланированную, идеологическую роли.

Безусловно, что чем больше было пропитано движение горцев исламско-юридической идеологией, тем оно было мощнее, организованнее и страшнее для царизма. Но в первой половине XIX века на Кавказе можно увидеть сколько угодно национально-освободительных, антифеодальных выступлений горцев и без религиозных лозунгов, в том числе среди народов, не исповедовавших мусульманство, и ни одного «чистого» исламского восстания, оторванного от широких народных масс и направленного на создание «субъекта» Аллаха.

Несмотря на всю свою противоречивость, длительность, нередкую взаимную жестокость, трагические последствия Кавказская война ярко показала не только примеры боевого братства, сотрудничества, самоотверженности народов Северного Кавказа, приходивших на выручку друг другу, но и продемонстрировала то, что это была война горцев не против русского народа. Национально-освободительное движение было направлено против царизма, угнетавшего все народы; против имперской захватнической политики; военно-колониального режима; деспотических порядков и крепостного права.

В отечественной и зарубежной историографии долгое время не было специального исследования, где комплексно бы рассматривался вопрос о месте Карачая в национально-освободительном движении народов Северного Кавказа в первой половине XIX века; о влиянии Кавказской войны на его социально-экономическую и общественно-политическую системы; взаимоотношениях с царскими военными властями; о связях с имамом Шамилем и его наибами в Закубанье. Не рассматривались полно и причины, толкавшие карачаевцев в «объятия» проповедников «газавата», на выступления против царской власти и причины, удерживавшие их от этого. При этом, события, происходившие в Карачае, а также вокруг него, хотя и имели для него самого, а порой и для всего Северного Кавказа важное значение, так и не вылились в яркие, запоминающиеся эпизоды, способные затмить в глазах современников и потомков впечатления о движении горцев Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Отсюда скудость источников по истории Кавказской войны в Карачае.

Из источников первой трети XIX века, затрагивающих некоторые общественно-политические, экономические и военные аспекты данной темы исследования, можно выделить работы Генриха-Юлиуса Клапрота «Путешествие по Кавказу и Грузии в 1807-1808 годах»⁴ и Платона Зубова «Картина Кавказского края,

принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, финансовом и торговом отношениях»⁵.

Клапрот освещает особенности взаимоотношений, которые сложились в то время между Карачаем и феодалами Кабарды, указывает на обширные связи, существовавшие между Карачаем и Кабардой и единое военно-политическое и правовое пространство, их связывавшее. В его труде содержатся также интересные сведения о начальной исламизации Карачая, об управлении в нем, вооружении и изготовлении боеприпасов.

Отмечал взаимосвязи Карачая и Кабарды и Платон Зубов. В его небольших заметках о Карачае можно почерпнуть сведения о политике России, старавшейся препятствовать объединению горских народов, а также о том, что карачаевцы в первой трети XIX века не имели с Российской империей практически никаких торговых и политических связей, что мешало их сближению.

Первые более-менее обширные данные о карачаевцах и, прежде всего, по исследуемой теме, начинают появляться в источниках к середине XIX столетия.

Интерес представляет статья неизвестного путешественника «Поездка к южному откосу Эльбруса в 1848 году».⁶ В ней автор осветил некоторые аспекты судебной и административной власти в Карачае. Он отметил существование единого духовного судебного органа - махкеме, в котором, однако, шариат не смог вытеснить адат, и существенное усиление бийского сословия в управлении обществом. Из его статьи видно, что карачаевцы в то время продолжали самостоятельно изготавливать боеприпасы, в частности порох. В статье есть упоминание о том, что в результате экономической блокады царских властей и неурожая зерновых в Кавказской области, в Карачае в 1832-33 годах был хлебный голод.

Военное столкновение карачаевцев с царскими войсками в 1828 году, вхождение Карачая в состав Российской империи, договор, подписанный обеими сторонами, описываются в произведении Н.Б. Голицына: «Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля».⁷ Как известно, одним из значительных эпизодов в биографии данного полководца стало покорение Карачая в 1828 году. Поэтому автор подробно описывает сражение с карачаевцами, его последствия, а также обстоятельства, предшествовавшие походу генерала Емануэля на Карачай. Голицын упоминает о связях карачаевцев с непокорными горцами и о помощи им при нападении на российские пределы, что и явилось, по его словам, основанием для их военного покорения.

В 1882 году увидел свет труд Ф.И.Леонтовича: «Адаты кавказских горцев».⁸ По отношению к нашей теме он интересен, прежде всего, сведениями о влиянии шариата и русского законодательства на обычную систему горского права и о борьбе последнего при поддержке царских властей с первым. Известно, что духовенство и распространяемый им шариат, царизм считал главным тормозом в деле покорения края и старался всячески ослабить их влияние. Представленные в труде адаты карачаевцев и балкарцев говорят о силе общинных отношений в Карачае в 40-х годах XIX века. Основным сословием, по-прежнему являются свободные крестьяне общинники (уздени или каракиши), сохранившие довольно независимое положение и являвшиеся главной социальной базой национально-освободительного движения. В адатах, кроме того, отражается попытка узденей и духовенства, использующих лозунги шариата о равенстве, уравнивать свои права с биями.

Начало XX века ознаменовалось изданием новых трудов по истории Кавказа, в которых затрагивалась и исследуемая нами тема.

В.Толстов, описывая историю Хоперского казачьего полка, уделил внимание в своем труде и покорению Карачая в 1828 году, в походе на который принимали участие и хоперцы.⁹ Автор подробно описывает события, предшествовавшие покорению Карачая, в частности разгром горцами селения Незлобного, в котором, по утверждению военных, приняли участие и карачаевцы. Также во всех деталях Толстов раскрывает перед читателями подготовку военной операции, ее осуществление и само сражение карачаевцев с царским отрядом.

В 1913 году увидел свет труд В.М.Сысоева: «Карачай в географическом, бытовом и историческом отношениях».¹⁰ Для того времени он довольно полно осветил быт и историю карачаевцев в XIX веке. Автор отметил как незавершенность процесса феодализации в Карачае, так и, одновременно, наличие социальных противоречий в нем. Статья В.М.Сысоева представляет интерес и в том плане, что в ней содержатся сведения о коллективной борьбе карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и осетин против колониальной экспансии царизма.

Довольно обширные сведения о военных и политических взаимоотношениях Карачая и России имеются во втором томе «Истории казачьего войска», написанного Ф.А.Щербиной.¹¹ Автор подробно останавливается на обстоятельствах принятия Карачаем турецкого подданства в 1826 году и последовавших за этим событиях. В его труде содержатся данные об отношениях

царских властей и карачаевцев в 40-х годах XIX века, а также о планах наиба Шамиля в Закубанье - Мухаммад-Амина - по овладению Карачаем.

Немало сведений о Карачае в первой трети XIX столетия по интересующей теме приводится в трудах В.А.Потто.¹² Одна из глав пятого тома его «Кавказской войны» называется «Покорение карачаевцев». В ней описывается не только само сражение на Хасауке в 1828 году, но и условия договора, заключенного между Карачаем и царским командованием. В. Потто же указывает на важное военно-стратегическое положение, которое занимала территория Карачая на Северном Кавказе. В его трудах имеются также сведения о военно-политическом положении Карачая в начале и середине 20-х годов XIX века.

Советский период ознаменовался появлением новых работ по истории и этнографии карачаевцев. В этом ряду особо следует выделить монографию У.Д. Алиева: «Карачай», опубликованную в 1927 году.¹³ В ней автор, на основе имевшегося в то время в его распоряжении материала, дал характеристику национально-освободительному движению в Карачае на протяжении всей первой половины XIX века. Он затронул наиболее значимые события по теме исследования. Это была первая попытка широкого освещения данной проблемы. Однако следует отметить, что монография У.Д. Алиева страдает целым рядом серьезных неточностей хронологического и событийного характера.

Вторая историческая монография У.Д. Алиева: «Кара-халк»¹⁴, посвященная истории крестьянских масс Северного Кавказа, в том числе и Карачая, имеет для темы данного исследования только второстепенное значение.

Золотой фонд отечественного карачаеведения составляют труды В.П.Невской¹⁵. Основное содержание ее работ носит историко-этнографический характер. Но в них имеются ряд сведений и по данной теме исследования. Они содержат богатый материал о социальных отношениях в Карачае и о противоречиях между узденями и биями; об организации суда; общественного управления и вооруженного ополчения; о политике царских властей в отношении карачаевцев в период Кавказской войны; о борьбе горцев против феодального строя и царского режима.

Важные сведения о территории и расселении карачаевцев в первой половине XIX столетия имеются в статье Л.И. Лаврова: «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века»,¹⁶ вышедшей в 1969 году. В ней же раскрывается зависимость хозяйства карачаев-

цев и балкарцев от предгорных пастбищ. Овладев ими в начале 20-х годов прошлого столетия, царские военные получили в свои руки действенные рычаги давления на Карачай.

Важные данные о жизни и быте карачаевцев в XIX веке со-держатся в работе К.М. Текеева: «Карачаевцы и балкарцы». ¹⁷ В книге описывается состояние и уровень скотоводства и зем-леделия в Карачае и отмечается, что скотоводческая отрасль была основой хозяйства карачаевцев, главной составляющей частью их благосостояния и благополучия. Эта особенность экономики отражалась на социально-экономическом, обще-ственно-политическом, военном развитии края. В работе име-ются также материалы о взаимоотношениях карачаевцев с соседними кавказскими этносами и русским населением.

Среди работ, посвященных истории установления друже-ственных связей между горцами Северного Кавказа и русским населением, можно выделить труды С.А. Чекменева. ¹⁸ В его работах, затрагивающих регионы сегодняшней Карачаево-Чер-кесии, можно почерпнуть также важные сведения об антиколо-ниальной и антифеодальной борьбе горского крестьянства и о колонизаторских, военно-деспотических методах царизма, при-менявшихся на завоеванной территории.

Одним из важных видов источников по теме исследования являются переработанные материалы карачаевского фольк-лора. ¹⁹ При критическом рассмотрении и сопоставлении с дру-гими видами источников они являются особо значимыми в вос-становлении картины национально-освободительного движения в Карачае.

Историографическое значение для нашей темы имеют и материалы периодической печати XIX -начала XX веков. В га-зетах «Кавказ», «Северная пчела», а также в журналах «Рус-ский архив», «Библиотека для чтения», «Этнографическое обо-зрение», «Вестник Европы» и в других периодически опублико-вались статьи и очерки о жизни, традициях, быте, истории ка-рачаевцев.

Важнейшей группой источников являются опубликованные материалы в сборниках архивных документов. Это, прежде всего, «Акты, собранные Кавказской археографической комис-сией» и сборник документов «Социально-экономическое, по-литическое и культурное развитие народов Карачаево-Черке-сии (1790-1917)». ²⁰

Однако небольшое количество источников и недостаточная разработанность темы исследования привели к тому, что осно-вой работы стали материалы, извлеченные из архивов городов

Москвы ((Фонды: «Военно-учетный архив» (ВУА), «Военные действия в Закавказье и на Северном Кавказе» (Ф.482), «Главный штаб Кавказской армии» (Ф.14719), «Штаб войск Кубанской области» (Ф.14257) - Российского государственного военно-исторического архива)); Санкт-Петербурга ((Фонд 1268 «Кавказский комитет» - Российского государственного исторического архива)); Краснодара ((Фонды: «Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска» (Ф.249), «Канцелярия начальника Черноморской береговой линии (Ф.260), «Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии» (Ф.261) и др.); Ставрополя ((Фонды «Главный попечитель Кавказских меновых сношений с горцами» (Ф.20), «Общее управление Кавказской области» (Ф.79) и др.); Нальчика ((Фонд «Управление начальника Центра Кавказской линии (Ф.16)).

Хронологические рамки работы охватывают период с 1800 по 1864 годы, то есть время, на которое пришелся самый разгар национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа. В тех немногих случаях, когда по теме исследования выявлялись факты, относящиеся к предшествующему или последующему периоду, автор посчитал возможным включить их в работу, чтобы продемонстрировать преемственность, устойчивость и традиционность тех или иных отношений.

Структурно монография начинается с краткого описания социально-экономических и общественно-политических особенностей развития Карачая, а также роли и места карачаевского общества в системе северокавказских обществ и народов и его взаимоотношениях с соседними этносами, - то есть того фона, на котором собственно и разворачивались военно-политические сцены Кавказской войны. Без учёта всех этих особенностей картина происходивших событий оказалась бы неполной, а некоторые явления труднообъяснимыми.

Наконец, хотелось бы выразить огромную благодарность всем тем, кто помогал в написании работы и без кого она вообще вряд ли появилась на свет.

Прежде всего, хочу поблагодарить своего научного руководителя в период работы над диссертацией Текеева Кемала Мусаевича, своих официальных оппонентов Абулову Елену Арменаковну и Куракееву Марину Фёдоровну, а также учёного секретаря пятигорского диссертационного совета Адибекяна Оганеса Александровича. Выражаю глубокую признательность Касумову Али Хасановичу, Баразбиеву Муслиму и Хатуеву Рашиду за дельные советы и помощь в работе. Отдельное спасибо за неоценимую помощь: Казанджиеву Эдуарду, Енакаеву Мурату, Григорову Евгению, Ортабаеву Эдуарду и Хасановой Светлане.

ГЛАВА I
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЩЕ-
СТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ КАРАЧАЕВЦЕВ В ПЕР-
ВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.

§1. ТЕРРИТОРИЯ, РАССЕЛЕНИЕ
И ЧИСЛЕННОСТЬ КАРАЧАЕВЦЕВ.

В первой половине XIX века территория Карачая представляла собой сплошь гористую местность, изрезанную глубокими ущельями, отделенными друг от друга водораздельными хребтами и возвышенностями. Значительную часть этой местности занимали ледники и безжизненные скалы; большая часть была покрыта лесом, росшим в долинах рек и на склонах гор. Более пологие склоны, покрытые лесами, при подъеме сменялись альпийскими лугами. Карачай, центром которого были верховья Кубани, являлся одним из самых высокогорных регионов Кавказа. Безусловно, что Карачай и сейчас представляет собой один из красивейших уголков Северного Кавказа, да и всего мира. Недаром он привлекает туристов не только из России, но и из других стран.

Но красота и величие природы имеет и свою оборотную сторону, создавая невероятные трудности для ведения хозяйства. Крутые склоны, каменистая и скудная почва, ее постоянная эрозия, обвалы, сели, весенние заморозки и ранние осенние холода, губящие урожаи на и без того крохотных посевных участках, - таковы природные факторы, сопутствующие жизни горца. «Естественная природа пастушеского народа, несмотря на свою поэтическую грандиозность и причудливость форм, была в то же время злой мачехой для него». ¹ Ландшафт и климат оказывали влияние на виды и способы хозяйствования. Не имея в достаточном количестве пригодной для посева земли, под влиянием природно-климатических условий, затруднявших разведение культурных растений, в частности садовых и огородных культур, карачаевцы занимались скотоводством, в первую очередь разведением овец, ведущей отрасли своего хозяйства и основой своего жизнеобеспечения.

Территория Карачая в первой половине XIX века не претерпела сколько-нибудь существенных изменений по сравнению с предыдущими столетиями. Центром ее продолжали оставаться истоки Кубани. К западу, она охватывала верховья реки Теберды, а на юге от Закавказья Карачай отделял Главный Кавказский хребет, через который проходят перевалы: Клухорский, Нахарс-

кий, Чипер Карачай. Восточная граница Карачая проходила от северных отрогов Эльбруса, охватывая плато Бийчесын, по верховьям реки Малки и ее левых притоков, включая ущелья Мушта и Хасаута. На севере и северо-востоке граница карачаевских земель доходила до верховьев рек Эшкакона, Кумы, Подкумка, реки Мары и Каменного моста на Кубани. Это были земли, которые карачаевцы считали «своими». На них располагались карачаевские селения, коши, сенокосы, пастбища, где содержался скот, и которые использовались для других хозяйственных целей.

Несмотря на то, что основной отраслью хозяйства было скотоводство, карачаевцы жили оседло и их основные селения уже много столетий стояли на одних и тех же местах, в отличие от поселений некоторых соседних народов, отличавшихся большей подвижностью. Так, в 1808 году при описании кабардинцев русским командованием отмечалось, что они «живут аулами, но непостоянно, переселяясь с одного на другое место по произволению», а сакля у них «в три дня совершенно готова и обмазана». ² У карачаевцев же только один внешний вид жилища, приземистого, прочного, сделанного из огромных бревен, свидетельствовал о его многолетнем пребывании на одном месте и о прочной оседлости. Кроме того, «карачаевские селения по количеству населения были очень большими не только по сравнению с балкарскими, но и с селениями народов всего Северного Кавказа - адыгскими, осетинскими, дагестанскими и другими. Балкарские селения по величине можно сравнить в большинстве лишь с карачаевским кварталом (тийре)». ³

В период Кавказской войны селения карачаевцев также не подвергались переселениям и не принуждались к этому со стороны царской администрации и военного командования. Это произошло не от большой любви царского начальства к карачаевскому народу, а из-за военно-стратегических и отчасти экономических соображений. Переселение карачаевцев с гор, с мест их обитания, превращало этот важный в военном отношении участок в «проходной двор», по которому почти беспрепятственно могла бы осуществляться связь Кабарды с народами Закубанья. Содержание укреплений и войск на этой территории не решало проблемы, а потребовало бы только огромных денежных затрат, постоянного подвоза, по полному бездорожью, провианта и боеприпасов, и все это - под пулями горцев, умело пользующихся пересеченной местностью.

Поселение казачьей станицы также ничего бы не дало, так как казаки, да и никакой другой народ, не смогли бы вести хозяй-

ство в условиях горного Карачая. «Русское население едва ли будет в состоянии водвориться там (в Карачае – Р.Б.) по невозможности, вследствие неблагоприятных условий местности, обеспечивать себя материальными средствами существования»,⁴ - говорится в одном из русских документов. А жители Карачая не только умудрялись обеспечивать всем необходимым себя, но еще и вели торговлю скотом и продуктами скотоводства с соседними народами. Приобретало или просто отбирало карачаевский скот и русское командование на Кавказской линии.

Как уже было сказано выше, территория расселения карачаевцев фактически не менялась вплоть до отмены крепостного права в 1868 году. Что же касается соседних народов, то картина здесь была несколько иной. Закавказскими соседями карачаевцев были и остаются до настоящего времени абхазы и сваны. Горный массив Эльбруса отделяет карачаевцев от Баксанского ущелья и близкородственных балкарцев. В первой четверти XIX века на северо-востоке от Карачая жили кабардинцы, на севере - абазины-тапанта и ногайцы, на западе и северо-западе - абазины-шкарауа и бесленеевцы. В начале XIX века русские войска развернули широкие военные действия в Кабарде, дабы окончательно подчинить ее царской администрации. Апогея эти события достигли в 20-х годах XIX века при генерале Ермолове. Результатом этих действий русской армии явилось то, что многие кабардинские феодалы со своими подвластными, да и простые крестьяне бежали из Кабарды за Кубань, являвшуюся до 1829 года официальной границей между Турцией и Россией. Эти, так называемые, «беглые кабардинцы» поселились в непосредственной близости от Карачая, а некоторые осели и в самом Карачае. За кабардинцами последовало также и несколько балкарских таубиев со своими подвластными.⁵

С XVIII века в районе, сегодня называемом Кавказские Минеральные Воды, начинает селиться русское население. В 1803 году в непосредственной близости от карачаевских земель появилось укрепление Кисловодское, а в 1804 году - Баталпашинское на Кубани. Этим было положено начало появлению русского и, отчасти, украинского населения на территориях, прилегающих к Карачаю. Начиная с 20-х годов это население заметно увеличивается, появляются новые станицы, укрепления и посты. Вторая волна колонизации произошла с середины 50-х годов XIX века, когда были основаны станицы Зеленчукская (1859), Кардоникская (1859), Усть-Джегутинская (1861), и другие.⁶

Центром самого Карачая не только всю первую половину XIX века, но фактически вплоть до 20-х годов XX века, оставались верховья Кубани, где находилось ядро карачаевских селений. Основными из них были: Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. Эти аулы располагались близко друг от друга и фактически тянулись одной сплошной полосой по берегам рек так, что часто постороннему человеку было очень трудно определить, где начинается одно селение и где заканчивается другое.

Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук были самые главные карачаевские селения, тесно связанные между собой социально-экономическими и общественно-политическими связями, и самые старые, история которых уходит своими корнями в седую древность. Об их древнем происхождении свидетельствует их поквартильная структура, где каждый род (тукьум) занимал определенный квартал (тийре) для поселения.

Тем не менее, хозяйственные нужды и рост численности населения заставляли карачаевцев осваивать все новые места. Два сравнительно небольших карачаевских селения Дуут и Джазлык находились на левом притоке Кубани реке Дуут, в соседнем ущелье. Природные условия двух ущелий были практически идентичны, и способы ведения хозяйства были одни и те же. Дуут и Джазлык были основаны выходцами из селений Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук.

Кроме вышеупомянутых селений, в Карачае, в Тебердинском ущелье в начале XIX века существовал еще один аул - Джамагат, на реке под тем же названием. Генрих-Юлиус Клапрот, побывавший на Кавказе в 1807 и 1808 годах, утверждал, что селение состояло из 50 дворов.⁷ Некоторые из исследователей склоняются к мысли, что именно в этом ауле разворачивается действие поэмы М. Ю. Лермонтова «Хаджи-Абрек».⁸ Однако Джамагат в начале XIX века постигла печальная участь. Разразившаяся в то время эпидемия чумы погубила большую часть его жителей, а оставшаяся в живых была вынуждена покинуть места своего прежнего жительства. Это событие сохранилось в памяти народа, сложившего песню «Эмина» (чума) или «Орусбийлары».⁹

Следует отметить, что из содержания народной песни видно, что костяк жителей селения Джамагат составляли выходцы из Баксанского ущелья Балкарии.¹⁰

После гибели Джамагата от эпидемии чумы Тебердинское ущелье недолго оставалось незаселенным карачаевцами. Уже в 30-е годы XIX века здесь вновь появляется небольшое карачаевское селение,¹¹ не говоря уже о том, что в Тебердинском

ущелье всегда располагались пастбища, сенокосы и пашни карачаевского народа. Этого положения дел ни в коей мере не изменило и появление в Тебердинском ущелье в 40-е годы XIX века на левом притоке Теберды реке Агур небольшого аула абхазского князя Кадырбея Маршания, перешедшего с подвластными крестьянами из Цебельды на северный склон Кавказского хребта и просуществовавшего до 1855 года. (Был уничтожен русскими войсками). Он поселился на земле, которую активно осваивали его родственники бии (князья) Карабашевы.¹² Отодвинутые другими феодальными фамилиями - Крымшамхаловыми и Дудовыми - на второй план и оттесненные на периферию тогдашнего Карачая в Дуутское ущелье, Карабашевы жаждали реванша. Укрепившись в селениях Дуут и Джазлык они пытались закрепиться и в ущелье реки Теберды; а так как собственных сил не хватало, Карабашевы нашли верного союзника в лице князя К. Маршания. Земельных споров и конфликтов между карачаевцами и жителями нового аула никогда не было. А рядом с аулом князя Кадырбея располагались пашни (сабаны) биев Карабашевых.¹³

В связи с вышесказанным интересно отметить, что в отличие от других бийских фамилий: Крымшамхаловых и Дудовых, державшихся, начиная с 30-х годов XIX века, в основном про-русской ориентации, - среди Карабашевых всегда было немало горячих сторонников как Турции, так и набов Шамиля в Черкесии.

В первой половине XIX века отдельные представители карачаевских тукумов (фамилий) селились также на границе Карачая и Кабарды в верховьях Малки и ее левых притоков, образуя небольшие хутора, как, например Хасаут и Мушт. Обычно представители этих фамилий были тесно связаны родственными узами с кабардинской феодальной верхушкой и использовали это «выгодное» родство для успешного развития своего хозяйства на более удобных землях. Одним из таких примеров может служить атаул (фамильная группа) Джаубермесовых, принадлежавший к тукуму (фамилии) Казиевых, имевших на социальной лестнице статус чанка. Этот род первым из карачаевцев, наряду с балкарцами, выдал в 1821 году аманата (заложника) царскому командованию.¹⁴

Несмотря на то, что в начале XIX века карачаевцы селились в Тебердинском ущелье, на границе с Кабардой, притоках Кубани, центром Карачая, сосредоточием всей политической и хозяйственной жизни, - не только всю первую половину прошлого столетия, но и весь XIX и начало XX веков, - оставались

главные карачаевские селения: Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. Центром, объединяющим их, был в начале XIX века Карт-Джурт. Но после присоединения к России в 1828 году главенствующая роль постепенно стала переходить к Учкулану, ставшему с 30-х годов XIX века новой карачаевской «столицей».¹⁵

Следует отметить, что в Карачае существовали три основные бийские фамилии: Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы. (Хотя были и другие более позднего происхождения, например, Карамурзины, выходцы из Кабарды). Би не имели абсолютной власти над всем населением, так как основу общества составляла масса узденей (свободных крестьян-общинников), среди которых, наряду с бедными и маломощными родами, выделялись богатые и влиятельные фамилии, например: Хубиевы, Узденевы, Боташевы, Урусовы и другие, мало чем уступавшие биям. Однако самой богатой и влиятельной, владевшей довольно многочисленными, по меркам Карачая, крепостными крестьянами и рабами была фамилия Крымшамхаловых. Из их среды выходили вали, то есть правители всего Карачая. Эта должность была еще в 20-х годах XIX века номинально выборной, хотя пост мог занять только представитель Крымшамхаловых,¹⁶ позднее титул вали стал фактически переходить по наследству.

Интересно отметить, что, несмотря на безусловное лидерство Крымшамхаловых во всем Карачае в первой половине XIX века, их позиции были наиболее прочны и незыблемы в ауле Карт-Джурт. В Хурзуке же было сильное влияние Дудовых; в Дуутском ущелье, где располагались Дуут и Джазлык, ведущие позиции занимали Карабашевы, а селение Учкулан сплошь состояло из узденей. В нем не было ни представителей зависимого сословия (за исключением башсызкулов (рабов), ни горской верхушки в лице биев.

Что же касается численности карачаевского народа в первой половине XIX века, то каких-либо точных данных по этому вопросу просто нет. Все сведения в русских и зарубежных источниках носят весьма приблизительный характер и сильно разнятся в своих оценках. Кроме того, одни авторы вели счет населения подушно, а другие указывали только количество дворов, домов или семейств. Относительно точные данные о численности карачаевцев можно получить лишь в 60-е годы XIX века. В 1865 году в трех основных селениях - Карт-Джурте, Учкулане, Хурзуке было 13 461 человек.¹⁷ М.В. Венюков насчитывал в 1863 году 1200 дворов карачаевцев или 17 905 душ.¹⁸ Но это было уже тогда, когда карачаевцы прочно входили в со-

став Российской империи и царские чиновники, получив широкий доступ в горы Карачая, упорядочивали систему военно-административного управления покоренным народом.

А до этого времени само начальство признавалось, что не имеет представления ни о количестве подвластных народов, ни о развитии его хозяйства, хотя приставы, например у карачаевцев, находились еще с 1834 года. Это означало, что сами приставы, не вмешиваясь в хозяйственную деятельность и общественный быт народов, заботились, в основном, о своем собственном благополучии, не обременяя себя собиранием точных сведений об управляемом народе. А некоторые, как, например А. Атажукин, Мистулов, Тамбиев, еще и беззастенчиво грабили население, разоряя его произвольными штрафами и поборами. Впрочем, невмешательство в жизнь народа гарантировало приставу хоть какую-то лояльность со стороны горцев. За чрезмерное же корыстолюбие можно было поплатиться и головой.

Сами горцы абсолютно не горели желанием доводить до сведения начальства как свою численность, так и состояние хозяйства, так как это могло способствовать внедрению новых податей и налогов или их увеличению. В горах жили по принципу: что хорошо для начальства - плохо для горца. Да и как писал Ф.Ф.Торнау: «По понятиям горцев считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имея возможности сопротивляться».¹⁹

Так или иначе, но сам «грозный» начальник Центра Кавказской линии полковник Голицын в 1843 году беспомощно просил начальство «повременить назначение податей с народов, вверенных моему управлению, до тех пор, пока раздел земель между ними, посредством правильного размежевания, не представит удобного средства оценить приблизительно имущество всех и каждого».²⁰

Таким образом, имея в виду первую половину XIX века, можно с уверенностью сказать только то, что динамика численности карачаевского населения имела все время тенденции к возрастанию. Хотя на этот процесс оказала существенное влияние эпидемия чумы, разразившаяся в начале XIX столетия. Она продолжалась до 30-х годов XIX века и была настоящей катастрофой для населения Северного Кавказа.²¹ Особенно пострадали от болезни кабардинцы, балкарцы, дигорцы, у которых погибло до 2/3 населения.²² И хотя про карачаевцев в описании полковника А.М. Буцковского за 1812 год сказано, что «язва

(чума - Р.Б.) хотя у них и свирепствовала, но менее истребила нежели у чегемов (балкарцев - Р.Б.)»,²³ гибель от эпидемии целого аула Джамагат говорит сама за себя. То, что карачаевцы сильно пострадали от «моровой язвы», видно и из сопоставления данных документов. В 1807-08 годах Клапрот пишет, что в Карачае было приблизительно 300 дворов (250 на Кубани и 50 на Теберде).²⁴ Буцковский в 1812 году говорит о 600 дворах.²⁵ А в 1828 году, когда русские войска впервые вошли в Карачай и имели возможность для непосредственного сбора сведений, численность карачаевцев указана в 1500 душ мужского пола.²⁶ Принимая во внимание тот факт, что «среднее число членов карачаевского двора колеблется между 15-25 человеками»²⁷ (это где-то 6-10 взрослых мужчин), произведем расчет. По нему получается, что если более близок к положению дел в Карачае был Клапрот, то, как минимум, количество народонаселения в Карачае за 20 лет практически не изменилось, а если верны сведения Буцковского, то население даже уменьшилось.

В 30-х годах князь Шаховской оценивал численность карачаевцев в 5 000 душ,²⁸ барон Торнау - в 4 000 «душ мужского полу»,²⁹ политический обзор 1841 года - в 8 000.³⁰ По этим косвенным данным, видно, что численность карачаевского народа примерно за десятилетие, с конца 20-х до начала 40-х годов XIX века, удвоилась.

Впрочем, доверять в полной мере всем этим данным нет никаких оснований. Они могут дать лишь приблизительную картину существовавшего на то время положения. Но даже те исследователи: офицеры, торговцы и просто случайные люди, кто определял, большей частью на глазок, количество населения Карачая, охватывали обычно лишь жителей Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука. Другие поселения обычно ускользали от их внимания, как, например, Дуут и Джазлык. Это, хотя и незначительно, сказывалось на точности данных. Кроме того, занимаясь скотоводством, значительная часть населения проводила многие месяцы вне своего селения, вне своей семьи, сосредоточившись на довольно обширной территории. «Большая часть мужчин почти круглый год отсутствовала в селении, находясь от дома часто на значительном расстоянии, иногда более чем за 100 км»,³¹ - читаем мы у К.М. Текеева.

В то же время следует отметить, что объективный рост численности населения при неизменности территории уже в 40-е годы XIX века был существенным фактором, влияющим на хозяйственную и политическую жизнь Карачая. Все более отчетливо проявлялось стремление к освоению все новых пастбищ

и земельных участков, отстоявших нередко от селений на многие десятки километров. «Уже теперь некоторые из жителей переселяются в другие места», - писал о карачаевцах в 1849 году капитан Генерального штаба Колянковский.³² Прокормить росшее население долина Кубани уже не могла. Это создавало предпосылки для образования новых селений. И хотя в первой половине прошлого века этого так и не произошло из-за множества военных, общественно-политических, социальных причин, по понятиям престижности, наконец, тенденция к более широкому расселению была явной. Образование новых селений с конца 60-х годов XIX века было predeterminedено еще во второй четверти этого столетия.

§2. ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ.

Как уже упоминалось, основой хозяйства карачаевцев, основой их жизнеобеспечения было скотоводство. «Скот кормит, скот одевает их, и он же дает возможность получать в обмен на его произведения некоторые нужные им предметы».³³ Основной и повседневной пищей карачаевцев была мясомолочная.

Скот же давал одежду, и продукты скотоводства были основным сырьем для ремесла. Овечьи, козьи, бычьи кожи шли на изготовление женской и мужской обуви; из них изготовляли мешки, бурдюки, для хранения и перевозки различных товаров, разнообразные кожаные ремни для хозяйственных нужд. Шерсть карачаевских овец была сырьем для сукна, из которого шилась одежда. Из шерсти изготовлялись войлоки-кийизы, которые служили подстилкой на кровати, ковром на полу, а также настенные ковры-күйюзы, всевозможные головные уборы и бурочки на ноги и, конечно, знаменитые на весь Кавказ карачаевские бурки.³⁴

Скот был также основным продуктом обмена и торговли карачаевцев. В основном на баранов и изделия из шерсти карачаевцы выменивали у соседних народов необходимые и недостающие в хозяйстве товары и изделия, как-то: хлеб, соль, различные ткани, фрукты, ремесленные изделия (кумганы, котлы - казаны и другое). Скот был основным мериллом богатства в Карачае, эквивалентом стоимости. Деньги в первой половине XIX века так и не получили здесь большого хождения и распространения, поэтому главной единицей при различных расчетах выступал именно скот. Им платили штраф в общественную казну, давали ссуду в долг и исчисляли проценты, вознаграждали за работу и одаривали за услуги, платили калым при заключении

браков.³⁵

Особенно развито было в Карачае овцеводство. Еще в 1812 году в описании Буцковского можно прочесть, что «главный промысел их (карачаевцев – Р.Б.) состоит в овцеводстве, отличной от прочих пород весьма длинной и мягкой шерстью...»³⁶ В условиях горной, пересеченной местности, относительно слабой кормовой базы, овцеводство являлось наиболее прибыльной отраслью хозяйства. Кроме шерсти и мяса, оно давало еще и молоко, так как карачаевцы доили овец.³⁷ В Карачае была выведена особая порода овец, наиболее приспособленная к условиям высокогорья. Практически весь год овцы могли находиться на подножном корму, добывая его даже из-под снега. А вкусовые качества мяса карачаевского барашка ценились не только на Кавказе, но и в России и Европе.³⁸

Второй по значению отраслью животноводства было разведение крупного рогатого скота. Это была порода, также приспособленная к горным условиям, нетребовательная и неприхотливая к пище, отличавшаяся исключительной выносливостью. Быков также использовали в хозяйстве, особенно при пахоте и обмолоте урожая зерновых культур. На них же перевозили тяжести.

Скотоводство в Карачае было экстенсивным. Это отмечалось многими исследователями и расценивалось как показатель его низкого уровня развития. «Вместо того, чтобы большим и лучшим уходом за ним (скотом) извлекать большие выгоды, каждый заботится только о том, чтобы с меньшими трудами и пожертвованиями добиться большего числа скота и в большинстве случаев достигает желаемого, хотя ежегодная убыль от болезней, пропаж, волков составляет значительную часть. Об улучшении же пород и помину нет».³⁹ Однако вековые навыки ведения хозяйства в горных условиях, в тесной связи с окружающей природой диктовали именно такой способ развития скотоводства. Карачаевец не видел никакого смысла в улучшении продуктивности породы в ущерб ее выносливости и неприхотливости. Рассчитывать на привольные равнинные пастбища, богатые сенокосы и обильные корма в течение всего года он не мог. Следовательно, упор делался на породы, выведенные опытом многих поколений и наиболее приспособленные к условиям жизни в горах. Чабану казалось более разумным, к примеру, держать 10 коров, дающих столько же молока, сколько одна высокопородная буренка русского крестьянина или помещика, но зато неприхотливых, добывающих себе корм даже из под снега, способных к длительным перегонам,

позволявших чувствовать себя более уверенно и не «трястись» над единственной скотиной, могущей в любой момент пасть от болезни, хищников, да и просто сорваться в пропасть.

Основная масса скота перегонялась с летних пастбищ (джайлыкь) на зимние (кышлыкь). Летом чабаны со своими отарами и стадами переходили с одного коша на другой, довольно часто меняя места своих стоянок. Летние пастбища располагались довольно высоко в горах, где находились альпийские луга. Основные и самые ценные джайлыки карачаевцев находились на плато Бийчесын; были они и в прилегающих к аулам ущельях. Однако близлежащие пастбища использовались для довольно незначительной части скота, которая оставалась в селениях. В селениях держали только необходимых в текущих хозяйственных делах лошадей, быков, ослов, а также несколько дойных коров и овец для питания семьи. Недостаток выгонов и сенокосных угодий диктовал именно такие условия хозяйства.

Поздней осенью скот постепенно спускался с альпийских лугов в более низменные, заранее подготовленные места, обычно, в глубоких балках, защищенных от холодных ветров. И, если летом обходились довольно простыми постройками на стоянках-кошах (если она была на несколько дней, иногда, обходились одной буркой, служившей защитой и от дождя, и от зноя), то на зиму строились добротные сооружения, часто напоминавшие по строению дома в ауле, срубленные из бревен, с земляной крышей. Рядом с домом для людей сооружали теплые загоны для скота. Часто их роль выполняли пещеры и навесы скал. На кышлыках стада и отары находились всю зиму, значительную часть времени на подножном корму, добывая его из-под снега. Окот овец происходил здесь же. После чего их постепенно начинали готовить обратно к летней перекочевке.

Необходимостью карачаевцев держать зимой скот в низменных местах пользовались кабардинские феодалы. «Обитая на местах гористых и бесплодных, они (карачаевцы - Р.Б.) должны, для содержания многочисленных стад своих, пользоваться пастбищными местами в землях кабардинских и платить за сие подать».⁴⁰ Тогда, по сведениям многих источников, «право владения», то есть право получать арендную плату за пользование кабардинскими пастбищами, имели поочередно в течение одного года, ведущие кабардинские феодалы: Атажукины, Бекмурзины, Мисостовы и Кайтуковы. После покорения Кабарды Ермоловым в 1822 году и принятия Карачаем подданства Российской империи в 1828 году это состояние значительно из-

менилось. Официально карачаевцы были освобождены от уплаты податей российскими военными властями, но фактически поборы продолжались довольно долго, вплоть до 40-х годов XIX века. В это время главную роль в этих земельно-арендных отношениях играла фамилия Атажукиных (связанная родственными отношениями с целым рядом карачаевских феодальных семейств).. Но их влияние заметно падало. В 40-50-е годы даже нерегулярные «подарки» князьям практически прекратились. И только русская администрация в 60-е годы XIX века после окончания Кавказской войны, произведя учет, регистрацию и закрепление земель за определенными владельцами, вновь отрезала часть пастбищ, которыми пользовались карачаевцы, кабардинским феодалам. Теперь карачаевцы были вынуждены арендовать земли под кышлыки у казаков, из появившихся на границе с Карачаем станиц, и у тех же кабардинских феодалов. Но это уже были отношения другого уровня, тесно связанные с развитием не феодальных, а капиталистических способов ведения хозяйства.

Необходимо отметить, что в последнюю четверть XVIII взаимоотношения феодалов Кабарды и горских народов несколько ухудшились. До этого времени постоянная угроза опустошительных крымских набегов вынуждала князей Большой Кабарды сдерживать свои «аппетиты» относительно своих естественных союзников-горцев (кабардинские феодалы нередко укрывались от крымцев в горах, а горцы вместе с кабардинцами неоднократно оборонялись от нашествий крымских и иных феодалов). После присоединения Крымского ханства к России (1783 г.) ситуация изменилась: кабардинские князья перестали нуждаться в горском «тылу» и попытались увеличить арендные сборы за пользование их плоскостными пастбищами. В ответ карачаевцы обратились к России: в 1788 году карачаевцы просили генерала Текелли «приказать кабардинским владельцам, чтобы поступали они с нами по обычаям наших предков», то есть взимали плату в прежних размерах, не увеличивая ее.⁴²

Здесь следует внести терминологическое уточнение: слово «дань» в ту пору означало более широкое понятие, нежели сейчас. К примеру, дары, которые кабардинские князья делали своим подвластным узденям за их службу, именовались «узденская дань». Князья эту «дань» уплачивали, но это же не означает, что они являются данниками (в современном значении этого слова) собственных узденей! Точно также, плата горцев за пользование плоскостными пастбищами кабардинс-

ких феодалов и за охранительные функции, которые брали на себя кабардинские князья в отношении горских обществ (такие протекторальные договора заключались на год или на три года), в документах того времени нередко именуется «данью». Между тем, некоторые авторы склонны считать такую «дань» признаком «кабардинского ига». Однако все было гораздо сложнее.

В начале XIX века карачаевцы платили кабардинским князьям арендную и охранительную плату «с каждого двора по одному барану в год»⁴¹, что было сравнительно невысокой платой. Впрочем, наиболее сильно нужда карачаевцев в пастбищах, лежащих в предгорьях, а, следовательно, и «пастбищная» зависимость от кабардинских феодалов ощущалась ранней весной, особенно после морозных и снежных зим. Сено, запасенное на кышлыках, заканчивалось; сухая трава – подножный корм, добываемый животными из-под снега, также подходил к концу. Скот недоедал и был ослабленным; а впереди у пастухов был окот овец, отел крупного рогатого скота. Приходилось отгонять скот еще ниже, в феодальные владения, где снег начинал таять раньше, и раньше появлялась зеленая трава. В случае же теплой зимы, когда рано сходил снег, и животные могли находиться свободно и в горах, а также в случае хорошего урожая зерновых и трав в прошедший год, горцы, иногда, вообще отказывались платить какие-либо подати феодалам, а на попытки получить их, отвечали вооруженным отпором. «В эти годы они держат скот при себе всю зиму и не только не идут к кабардинцам, но запрещают этим последним приходить к себе, что порождает частые споры и непрерывные войны».⁴³ Однако такие столкновения не могли решить проблему тогда существовавшую окончательно.

Более подробно карачаево-кабардинские отношения и противоречия будут рассмотрены в 3-м параграфе I главы.

Со второй половины 20-х годов прошлого столетия большая часть карачаевского скота зимой и, особенно, ранней весной находилась де-юре не на кабардинских, а на казенных землях и землях, принадлежавших абазинским феодалам, прежде всего князьям Лоовым, чей аул с подвластными крестьянами стоял в верховьях реки Кумы. Но здесь отношения были более спокойными и ровными. Казачьих станиц всю первую половину XIX века было немного (ближайшими были Боргустанская и Баталпашинская), и пастбища на Кумских высотах, реках Подкумке, Эшкаконе и других местах, где часть карачаевского скота находилась большую часть года, были официально не в собственности казаков, а в ведении казны. По договору с

русским военным начальством карачаевцы имели право свободно пользоваться этими землями. Таким образом, военные власти получали мощный экономический рычаг воздействия на Карачай. Скот, основное богатство народа, находился постоянно под наблюдением военных и мог быть сравнительно легко задержан и конфискован в случае «измены». Стада и отары были своеобразным барометром для кордонных начальников: пока они находились вблизи русских постов, значит в горах Карачая все спокойно; если же их начинали отгонять в горы, значит, готовилось какое-либо «возмущение».

Что касается абазинских князей и Кумско-Лоовского аула, то с ними договаривались обычно гораздо проще и легче, чем с кабардинскими феодалами. Если была необходимость держать скот на земле абазинских феодалов, богатые карачаевские скотоводы делали им «подарки» и, таким образом, приобретали права на какой-либо участок. Многие из карачаевцев имели родственные и молочные связи с жителями Кумско-Лоовского аула и поэтому довольно легко с ними договаривались, а то и просто пользовались некоторыми землями без всяких условий и подарков. Разгоревшийся спор между карачаевцами и князьями Лоовыми за урочище Таллык в 40-х годах XIX века разрешился даже по тем временам довольно спокойно и мирно. А земля, в конечном счете, хотя и считалась официально принадлежавшей Лоовым, досталась карачаевцам в безвозмездное пользование.⁴⁴

Таковы основные черты скотоводческого хозяйства карачаевцев и связанные с ним земельно-правовые отношения с соседними обществами и народами.

Что касается земледелия, то оно играло в экономике Карачая роль значительно менее важную, чем скотоводство. Это объяснялось прежде всего острой нехваткой годной для сельскохозяйственного оборота земли, ставшей уже к середине XIX века, в связи с ростом населения и феодальными захватами, просто катастрофической. Многим известна широко распространенная легенда о том, как горец потерял свой земельную полосу, поместившуюся под расстеленной буркой.⁴⁵ Тем не менее, к земле карачаевцы относились очень бережно. Каждый, хотя бы и небольшой, но пригодный для посева участок тщательно обрабатывался. Его очищали от камней, обкладывали для защиты от эрозии, подводили оросительные каналы. Многие документы первой половины XIX века утверждали, что «горцы для избегания нечистоты не вывозят навоз на поля для земледелия»⁴⁶. Но к середине века земли уже были сильно исто-

щены, и их стали удобрять, что стало обычным делом во второй половине XIX столетия.⁴⁷ Так или иначе, но сравнительно хороший урожай в условиях горного Карачая можно было получить только при самом старательном уходе. Самые ценные земли были те, которые усиленно орошались специально устроенными каналами-илипинами, так как без этого участки вообще могли не дать никакого урожая.

На своих пашнях в начале XIX века карачаевцы сеяли яровую пшеницу, ячмень, просо.⁴⁸ Позднее, появляются и другие зерновые: овес, кукуруза. Сеяли карачаевцы и технические культуры. Клапрот упоминает о широком распространении в Карачае табака, который даже шел на «экспорт», в том числе и в Россию.⁴⁹ Источник 1849 года упоминает, что из «красильных растений иногда сажают марену».⁵⁰ К середине XIX века в Карачае стал появляться и картофель, который постепенно стал вытеснять другие культуры и сделался очень популярным.

Урожайность культур в горном Карачае была довольно низкой, земель было немного и своего зерна не хватало на весь год. Положение усугублялось ростом населения; а расширять посевные площади в горах было уже некуда. И если в первой половине XIX века ситуация была не столь острой, а в урожайные годы собранного зерна, по-видимому, хватало для всего населения, то к 60-м годам «только 1/8 часть хлеба, необходимого для прокормления народа, собиралась со своих полей, остальные же 7/8 карачаевцы вынуждены были приобретать на стороне».⁵¹ Впрочем, хлеб в XIX веке, особенно со второй половины 30-х годов, в Кавказской области был в избытке и поступал в «продажу по ценам весьма умеренным»,⁵² поэтому карачаевцы, имея развитое скотоводство, обменивали его продукты на зерно и особой нужды в нем не испытывали.

В первой половине XIX века на всем Северном Кавказе основными формами землевладения и землепользования «были феодальное землевладение, частнособственническая крестьянская земля и общинное землевладение...»⁵³ В Карачае всю первую половину XIX века, де-юре, большинство земель считалось общинной собственностью. Ни один феодал еще открыто не заявлял, что фактически захваченные им пастбища и сенокосы являются его частным, юридически признанным владением.⁵⁴ В частной же собственности различных семей, причем всех социальных слоев (за исключением башсызкулов (рабов)), находились небольшие земельные участки. Согласно обычным правовым воззрениям карачаевцев: тот, кто привел в пригодное хозяйственное состояние земельный участок, ранее

никому не принадлежавший, те есть - очистил его от камней, укрепил каменной оградой, провел воду, выкорчевал деревья, террасировал и т.д., становился его собственником, владельцем. Это были в первую очередь сабаны (пашни) и биченлики (поливные покосы). За владельцем даже признавалось право продажи и дарения такого участка. Но в XIX веке резервов для приобретения земли в собственность таким способом в Карачае почти не осталось. Все мало-мальски пригодные для обработки полосы земли использовались в хозяйстве.

Все же верховная собственность на землю селения принадлежала общине. В общинном владении находились: пастбища, пустоши, леса, покосы и некоторые другие земельные участки. Кроме того, в первой половине XIX века в Карачае сохранилось много пережитков родоплеменного строя. Расселение фамильными кварталами (тийре) - яркое тому подтверждение. Внутри фамилии-тукума была строгая экзогамия. Существовали и, так называемые, родовые земли, принадлежавшие древним кланам Карачая, полученные ими при заселении территории и передававшиеся по наследству, а также родовые кладбища во всех селениях. Кровнородственные связи были очень сильны, и сородичи оказывали друг другу всяческую помощь.

Но в первой половине XIX века сельская община в Карачае была уже в стадии разложения, и этот процесс зашел довольно далеко. Пастбища и покосы хотя и считались общими для всего народа (разумеется, только для полноправных членов общины, а не крепостных и рабов), но распределение участков земли по количеству скота способствовало «захвату ее сильными и богатыми фамилиями, владевшими огромными стадами...»⁵⁵ Официально даже захваченные земли всю первую половину XIX века продолжали считаться общинными, но всем было ясно, что у них имеется хозяин, самовластно ими распоряжавшийся. Причем пережитки родового строя сказывались и здесь, так как собственником присвоенной земли выступало не определенное лицо и даже не семья, а целая фамилия.⁵⁶

Специфические условия горной зоны и занятие скотоводством привели к тому, что первыми в частную собственность феодалов стали переходить в Карачае пастбища и сенокосы. Ко второй половине XIX века почти не осталось общественных сенокосов, а из пастбищ первыми стали переходить в феодальную собственность кышлыки, места зимнего содержания скота. Джайлыки (летние пастбища) еще долго оставались в общинном владении. По крайней мере, всю первую половину XIX века это положение сохранялось не только юридически, но и

фактически. Впрочем, ведение орошаемого земледелия, полукочевого скотоводства, требовавшего взаимопомощи для отражения внешней угрозы и объединения для совместной работы при покосе и зимовке скота, создавало большую живучесть общины и общинных институтов. Начальник Эльборусского округа в 60-70-е года XIX века Н. Петрусеви́ч отмечал, что в первой трети столетия в Карачае еще практиковалась передача биями части земель узденям, за что те обязаны были нести определенную службу.⁵⁷ Такие земли начинали приобретать черты наследственного феодального владения и вели к созданию в Карачае дворянской прослойки и социальной структуры аналогичной той, что сложилась в соседней феодальной Кабарде. Феодал, давший узденю земельный участок, рассчитывал на определенные подарки и помощь со стороны вассала, но и сам был обязан оказывать покровительство и заступничество. Еще более прочными делало вассальные отношения молочное родство - атальчество. Многие уздени воспитывали сыновей, или, иногда, дочерей биев и за это могли получать участки земли в наследственное пользование. Однако эти отношения не получили в Карачае дальнейшего развития и были прерваны как в результате влияния Российской военно-административной системы, так и, отчасти, под воздействием исламской идеологии. Социальное расслоение в Карачае так и не достигло уровня соседней Кабарды. Самым крупным и, что немаловажно, влиятельным и сильным было сословие независимых крестьян-общинников (узденей), составлявших большинство населения. (По приблизительным данным 1841 года около 67 % населения).⁵⁸

В первой половине XIX века хозяйство Карачая носило еще в основном натуральный характер. Каждая семья старалась обеспечить себя всем необходимым. В домашних условиях изготовлялись: головные уборы, одежда, обувь; вырезалась из дерева всевозможная посуда, делались ведра для переноса воды и молока, кадучки и бочки для хранения сыра и молочных продуктов, плуги для земледелия и сани для перевозки сена; ковры, полсти, постельные принадлежности, оружие и многое, многое другое.

Но с одной стороны особенности горной зоны, недостаток земли и растительных культур своего производства, а с другой - развитое скотоводство, дававшее богатую сырьевую базу, создавали предпосылки для развития ремесла и обмена.

Однако в ремесле в Карачае в первой половине XIX века более-менее четко выделились лишь кузнечное дело и деревообработка. Территория Карачая богата полезными ископаемыми, в том

числе и рудами металлов. Здесь добывались железо и свинец. В этнографическом описании Буцковского в 1812 году упоминается, что карачаевцы «выделявают пули и плавят железо».⁵⁹

Из него кузнецы (порбеджичи) изготавливали оружие, предметы домашнего обихода, сельскохозяйственные орудия. Подобным же ремеслом занимались мастера по обработке дерева. Ведра, кадки, бочки, ложки, всевозможные чашки, приспособления для сбивания масла, деревянные части плуга, сани, бороны, арбы выходили из под их умелых рук. Хотя, конечно, многое делалось непосредственно в семьях, но такие вещи как, например: плуги, ярма для быков, челноки для ткацких станков - требовали работы специалиста.

Однако в первой половине XIX века кузнечное дело не получило в Карачае большого распространения. Металлические изделия не выдерживали конкуренции с привозными товарами, главным поставщиком которых была в начале прошлого века Турция, а затем эта роль перешла к России, фабричные изделия которой нанесли последний, решающий удар по кустарному промыслу. Впрочем, в самом Карачае ремеслом в сфере металлообработки занимались в большинстве своем не сами карачаевцы, а выходцы из Дагестана. Они оседали в карачаевских аулах, часто на всю свою жизнь, и именно им принадлежит абсолютное большинство изготавливаемых в Карачае ремесленных изделий: кумганов, тазов, казанов, серебряных поясов с украшениями, женских сережек, колец, нагрудников, браслетов, брошек, а также оружия - кинжалов и шашек, отделанных и украшенных серебром. Делали они и огнестрельное оружие, но у него была сильная конкуренция со стороны покупных фабричных винтовок.

В отличие от многих других уголков Кавказа, Карачай не испытывал больших трудностей, говоря сегодняшним языком, с боеприпасами. Запрещение царских властей продавать горцам огнестрельное и холодное оружие, военные снаряды, порох, селитру, серу и кремни⁶⁰ на Карачае в первой половине XIX века никак не сказывалось. Как уже отмечалось, здесь имелись свинцовые руды, из которых плавил пули. Свинец был даже в избытке, его хватало не только для внутреннего потребления, но им снабжались и соседние народы.⁶¹ В горах Карачая имелась также селитра и серная зола, необходимые для производства пороха. Добывание селитры было связано с определенным риском (она добывалась на склонах отвесных ущелий и человека, собиравшего ее, спускали в пропасть на веревке).⁶² Но эти трудности не шли ни в какое сравнение с проблемами.

которые, порой, испытывали соседи-кабардинцы, вынужденные для добычи селитры «выщелачивать подстилку овечьих стойл и загородок»,⁶³ а в 1804 году от отчаяния стрелявших в русских солдат глиняными пулями.⁶⁴ Карачаевцы изготавливали порох довольно умело, имея свою «технологию». В селитру добавляли серу и растительную добавку в виде растертой и измельченной азалии.⁶⁵ Сделанный таким образом порох был «мелкий и отличался особенной силой».⁶⁶

Как бы ни стремилось хозяйство горца к самостоятельности, но полностью обеспечить себя никогда не удавалось. Развитое скотоводство и скудное земледелие создавали предпосылки для обмена и торговли с соседями. По большому счету торговли, в современном понимании, в Карачае, как и в Балкарии, не было всю первую половину XIX века. Деньги практически не имели хождения и происходил простой товарообмен.⁶⁷ Сами карачаевцы внутри своей территории именно торговлей практически не занимались. Более того, по понятиям практически всех горцев Северного Кавказа, торговать было просто неудобно, непочетно, да и просто стыдно. В Черкесии было большим позором убивать евреев и армян, занимавшихся спекулятивной перепродажей товаров. Оружие горца, обогрелое кровью жертвы, считалось оскверненным.⁶⁸ Было ли в Карачае что-либо подобное, нам не известно, но отношение к купцам-спекулянтам было отнюдь не лучше. В горных уголках Северного Кавказа признавалась только меновая торговля. Именно обмен излишков домашнего хозяйства (в Карачае прежде всего продуктов животноводства) на необходимые для семьи и общества товары, был не унижителен для горца и рассматривался как нормальное явление. Продажа товара ради простой наживы и обогащения была в первой половине XIX века для карачаевцев процессом еще непонятным. Только постепенно, по мере вхождения в состав России и втягивания в капиталистический рынок в масштабе всей империи, начал меняться менталитет и стереотип поведения. Конечно, к примеру, на ярмарки в города и казачьи станицы горец начал ездить еще с 40-х годов XIX века; и там он, понемногу, учился «новому мышлению», но первоначально карачаевец посещал базары и ярмарки для закупки необходимых и незаменимых в хозяйстве предметов и орудий, а не для того, чтобы сколотить капитал. Власть денег была еще неизвестна, они не выступали как всеобщий эквивалент стоимости, а значит, не было стимула для их накопления. Да и сама Российская империя в первой половине XIX века была страной с массой феодальных пережитков. Капитализм толь-

ко входил в жизнь империи, и его шаги были довольно робкими даже в «столичных» регионах России, не говоря уже о вечно беспокойных и бунтующих национальных окраинах. К тому же, в горных национальных районах Северного Кавказа, где сохранялась масса патриархально-родовых пережитков, не выделилось особого класса торговцев, ростовщиков, купцов из среды собственно коренного населения. Это стало происходить гораздо позже. В Карачае же было практически неизвестно даже отходничество, то есть уход на заработки в чужие земли⁶⁹.

Впрочем, торговцы-спекулянты в Карачае имелись. Их роль исполняли не местные жители, а, чаще всего, армяне и евреи. Они приобретали в Карачае изделия из шерсти: бурки, башлыки, войлоки, сукна; кожи; молочные продукты; сам скот - овец и коров, а также шкуры диких пушных зверей, которыми изобиловали в то время горные леса. Взамен карачаевцы получали хлопчатобумажные ткани, металлические, скобяные изделия, различные предметы домашнего обихода, а чаще всего: иголки, наперстки, зеркальца, серьги, браслеты, «ложки нейзилберные, с известным штампом варшавского фабриканта Гейнингера»,⁷⁰ то есть то, без чего в хозяйстве можно было вполне обойтись, но что так радовало девичий глаз, тешило женское самолюбие, заставляло подбивать своих отцов, мужей и братьев обменивать на красивые безделушки овец и коров, а самим отдавать купцам бурки, сукна, ковры и многое другое.

Эти купцы наживали на таких операциях приличные прибыли. Так, например, за сотню иголок они брали корову.⁷¹ Приносила ли такая торговля горцам пользу, сказать трудно. Но проку от нее было явно мало, так как даже ткани, котлы, сундуки, то есть, вещи в хозяйстве, безусловно, необходимые, продавались втридорога. Да и сама прослойка купцов-спекулянтов существовала и имела прибыли только благодаря неуклюжей торговой политике России.

В хозяйственном обмене со своими соседями горцы прекрасно обходились и без торговых посредников. Развитое скотоводство позволяло карачаевцам обменивать продукты этой отрасли своего хозяйства на все необходимое для жизни и быта того времени. Недостающие продукты и товары приобретались у ближайших соседей. Больше всего карачаевцы в первой половине XIX века нуждались в зерне и соли. Зерна не хватало из-за ограниченных посевных площадей и растущего населения, соль же частично заменялась водой из минеральных источников. Эю пользовались при варке мяса и других продуктов, при засолке, а также поили скот. Иногда, соль получали из минеральной

воды методом выпаривания. Но, во-первых, полностью удовлетворить потребности в соли таким методом не удавалось, а, во-вторых, природная привозная соль была более высокого качества. Кроме того, ее было легче транспортировать на значительные расстояния, что в условиях скотоводческого хозяйства было немаловажно. Поэтому соль приобретали в довольно больших количествах в Кабарде, Имеретии, а с 30-х годов XIX века больше всего на российских меновых дворах. У кабардинцев, абазин, в Грузии и России выменивали также хлеб, то есть в основном зерновые культуры (ячмень, просо, кукурузу и т.п.). Из Сванетии карачаевцы получали в основном сушеные фрукты. «У них (сванов - Р.Б.) имеются виноградники и фруктовые деревья, плодами их сваны меняются с карачаевцами на шерсть и баранов»,⁷² - читаем в одном из политико-статистических обзоров первой половины XIX века. Как и многие другие народы мира, особенно до появления сахара, карачаевцы употребляли в пищу очень много меда. «Мед являлся как бы их национальным продуктом питания. Он был любимой едой, особенно людей пожилого возраста».⁷³ Но собственные пасеки стали появляться в Карачае только к концу XIX века, поэтому большое количество меда поступало к карачаевцам от абазин, которые с удовольствием меняли его на карачаевских барашков.⁷⁴

Карачаевцы имели торговые связи не только с ближайшими соседями, но и с более далеким Дагестаном, откуда в Карачай дагестанские мастера привозили свои ремесленные изделия и особо славившиеся холодное оружие.

Сами карачаевцы поставляли на обмен соседним народам прежде всего продукты скотоводства, а также изделия из дерева и шкуры диких зверей. Но одну из первых статей «экспорта» занимали, конечно же, карачаевские овцы. Они высоко ценились у всех соседних народов: в Абхазии и Сванетии, в Грузии и России, у адыгов и абазин. Даже такие прирожденные скотоводы как ногайцы приобретали у карачаевцев не только изделия из дерева, но и барашков.⁷⁵ Слава о непревзойденном качестве и вкусовых данных их мяса еще в начале XIX века вышла за пределы Кавказа.

Довольно значительными были также поставки из Карачая и Балкарии к соседним адыгам, абазинам и ногайцам пороха и свинца. В 40-х - 50-х годах XIX века мыртазаки наиба Мухаммад-Амина стреляли пулями, выплавленными именно из карачаевского свинца.⁷⁶

Кроме того, в Карачае была еще одна потенциальная статья дохода. Это хороший строевой лес. Еще в 1812 году Буцковский

отмечал, что карачаевцы его «охотно к Баталпашинскому карантину за умеренные цены доставлять берутся».⁷⁷ Но торговле лесом мешала одна существенная деталь: полное отсутствие колесных дорог, что делало доставку не только дорогой, но и практически невозможной. Впрочем, в первой половине XIX века действовал все еще и другой аспект - нравственный, тормозивший торговлю лесом. И хотя В. П. Невская пишет, что в 1847 году карачаевцы продали леса на 22 тысячи рублей,⁷⁸ существовал и другой взгляд на этот процесс. «Отцы и деды ничего не продавали за деньги из своих владений и были счастливы»,⁷⁹ говорили горцы.

Как уже упоминалось, развитию товарно-денежных отношений в Карачае мешало отсутствие удобных, с транспортной точки зрения, дорог. Все грузы перевозились выючным способом, на лошадях. В первой половине XIX века, в период Кавказской войны, такое положение карачаевцев вполне устраивало, и, более того, они не собирались его менять. Наоборот, многие тропы в Карачай держались в секрете, а дорога по Кубани, по и без того труднопроходимой местности, особенно в районе Аман-Ныхыта, (приблизительно 13 километров от Каменного моста), сознательно содержалась карачаевцами в самом отвратительном состоянии. Вопрос безопасности в данном случае перевешивал, так как карачаевцы «разработав ее без всякой особенной пользы, ставят край свой в самое бесильное положение, не имея средств по малочисленности своей защищаться от натиска неприятеля».⁸⁰

Главные торговые обороты Карачая производились до 40-50-х годов XIX века в имеретинской провинции Рача, в местечке Они, на реке Риони. Позже они переместились на российские меновые дворы и ярмарки. В Имеретии карачаевцы сбывали скот, изделия из шерсти, молочные продукты. Взамен получали медные котлы (казаны), хлопчатобумажные и шелковые ткани, соль, хлеб, нитки для шитья, золотые и серебряные блески и «всякие мелкие товары».⁸¹ В Рачу из Карачая было попасть довольно сложно, путь шел через Главный Кавказский хребет, горными тропами и был долог и труден. «Местечка Они карачаевцы достигают за 3,5 дня конной езды»,⁸² - читаем у П. Зубова.

Несмотря на трудную дорогу по пересеченной местности (около 150 км), обмен в Имеретии был взаимовыгоден. Товары приобретались дешево и были хорошего качества. Торговля с северными соседями карачаевцев - кабардинцами - была менее оживленной. Как и все феодалы, кабардинские князья держали торговлю под своим контролем и брали определенные по-

шлины. Поэтому на обмен с Кабардой карачаевцы шли менее охотно, так как товары, поступавшие оттуда и из России, но через посредничество кабардинцев, были намного дороже, чем из Имеретии. Но туда можно было добираться только в теплое время года. И потому, при необходимости, главным образом, зерно и соль приобретались у кабардинцев или через их посредничество.

Главными «внешнеэкономическими» партнерами Карачая в позапрошлом столетии были Турция и Россия. Позиции Османской империи были особенно сильны в начале XIX века, когда наиболее интенсивными были связи с крепостью Сухум-Кале, когда она была еще в руках Турции. С Анапой, ввиду ее отдаленности, карачаевцы были связаны очень слабо. Османы в начале позапрошлого века вели довольно значительную торговлю на всем Кавказе. Товары приходили из Стамбула, Трапезунда и других городов морем и, вследствие этого, имели низкие цены. Ассортимент товаров привозимых карачаевцами в Сухуми и приобретаемых там был фактически тот же, что и в Имеретии. Однако именно из турецкой крепости в Карачай, по-видимому, впервые попал табак, а в Сухум-Кале, помимо всего прочего, карачаевцами поставлялось много медвежьих, заячьих, куньих, кошачьих шкур, мех которых весьма ценился.⁸³ Кроме того, туда же перепродавался мед. Полученный от адыгов и абазин он варился с кизилом, а затем уже отправлялся к туркам, да и, обратно, к тем же адыгам-кабардинцам.⁸⁴

Но в торговле с Османской империей был существенный минус. В Турции процветала работорговля, и турецкие купцы охотно меняли свои товары на невольников. Работорговля «не только приводила к вывозу из Черкесии и других областей Северного Кавказа лучшей по своим физическим данным части местного населения, но являлась одной из главных причин феодальных набегов и междоусобиц...»⁸⁵ Феодальная верхушка кавказских народов, падкая на предметы роскоши, старалась приобрести их в Турции. Не имея денег, она стала использовать самый ходовой товар – рабов, для их захвата часто совершая набеги на своих соседей. Но, как пишет У. Д. Алиев: «Хуже всего в этой внутренней работорговле было то, что ею занимались не только лезгинские и кабардинские князья, а почти все – до свободного крестьянина включительно. Поэтому воровство людей приняло широчайшие формы даже среди бедняков...»⁸⁶

Только с распространением влияния России широкая работорговля на Кавказе сошла на нет. Впрочем, Россия сама была полурабской страной с крепостническими отношениями. Поэто-

му был запрещен, прежде всего, вывоз рабов в Турцию, а также, частично, их продажа и перепродажа из одной области в другую. Владельцам было запрещено безнаказанно убивать невольников.⁸⁷ В целом же сама структура рабства была сохранена, так что и феодальная верхушка, и даже свободные крестьяне могли иметь рабов и рабынь, занятых в домашнем хозяйстве. Ими не могли быть только русские пленники. А что касается «азиатов», то даже часть командования и офицеров армии не только не брезговали торговлей невольниками, но и сами приобретали их и владели ими. (Например, известен случай, когда знаменитый генерал Ермолов захваченных в плен женщин «продал в рабство и раздал своим подчиненным».⁸⁸ А узденю М. Хубиеву русское командование взамен отобранной невольницы цыганки из казачьей станицы обещало либо дать пленную «азиатку», либо возместить «потерю» деньгами).⁸⁹

Начиная с 40-х годов XIX века, главным поставщиком своих товаров в Карачай стала Российская империя. Конечно, российские товары попадали к карачаевцам и раньше, но в основном через посредников-кабардинцев или армянских и еврейских купцов. Непосредственно прямые контакты, посредством меновых дворов и ярмарок, широко начались именно со второй трети XIX века. Меновые дворы начали открываться Россией еще в XVIII веке, и количество их постоянно возрастало. Но от Карачая они были все удалены на довольно большое расстояние. Еще в 1826 году карачаевцы просили русское командование учредить у «крепости Хахандуковской меновой двор, дабы мы могли там получать соль, железо, товар и хлеб и были бы пропускаемы в пределы России по своим надобностям».⁹⁰ Но эта просьба так и не была выполнена. И только в 40-е годы были открыты меновые дворы «для торговли с карачаевцами в станицах Боргустанской и Баталашинской».⁹¹ Первоначально на меновых дворах деньги не использовались, а происходил простой обмен горской продукции на российские товары, в первую очередь на соль. Позднее ее разрешили покупать за деньги. Выбор товаров, который горцы могли получить, был невелик, качество их часто оставляло желать лучшего. Кроме того, существовали, так называемые, карантинные, где продукция горцев, привезенная на обмен, могла находиться несколько недель и даже больше. Общий срок «карантинного очищения», иногда, доходил до 40 дней,⁹² но только после прохождения этой процедуры местные жители могли продавать или обменивать свои товары.

Особые правила и бюрократические проволочки создавали

массу возможностей зрителям меновых дворов для махинаций, обмана и злоупотребления своим положением. По большому счету, горцы старались не связываться с меновыми заведениями. Они старались сбывать свою продукцию напрямую или пользовались услугами проезжих купцов, которые затем уже перепродавали товары горцев в станицы и города.⁹³ Получив разрешение покупать соль, карачаевцы сразу же ей воспользовались и, фактически, она стада единственным товаром, который еще сбывали меновые дворы, причем за деньги. А когда в 40-х годах XIX века горцы получили разрешение посещать ярмарки и базары и продавать там свои товары, то меновая торговля окончательно зачахла. Зачастую принося казне одни убытки, меновые дворы просуществовали, находясь в государственной собственности, до 1853 года. Затем они были переданы в частные руки, но скоро закрылись окончательно. Главный попечитель Кавказских меновых сношений, Швецов, еще в 1845 году считал необходимым «допустить свободные торговые отношения между горцами и русским»,⁹⁴ но официальные власти на это долго не решались.

Однако горцы раньше русского правительства осознали выгоды свободной торговли и предпочитали посещать ярмарки и базары в русских городах и станицах, где с 40-х годов прошлого века и стал происходить основной торговый оборот карачаевцев с русским населением. Карачаевцы привозили на ярмарки и ранее на меновые дворы овчины, бурки, полсти, кожи, сукна, масло и многое другое, а также пригоняли скот, в основном овец. Обменивали или покупали на вырученные деньги: хлеб, соль, мануфактуру (главным образом хлопчатобумажные ткани), медную посуду, чугунные котлы и т.д.⁹⁵

Но свободная торговля, товарно-денежные отношения, стягивание Карачая в общероссийский рынок неузнаваемо меняли облик общины, селения, жизнь, быт и хозяйство горца. Рушились последние общинные и патриархально-родовые пережитки, стала быстрее выделяться социальная верхушка, материальные блага все больше концентрировались в ее руках. Шло расслоение общества, умирало горское «производство», не выдерживая конкуренции с фабричными изделиями, все большее значение приобретал вывоз сырья (шерсти, кож, леса), а не готовых изделий. И если в Швейцарии, в схожих природных условиях, после 1810 года произошел новый всплеск и подъем сыроваренного производства⁹⁶, то в Карачае все подобные попытки поставить изготовление сыра на промышленную основу зачахли и не осуществились, несмотря на богатейшую сырье-

вую базу. То есть шел процесс превращения Карачая, как и всего Кавказа, в обычную колонию образца XIX - первой половины XX веков. Началось, по меткому выражению В. И. Ленина «экономическое завоевание Кавказа».⁹⁷ Этот процесс в первой половине прошлого века тормозился наличием в самой России крепостных отношений, но после их отмены в 1861 году он стал необратим.

Таковы некоторые основные черты хозяйственного строя карачаевцев в первой половине XIX века.

Рассмотрение же общественно-политических отношений начнем с сословной организации, социальной «лестницы» карачаевского общества в указанную эпоху. Этой теме в советское время уделялось особое внимание, и она была подробно описана и разработана. Правда, она находилась под сильным идеологическим давлением, и сословные отношения у различных народов Кавказа «загонялись» в узкие рамки классовой борьбы. Описание социальной структуры Карачая, кроме того, велось, по большей части, на основе документов и источников, относящихся ко второй половине прошлого столетия, когда явления, еще слабо выраженные в его первой половине, стали ярче и обозначились более четко. В структуру данной работы не входит задача широко и всесторонне рассматривать сословные отношения в Карачае, а тем более полемизировать на эту тему. Поэтому кратко рассмотрим лишь главные и существенные аспекты вопроса.

Социальное и имущественное расслоение в Карачае достигло высокого уровня. Некоторые авторы полагают, что близкородственные балкарцы ушли в социально-политическом развитии гораздо дальше⁹⁸. Однако в этом отношении Карачай мало в чем уступал своим соседям. Такого сословного деления, как в Карачае, где имелось девять (!) сословных категорий (аристократия – две; *бий* и *чанка*; узденство - четыре; *сырма-уздени*, *кара-уздени*, *сарайым-уздени*, *тёбен-уздени*; вольноотпущенники – *азаты*, лично зависимые сословия – две: крепостные крестьяне *джоллукулы*, или *юлгюлюкулы*, и патриархальные рабы *джолсузкулы*, или *башсызкулы*), не было ни в балкарских, ни в абазинских, ни в осетинских, ни во многих других горских обществах.

Некоторые авторы статей и документов начала XIX столетия из-за малоосведомленности вообще видели в Карачае только два сословия: старшин (владельцев) и черного (вольного) народа или каракиши,⁹⁹ хотя, конечно же, все было намного сложнее. Мнение, что в начале на вершине иерархической лестницы

карачаевского общества поочередно стояли кабардинские княжеские фамилии Мисостовы, Кайтуковы, Атажукины, Бекмурзины¹⁰⁰, а ведущие фамилии Карачая (Крымшамхаловы, Дудовы и Карабашевы) будто бы исполняли лишь роль дворянства ошибочно. Будь это так, в карачаевских сословных адатах (а у биев-князей Карачая был свой «кодекс чести» - *Къарча намыс*) или хотя бы в сословной терминологии карачаевцев отразилось бы какое-либо кабардинское влияние, а это нет – следовательно, социогенез в Карачае не связан с аналогичным процессом в Кабарде. Власть верховных правителей (олиев) была наследственной¹⁰¹

Бии были привилегированным сословием. Такое их положение опиралось, прежде всего, на экономическое могущество. Они владели большими стадами скота, имели не только родовые участки земли, но захватывали и общинные сенокосы и пастбища. Бии владели крепостными крестьянами и рабами, работавшими на княжеской земле, пасшими хозяйский скот или использовавшимися в домашнем хозяйстве.

Сословию бий принадлежало решающее слово в управлении обществом, они ведали судебной и административной властью. Лидирующее положение в Карачае занимала фамилия Крымшамхаловых, из членов которой выходил вали (олий), то есть правитель всего общества. Бии строго следили за «чистотой крови» и старались заключать браки только с представителями «своего» сословия, причем, не только внутри Карачая. Охотно и без всяких претензий княжеские фамилии рождались с высшими сословиями соседних народов: балкарцев, кабардинцев, абазин, абхазцев, ногайцев, сванов, других народов. Все же неравные браки были делом хотя и не слишком распространенным, но и не столь редким. Дети, рожденные от бия и женщины низшего сословия (в Карачае это уздени - свободные крестьяне), не приобретали в полной мере прав своих отцов. Они относились к сословию чанка, имели подаренные отцом земли и стада, но не обладали такими же правами. Чанка занимали как бы промежуточное положение между биями и узденями. К сословию чанка в Карачае относились фамилии Магометовых (ветвь Крымшамхаловых), Шахановых, Минкоевых (Айсандыровых), Коджаковых (Чипчиковых), Темирбулатовых, Казиевых (и ветвь последних – Апаевых), Кагиевых (ветвь чегемских таубиев Келеметовых), а также появившихся в Карачае в XIX в. Магаевых и Калахановых¹⁰²

Но самым большим по численности, основой карачаевского общества было сословие узденей. В отличие от кабардинцев, где

этим термином русские источники называли дворянство,¹⁰³ в Карачае уздени или каракиши представляли собой свободных крестьян-общинников. Как уже упоминалось, по приблизительным данным 1841 года их численность составляла около 67% населения. Но эта цифра не изменилась и к 1867 году. В это время данные были более точные, но и по ним узденей было 68%. А еще 12% составляли азаты, то есть бывшие зависимые крестьяне, получившие каким-либо способом свободу.¹⁰⁴

Сословие узденей не было однородным по своему составу. Наряду с богатыми фамилиями, имевшими даже крепостных и рабов, были бедные и маломощные семьи. Как уже упоминалось, некоторая часть узденей в начале XIX века еще получала в наследственное пользование от биев участки земли, за что обязана была выполнять определенные услуги, превращаясь постепенно в сословие дворян. Но эта практика не успела получить развитие в Карачае и была прервана в связи с вхождением в состав Российской империи.¹⁰⁵

Уздени обязаны были оказывать биям знаки внимания, делать определенные подарки. У.Д. Алиев в своей книге «Кара-Халк» пишет о многочисленных повинностях, которые несли каракиши в пользу биев. Это и выделение косаря во время покоса, и работника с парой быков для перевозки леса при строительстве, и уход за скотиной в зимнее время, и всякая иная помощь при пахоте, удобрении полей и жатве.¹⁰⁶ Это описание вступает в противоречие с некоторыми источниками первой половины XIX века, которые, отмечая привилегированное положение биев, утверждали, что «карачаевцы ничем особенным не выделяют своих князей» и ни в «коей степени не подчинены» им;¹⁰⁷ «карачаевцы называют своих князей бий, народ не платит им никаких налогов»;¹⁰⁸ «народонаселение... разделяется на два сословия: старшин и вольный народ»;¹⁰⁹ «князей они не имеют»;¹¹⁰ «старшины над каракишами не имеют никаких особенных прав».¹¹¹ И только новые исследования скорректировали этот вопрос.

(На самом же деле, персоны князей в Карачае пользовались особым отношением, более того – у карачаевцев имел место «культ князей», налоги в пользу князей (*челекклик*, *ёгюз-джюк* и т.д.), особые ритуалы, отличающие княжеский статус от прочих, собственный свод княжеских адатов (кстати, он допускал эндогамные браки, чего не могло быть у «черного народа») и т.д. (все эти моменты подробно изложены в специальной монографии Р.Т. Хатуева «Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: Власть и общество», изданной Институтом этнологии и антропо-

логии РАН в 1999 г., куда мы отсылаем интересующихся этим вопросом).

Однако и на феодалов обычай накладывал обязанности по отношению к узденям. Бий делал ответные «подарки» находящемуся под его покровительством, не имел права безнаказанно посягать на его жизнь, имущество и честь и, вообще, должен был «всегда помогать каракиши в делах его». ¹¹²

Но, тем не менее, зависимость узденей от биев в первой половине XIX века была весьма существенной. Именно это и побудило часть узденства склониться к исламской идеологии (проповедовавшей эгалитарные установки) и движению горцев под руководством Шамиля и его наибов в Черкесии. Однако политическое и экономическое влияние карачаевских князей не только не исчезло, но даже усилилось во второй половине XIX века, не в последнюю очередь благодаря покровительству русских властей.

Зависимое, неполноправное сословие в Карачае делилось на две категории: крепостные крестьяне (джоллукулы, юлгюлюкулы) и патриархальные рабы (джолсузкулы, башсызкулы). Юлгюлюкулы находились в зависимости от владельцев, которыми выступали в основном бии, но были среди них и богатые уздени. Их неполноправность выражалась в том, что жили они не на своей земле и были обязаны выполнять определенные повинности по отношению к феодалу. Их перечень был довольно широк. Юлгюлюкулы использовались для «постройки дома деревянного или каменного, для пашни и собирания хлеба с поля, для пастьбы скота, сенокосов и для перевозки дров», читаем в адатах. ¹¹³ Однако зависимые крестьяне имели некоторые личностные и имущественные права. Они имели право заводить семью, которая не разбивалась при продаже другому феодалу, вели свое хозяйство, могли владеть собственными земельными участками и скотом, а могли и жаловаться в махеме (суд) на неправомерные, с их точки зрения, действия владельца и перейти к другому, при благоприятном для себя исходе дела. ¹¹⁴ А отдельным лицам из юлгюлюкулов удавалось «приобрести землю и скот и даже своих крепостных». ¹¹⁵

Самой низшей и бесправной частью населения были патриархальные рабы – башсызкулы. Они не имели практически никаких прав, не вели своего хозяйства, жили при доме или на кошу владельца, который мог подарить или продать их кому угодно, и, до усиления русской власти, безнаказанно убить. Убийство башсызкула посторонним рассматривалось как причинение имущественного ущерба, а дети от рабыни (карауаш) - как приплод. ¹¹⁶ Основными источниками приобретения рабов были

захват пленных при военном набеге и покупка. Башсызкулы имелись во многих хозяйствах биев и узденей, но значительной производительной роли в них никогда не играли.

По мере распространения ислама, на Северном Кавказе в целом и в Карачае в частности, появляется сословие духовенства. Исламская идеология с первых же своих шагов вступила в борьбу с местными обычаями, пытаясь заменить нормы ада-та основанными на Коране шариатскими установлениями. Но самое главное то, что, опираясь на изложенные в священной для мусульман книге принципы равенства (эгалитаризм) верующих перед Аллахом, крестьяне-общинники у народов с развитыми феодальными отношениями стали отказываться нести повинности в пользу князей и дворян. Это, однако, делало положение духовенства сложным и двусмысленным. С одной стороны, «именно насаждаемый исламом дух равенства»¹¹⁷ во многом способствовал успешному распространению мусульманства, но с другой - проповедникам ислама не хотелось обострять отношения с князьями и дворянами, имевшими реальную власть, богатство и влияние.

Кроме того, сами эфенди и муллы имели статус привилегированной сословной группы, что сближало их с феодальной верхушкой. В Карачае и Балкарии «из всего избытка хлеба и скота ежегодно отделяется десятая часть по закону Магомета и разделяется на три части: одна аульному эфенди, другая всем муллам, а третья – нищим», кроме того, «с каждого дома отдается зимой аульному эфенди по барану и по одному стогу сена... дров по одному вьюку на ишаках и летом по барану».¹¹⁸ Как видим духовенство отнюдь не ограничивалось положенной десятиной, но имело еще и другие доходы. При этом, оно неплохо наживалось во время свадеб, похорон и исполнения других религиозных обрядов. За чтение Корана в доме умершего, мулла мог получить «лошадь с седлом и прибором», а также «все платье усопшего» и денежную сумму.¹¹⁹

Но крестьяне-общинники, отказываясь осуществлять феодальные повинности в пользу дворян и князей и признавать их политическое преимущество, переставали делать приношения и духовенству, за исключением положенной по шариату десятины. Последнему терять дополнительные источники доходов, естественно, совсем не хотелось, поэтому муллы при возникновении конфликтов и решении судебных дел, обычно, вставляли на сторону феодалов.

Вообще-то, положение духовных сил в так называемых демократических племенах Черкесии, вольных сельских обще-

ствах Дагестана и, особенно, в Чечне, заметно отличалось от их «коллег» в других регионах Кавказа, с более развитыми феодальными отношениями. В обществах, где не было сильной княжеской власти, успехи исламизации в большей степени зависели от личных качеств духовного наставника и от принимаемых им решений в делах веры, быта, в политической и военной сферах. Такие решения могли реализовываться только в том случае, если они устраивали большинство свободных членов общины, если они казались верными, своевременными, справедливыми и необходимыми. Поэтому авторитет духовных лиц, служивших интересам общины, здесь был довольно высок. Так, например, в 1840 году по всей Чечне «пошли разговоры о прозорливости, мудрости и умении справедливо разрешать споры и конфликты» имамом Шамилем. «Местные жители толпами начали стекаться к нему, прося научить их жить по законам веры и правды... и чеченцы вольно или невольно стали сравнивать то, как вел себя Шамиль, с деятельностью наших (русских - Р.Б.) чиновников, и сравнение это было далеко не в пользу последних».¹²⁰

У народов с развитым феодальным строем эфенди и муллы, даже являясь выходцами из низших сословий, старались не обострять своих отношений с князьями и дворянами, так как именно от их позиции зависела реализация или, наоборот, блокировка решений, вынесенных на основе норм шариата. Соответственно и прямо, открыто пойти на столкновение с феодалами духовенство до поры, до времени не могло, да и не хотело. Поэтому оно почти всегда стояло на стороне феодальной верхушки, не предпринимая действий противоречащих ее интересам, и за это спокойно имело возможность получать положенную десятину и другие доходы. В Карачае, как и в соседних с ним Кабарде и Балкарии, большинство духовенства, выступало если не заодно с княжеской властью, то и не вступая в противоборство с ней. В руках духовных лиц, совместно с биями, была и судебная власть. При чем решения выносились как на основе шариата, так и адата.

Тесная связь верхушки духовенства с горскими феодалами, поддерживаемыми в свою очередь царскими властями, делала их зависимыми и от русской военной администрации на Кавказской линии. Последняя оставляла за собой право, в случае нелояльного и враждебного отношения к ней со стороны эфенди, смещать их с занимаемых должностей и назначать новых. В этой связи неудивительно то, что многие духовные лица враждебно относились к действиям имама Шамиля и его наиба в Черкесии - Мухаммад-Амина; хотя, казалось бы, по долгу службы должны были оказывать им всяческую помощь. Им совсем не хотелось ме-

нять спокойное и обеспеченное существование под покровительством князей и русских властей на беспокойную и полную опасностей жизнь борца за веру. Не случайно, что русским платным шпионом у Мухаммад-Амина был эфенди, который служил у него казначеем и секретарем.¹²¹

Однако значительная часть духовенства, особенно, так сказать, среднего и рядового звена, стояла на откровенно антирусских позициях. Многие вели антироссийскую агитацию, широкую исламскую пропаганду и были ярыми сторонниками священной войны с «неверными». Особую роль в этом играли и заметные успехи движения горцев под руководством имама Шамиля в Чечне и Дагестане.

Так или иначе, но распространение ислама и мусульманского права не только значительно меняло жизнь горской общины, но и имело некоторые положительные для нее последствия. Ислам ограничивал кровную месть, давал некоторые правовые и имущественные права женщинам, но, что самое главное, вел к ослаблению крепостных отношений. Именно это способствовало успешному распространению мусульманства на Северном Кавказе и популярности среди горцев деятельности Шамиля и его наибов. Ислам, хоть и немного, но стирал кастовые, социальные различия и перегородки и, тем самым, улучшал положение крестьянской массы. Ограничивалось самовластие князей, устранялись некоторые привилегии и виды дани, развивались и осуществлялись идеи о политическом равенстве дворян и князей со свободными крестьянами-общинниками. Убежденный атеист У. Алиев в свое время также признавал, что «ислам при всем его фанатичном дурмане, теократическом учении, фатализме и пр... впервые наложил на восточных горцев (дагестанцев) целые тысячелетия разрозненных отпечаток гражданского устройства, даже печатное слово и письменность».¹²²

И хотя, в частности, в Карачае, Балкарии и Кабарде духовенство изначально было менее многочисленным, чем в Дагестане, более слабым и более зависимым от князей, но и оно постепенно расширяло свое влияние, прибирая к рукам судебную и административную власть, и наступало на привилегии феодалов и их властно-политические права. В этих своих действиях муллы и эфенди, сами выходцы отнюдь не из привилегированных сословий, получали поддержку со стороны сильных и влиятельных фамилий «неблагородного» происхождения, не уступавших по богатству знати и, вследствие этого, желавших принять равноправное участие в управлении обществом.

Конечно, трудно сказать, чего было больше в действиях эфенди Шеретлокова в 1846 году в Кабарде, во время похода имама Шамиля, и эфенди Хубиева в 1855 году, призывавшего Мухаммад-Амина в Карачай - служения делу ислама или стремления к власти, личных, корыстных побуждений. Скорее преобладало последнее. Но и в этом случае, например, поведение Хубиева могло принести определенную пользу Карачаю, так как во время кратковременного пребывания здесь Мухаммад-Амина политическая гегемония Крымшамхаловых была как никогда близка к краху. А ее падение означало, что бии вынуждены были бы поделиться своими полномочиями с широкими слоями карачаевского узденства. Следовательно, управление обществом (его внутреннее содержание, при любой внешней форме) стало бы демократичнее и отвечало бы интересам более значительных социальных слоев населения. Таким образом, духовенство было довольно сильным и влиятельным сословием в Карачае, да и на всем Северном Кавказе. Его состав был весьма неоднородным, а деятельность носила сложный, противоречивый и разносторонний характер.

Сословная градация и феодализация карачаевского общества накладывали свой отпечаток и на общественно-политическую структуру. Однако крепость общинных отношений приводила к тому, что в первой половине XIX века значительная часть важных дел все еще решалась народным собранием (джамагъат) всех полноправных членов общества, то есть узденей и биев. Женщины, дети, рабы в народных собраниях не участвовали. Джамагаты были нескольких уровней: общенациональные, аульные, квартальные (тукумные). Несколько соседних кварталов-тире также могли проводить собрание для совместного решения тех или иных, в основном, хозяйственных и семейных проблем.

Однако, многие важнейшие вопросы решались на советах – тёре, где верховодили князья. В народной песне «Хасаука», посвященной сражению с русскими войсками, о котором пойдет ниже речь, есть слова:

*Бийле, чанка, сырма, бир къарач,
Сизсиз элге билек эм таянч,
Джыйлыгъыз, тёре оноу этерге,
Тушманланы Къарачайгъа иймезге!*
Бии, чанки, сырма (-уздени),
Вы – оплот и опора народа,
Собирайтесь на тёре совещаться,
Как врагов в Карачай не пустить!

Таким образом, важнейший вопрос о войне решался на тѣре, а не на народном собрании. Интересно, что в качестве членов этого тѣре от имени «черного народа» упоминаются только сырма-уздени (к этой сословной категории в Карачае относилось лишь шесть узденских фамилий). В этой связи обращает на себя внимание, что присяга 1828 г., принятая карачаевцами после Хасаукинского сражения (о ней также подробнее будет упомянуто ниже), была подписана только князьями, а от «черного народа» представлен был только один человек – из сырма-узденской фамилии Боташевых.

К XIX веку джамагат уже потерял многие присущие ему демократические черты родового общества. Все больший вес на общих собраниях имели бии и влиятельная верхушка узденства (сырма-уздени, которых еще именовали сыйлы-узденями, уллу-узденями). Опираясь на свое имущественное положение, экономическое и политическое могущество, они часто «подтачивали» народное собрание к принятию нужного решения.

Круг вопросов, рассматривающихся джамагатом, постепенно заметно сужался. Если на раннем этапе своего существования народное собрание решало самый широкий спектр проблем: от объявления войны и мира, до внутреннего распорядка жизни общины, земледелия и землепользования, да и собиралось не так уж редко, то к началу XIX века сам этот институт власти в масштабах всего Карачая почти исчез, да и дела им рассматриваемые сократились, в основном, до чисто хозяйственного уровня. Проводились в основном уже только аульные и кварталные собрания, решавшие вопросы о выгонах, пастбищах и их аренде за пределами Карачая, о количестве скота остающегося в селе, об оросительной системе и т.д.

Народные собрания ранее могли выступать и в качестве высшей судебной инстанции, но их в таком качестве заменили тѣре различных уровней (аульные *эль-тѣре*, общенародные *халк-тѣре*, или *сарт-тѣре*, сословно-аристократические *бий-тѣре*). Обычно дела о преступлениях рассматривались в тѣре по адату, кадиями по шариату или непосредственно биями. (Подробнее о разновидностях, сословном, персональном и численном составе тѣре, его функциях, порядке избрания и сроке полномочий членов тѣре см. упомянутую монографическую работу Р.Т.Хатуева и несколько специальных работ Х.Х.Малкондуева).

В исключительных случаях, когда человек совершал особо тяжкое преступление, да еще и касавшееся всего населения, его судьба иногда решалась на народном собрании. Самым

распространенным наказанием в таких случаях было изгнание из общества, что было довольно страшной мерой для провинившегося в то время. Иногда выносились и смертные приговоры. Например, такой приговор за предательство и измену был вынесен народным собранием Амантишу Дудову, который был проводником русских войск во время их похода на Карачай в 1828 году.¹²³

В течение всей первой половины XIX века продолжался процесс укрепления власти феодалов. К карачаевским биям переходило решение всех важных дел, рассматривавшихся ими самолично. Верховный правитель Карачая - *олия* (от араб. *уали* – «правитель»; так с XVIII в. именовались верховные правители в обществах Балкарии, в Кабарде и старшины в Осетии) имел полномочия не только «старшего князя», но и главного военачальника, председательствующего на тере и т.д. Ранг олия переходил в наследственном порядке в роду князей Крымшамхаловых от старшего брата к младшему и от младшего дяди к старшему племяннику (т.е. по принципу старшинства в роду).

В 1820-х годах турецкий комендант Анапы официально признал Ислам-бия Крымшамхалова (из клана Ачахматовых) в качестве олия (вали), но этот шаг преподносил Стамбулу в собственном толковании: дело в том, что вторым, кроме значения «правитель», смыслом арабского слов *уали* является «губернатор». Иными словами, анапский паша представлял дело так, будто Карачай является вилайетом (губернией) Османской империи, а Ислам Крымшамхалов – турецким губернатором. На самом деле, дело было далеко не так – Карачай оставался самостоятельным княжеством, на его территории не было ни турецких чиновников, ни тем более – турецких войск, т.е. не было реальных рычагов государственного воздействия Стамбула на карачаевскую политику.

Позднее, Крымшамхаловы заручились поддержкой русских властей и, тем самым, сохранили и даже упрочили свое положение. Укрепились позиции и других феодальных фамилий: Карабашевых и Дудовых. Между представителями этих фамилий периодически возникали стычки и конфликты. В итоге, Крымшамхаловым удалось сохранить свой более высокий социальный статус, «отодвинув» своих противников на «периферию»: Дудовых в Хурзук, а Карабашевых в Дуутское ущелье. Тем не менее, ни Крымшамхаловы, ни другие бии, так и не стали полновластными хозяевами в Карачае в первой половине XIX века. В русских документах того времени они еще ошибочно именовались не князьями или биями, а «старшинами» (позднее, после присоединения к Российской империи эта оплошность была

устранена и карачаевские бии стали в документах именоваться «князьями», «горскими князьями»).

Не облегчил жизнь феодалам и распространившийся шариат. Духовенство все-таки изъяло из ведения биев многие судебные дела и сократило привилегии князей. Полновластными хозяевами бии были только в отношении к зависимым от них крестьянам и рабам. Они были судьями для подвластных, решали за них практически все имущественные, семейные, духовные дела. Особенно бесправным было положение патриархальных рабов. Убийство его оставалось безнаказанным по адату и могло караться только по русским законам. Таких ущемленных в правах или совсем бесправных людей подвластных биям в Карачае тоже было достаточно. По приблизительным данным 1841 года «холопов» насчитывалось около 30%.¹²⁴

Еще одним общинным органом в Карачае был суд, функции которого выполнял тэре (напомним, что в ту пору не было настоящего демократиям современности разделения властей). При полном отсутствии писаного права горский суд, первоначально основывался на обычном праве - адате, устных преданиях, передававшихся из поколения в поколение. Это были правила, касавшиеся практически всех сторон жизни горцев. Они определяли взаимоотношения сословий, правила общественной и семейной жизни, отношение детей к родителям и супругов друг к другу, права наследования, виды наказаний и размер штрафов за преступления. В адатах заметно переплетались черты общинного быта с новыми, феодальными установлениями. Если с течением времени, в связи с развитием социально-экономических процессов, появлялись явления и проступки, не отраженные в адате, принимались новые правила и решения, их регулирующие. Такое решение называлось маслагат. Применяемый в дальнейшем новый обычай становился адатом. Ф. И. Леонтович выделял два вида появления адатных норм: первый - это решения горских, третейских, мировых, посреднических судов; и второй, - внесудебный, - постановления, принимаемые на народных собраниях, как он их называет «мирских сходках», «исстари являвшихся наряду с третейством главными органами обычного права народа».¹²⁵

Первые сборники адатов кавказских горцев появились только к середине XIX века. Народные обычаи карачаевцев и балкарцев были собраны в 1844 году по приказу начальника Центра Кавказской линии Голицына ротмистром Давыдовским и майором Шардановым «по показаниям горских стариков».¹²⁶ Впрочем, записанные и изданные ими адаты обладают рядом недостатков, осо-

бенно в отношении Карачая. Во-первых, это были адаты прежде всего балкарцев, а не карачаевцев, - а при всей их этнической близости все же Балкария в социальном развитии отличалась от Карачая. Во-вторых, изобилие в тексте адыгских терминов наводит на мысль, что общались офицеры, собиравшие обычаи, с горскими стариками на кабардинском языке, а затем уже, переводили на русский. Многократные переводы с одного языка на другой создавали много неточностей и добавили в балкарские адаты довольно много «кабардинского». Тем не менее, адаты, опубликованные в трудах Ф. И. Леонтовича, являются ценнейшим источником для изучения общественно-политического и социального строя карачаевцев в первой половине XIX века, их семейных отношений и суда.

Суд по адату был гласным, состязательным и словесным. По нему, возникшему очень давно, еще в начале XIX века рассматривались в Карачае все гражданские и уголовные дела. Судьями становились наиболее авторитетные старейшины, признанные в народе знатоки обычаев, отличавшиеся своей мудростью. Однако социальное расслоение и привилегированное положение бийского сословия было особенно заметно в суде по адатам. Судьями становились в основном бии и верхушка узденства, «причем первое место в суде принадлежало сословию биев».¹²⁷

Суд по адату различал дела гражданские: кражи, поджоги, споры о земле, о крестьянах, о праве собственности на движимое имущество и другие. За такие преступления виновный подвергался имущественному штрафу, который, обычно, взимался скотом. По уголовным преступлениям наказание ранее носило талионный характер. Убийство приводило к кровавой вражде между родами. Но к XIX веку принцип око за око уже исчез в Карачае. Дело ограничивалось уплатой определенной пени за кровь. Штрафы за уголовные преступления также уплачивались скотом, но здесь могли добавиться земли, крестьяне, оружие, рабы. Телесных наказаний не было. В случаях: если человек совершивший убийство, отказывался платить за кровь; измены или предательства, могло последовать и изгнание из общества или, очень редко, смертный приговор. Но такое решение принимал уже не суд, а народное собрание. Человека, замеченного в предательстве, как бы ограничивали в правах или придавали позору, то есть: не пускали на общественные собрания, не приглашали на свадьбы, не здоровались, и только если человек не исправлялся, его изгоняли.

Жизнь разных членов карачаевского общества по адату охранялась неодинаково. За убийство бия еще в первой чет-

верти XIX века полагалась пеня, куда входили: пять крепостных крестьян, сенокосы, два быка, две лошади, железные предметы, а за крепостного только «должно уплачивать по оценке, чего стоил убитый». ¹²⁸ Что же касается рабов, то их владелец мог сам учинить над ними любую расправу и не нести ответственности. (Такое положение существовало до вхождения Карачая в состав России.)

Наряду с ярко выраженными классовыми чертами, суду по адату были присущи и пережитки родового строя. Одним из основных доказательств на суде была присяга - ант. Она была двух видов. Обвиняемый либо присягал лично, в торжественной обстановке, - после принятия ислама на Коране, с предшествующей «назидательной речью муллы, выясняющего присяжнику всю ответственность, которую он принимает на себя присягой, и те кары, которыми не преминет его поразить Аллах, если он покажет ложно», ¹²⁹ - либо принимал очищение посредством присяги сопряжников-атаулов, в качестве которых в первой половине XIX века выступали кровные родственники. Они должны были подтвердить перед судом, что обвиняемый не мог совершить преступления, которое ему предписывается. Обе эти присяги считались достаточно веским доказательством для оправдания ответчика. Кроме личной присяги (ант) и присяги атаулов в Карачае «под влиянием требований шариата и русской судебной практики» в качестве доказательств появляются свидетельские показания. ¹³⁰ Однако даже во второй половине XIX века они не пользовались доверием и популярностью в народе, отдававшему предпочтение присягам. Соприсяжниками и свидетелями были мужчины. Женщины в соприсяжники не допускались. Не принимались и их свидетельские показания. Лишь позднее их показания стали считать действительными и то лишь тогда, когда это было подтверждено родственником мужчиной, ¹³¹ либо числом свидетелей женщин, увеличенным вдвое больше обычного. ¹³²

По мере распространения мусульманской религии в Карачае появляется и суд на основе исламского законодательства - шариата. Это было вполне естественно, «так как вся правовая система ислама была настолько едина с самой религией, что принимая ислам, люди неизбежно принимали и право». ¹³³ Однако, многие правила шариата, да и вообще, вся его система вступали в противоречия с адатными нормами. Наказания в мусульманском праве зачастую были более строгими, и шариат не только изменял сложившиеся судебные распрядки, но и вносил новые правила в организованные ранее и привычные

общественные и социальные институты.

Повсеместно на всем Северном Кавказе велась борьба между сторонниками широкого внедрения шариатских норм в жизнь общества и приверженцами старого адатного начала. Мусульманское право так и не стало на Кавказе ведущим и не смогло полностью сломить установившиеся веками порядки. Даже в имамате Шамиля ревностные поборники ислама, обладая довольно совершенными органами принуждения, не смогли полностью вытеснить адатные нормы. Шамиль ввел в действие только Низам — законы, составленные хотя и на основе шариата, но значительно отличавшиеся от него, особенно в сфере наказаний. Тем не менее, шариат на Северном Кавказе пустил довольно глубокие корни, и некоторые гражданские и семейные дела духовенство, в лице кадиев, поставило под свой контроль.

В Карачае в самом начале XIX века еще господствовали адатные нормы и основанные на них судебные разбирательства. В это время в соседней Кабарде шла усиленная пропаганда ислама, и росло число сторонников введения духовного суда-мегкеме (в Карачае — *махкеме*), который бы рассматривал дела в соответствии с мусульманским правом.

По преданиям, собранным Ш. Ногмовым, уже во второй половине XVIII века гражданские и уголовные дела в Кабарде решались по шариату. За обычаем остались споры князей, дворян и крестьян между собой.¹³⁴ В начале XIX века мусульманство еще более укрепило свои позиции, не в последнюю очередь благодаря активизации русских войск и усиленной, эмоциональной агитации проповедников ислама, прежде всего эфендия Исхака Абукова и князя Адиль-Гирея Атажукина. В это закончилось принятием народного условия 10 июня 1806 года на общем собрании кабардинского народа, а вернее его верхушки, которое решило узаконить духовные суды и решать дела по шариату. Суд по адату остался, однако, привилегией высших классов — князей и дворян. Образование духовных судов-мегкеме было разрешено и русским командованием. Такое положение сохранялось до 1822 года, когда генерал Ермолов, со свойственным ему радикализмом, отменил сословные различия в сфере действия шариата, признав его единым для всех, одновременно урезав его правовое поле и оставив за ним только дела семейные, «до веры и совести касающиеся» «вообще, по делам, не имеющим улик, ясных доказательств письменных свидетельств».¹³⁵

Бурные события в соседней Кабарде отражались и на Ка

чае, тесно связанном с первой всевозможными социально-экономическими, политическими и семейными узами. Кабардинский съезд 1807 года, безусловно, оказал влияние на Карачай. Уже до него многие исламские нормы вошли в общественно-политический и семейный быт народа. Клапрот в 1807 году отмечал, что «карачаевцы имеют мечети и мулл». ¹³⁶ В карачаевской песне «Орусбийлары», описывающей события начала XIX века, также упоминаются духовные лица. ¹³⁷ То есть сословие духовенства в Карачае в начале XIX века уже существовало и было, по сравнению хотя бы с соседней Балкарией, немалым по численности, а народная масса, что немаловажно, уже сознательно считала себя мусульманами, пусть и не во всем следуя канонам и правилам религии.

В этой обстановке в первой четверти XIX века в Карачае появляется духовный суд—*махкеме*, аналогичный суду-мегкеме в соседней Кабарды, где он означал «суд, в котором старший судья-вали, членами два или три князя, прочие же члены из узденей (так назывались в Кабарде дворяне - Р. Б.), чередующиеся каждые три месяца, всех вообще 12 членов, в том числе секретарь и кадий». ¹³⁸ Похожую структуру махкеме имело и в Карачае, но с более широким представительством от крестьян-общинников. Все дела теперь решались в махкеме, причем рассматриваться они должны были по закону шариата. На самом деле полной замены адата шариатом так и не произошло. Духовный суд в своей работе руководствовался как обычным, так и мусульманским правом.

Позиции шариата заметно окрепли в 1826 году, когда карачаевцы формально приняли подданство Османской империи и «присягнули на будущее время руководствоваться во всех делах своих, общественных и частных, алкораном», ¹³⁹ а также согласились принять турецкого эфенди.

Но, в конечном счете, суд по шариату так и не стал главенствующим в Карачае, как и во многих других регионах Кавказа. В сфере его ведения оставались в основном только дела касающиеся веры (святотатство, богохульство), брака, развода, взаимоотношений в семье, наследства, разделов движимого и недвижимого имущества. Остальные дела, рассматривавшиеся в махкеме, обычно, решались по адату. Хотя, зачастую, было так: «когда обвинитель видел, что может выиграть дело по адату, он требовал, чтобы его судили по примеру предков. Если же видел, что шариат выгоднее, то требовал суда по книге Божьей». ¹⁴⁰

Кроме того, наказания, положенные по мусульманскому пра-

ву казались горцам слишком жестокими (например, требования за воровство отрубать руку) и шли вразрез со многими привычными правилами адатов. Впрочем, вот как описывается судебное разбирательство в Карачае в 40-х годах XIX века в статье: «Поездка к южному отклову Эльбруса в 1848 году», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения». «Суд между жителями производится всенародно. Каждый из тяжущихся обязан предъявлять двух поручителей в том, что он выполнит свято приговор муллы-эфенди. В назначенный день и час все собираются в определенную для подобных случаев саклю и садятся на войлоках, поджав ноги. Если суд должен быть духовный, то мулла, выслушав обе стороны и подумав несколько времени, вскрывает Коран и вычитывает из него соответствующий приговор - что и называется судом по шариату. Часто случается, что приговор по шариату оказывается чрезмерно строг. В таком случае по общему согласию, для смягчения кары, прибегают к суду гражданскому - и мулла, становясь эфенди, произносит приговор по адату».¹⁴¹

Исполнителем судебных решений было специальное должностное лицо, называемое бегеул. Он объявлял виновному приговор, вызывал «нужных по разным общественным и служебным делам» людей к приставу, вали, в махкеме.¹⁴² Бегеул мог иметь в своем распоряжении вооруженный отряд и, в случае сопротивления кого-либо административному или судебному решению, применять силу. В народных преданиях сохранились упоминания о тюремных ямах-*зийдан*.

Духовные лица не обладали в Карачае собственным аппаратом принуждения. Для реализации же постановлений одного только страха Божьего наказания со стороны обвиняемого было явно недостаточно. Поэтому эфенди опирались в своей деятельности на биев, обладавших реальной властью (им подчинялся отряд дружинников - *мыртазаков*), и не принимали решений, противоречащих их интересам. Да и сами бии играли в махкеме, как при разбирательстве по адату, так и при разбирательстве по шариату, ведущие роли, заседая в нем наравне с кадием.

Имущественные взыскания с виновного феодальная верхушка старалась, хотя бы частично, направить не к пострадавшей стороне, а к себе в карман и превратить суд в один из источников своего дохода. Это им в конце концов удалось. К 50-м годам XIX века в Карачае уже установился обычай, по которому «третья часть штрафа, по положению правила народного, должна поступать в пользу мегкемеевцев».¹⁴³ Нетрудно заметить,

что при таком положении дел члены суда были заинтересованы не в искоренении преступлений, в частности воровства, а наоборот, в поощрении их. Чем больше было виновных, чем больше было штрафов, тем быстрее увеличивалось благосостояние феодальной верхушки, заседавшей в махкеме. Отсюда недоверие к суду со стороны широких народных масс и фактическая деградация судебных органов к середине XIX века.

Несмотря на зависимость духовенства от феодальной верхушки, распространение шариата сыграло и свою положительную роль в Карачае. Шариат улучшил имущественное положение женщин: она могла наследовать теперь половинную долю мужчины, а при разводе забирать с собой приданое-берне; различались умышленные и неумышленные преступления (за последние наказание стало мягче); появлялись письменные документы и наследование по завещанию. Мало того, мусульманское право даже в Карачае умудрилось одинаково оценить жизнь биев и узденей. По шариату за убийство и первых и вторых виновный уплачивал 1500 рублей серебром или на эту сумму людьми и скотом.¹⁴⁴

Да и в тот же духовный суд в Карачае, помимо эфенди, входили не только бии, но и уздени, то есть свободные крестьяне, а не дворяне, как в Кабарде. Пусть это была верхушка узденства, разбогатевшая, имевшая многочисленные стада скота и земельные участки, владевшая даже крепостными и рабами. Но все-таки это были не дворяне, а, де-юре, крестьяне, не отделившиеся от остальной массы свободных общинников.

Помимо махкеме, разбиравшего дела по шариату и адату, в Карачае в первой половине XIX века некоторые судебные функции исполняли непосредственно бии. Они решали дела самостоятельно рассмотреть небольшие и незначительные «недоразумения» и «правонарушения», как-то: бытовые драки, ссоры, споры из-за воды, мелкие кражи - и принять меры для примирения сторон. Это свидетельствует, что существовала тенденция к переходу всей полноты судебной и административной власти к бийскому сословию, но события первой половины XIX века - влияние ислама и вхождение в состав Российской империи - затормозили этот процесс.

Наконец, существовал и так называемый медиаторский или посреднический суд. Это был в принципе, тот же суд по адатам, но только он собирался для разбирательства претензий, существовавших между карачаевским обществом в целом и селением или обществом соседних народов. В медиаторский

суд выбиралось равное количество людей с одной и другой стороны, которые и старались разрешить спорные вопросы и устранить разногласия. В разбирательствах, после принятия русского подданства, участвовали и представители от русского командования в качестве участников суда или наблюдателей.

Особенности хозяйственного и общественно-политического строя карачаевцев отражались и на их военной организации. С одной стороны - способы ведения скотоводческого хозяйства (необходимость постоянного ухода за скотом, отсутствие фактически круглый год мужчин в родных селениях и разбросанность кошей на обширной территории) заметно снижали боевой потенциал карачаевцев. Но с другой стороны - незавершенность процесса феодализации, наличие сильной общины с развитыми клановыми структурами и связями, и общинных институтов создавали ситуацию, когда каждый свободный член общества сознавал необходимость охраны своих сограждан от внешней угрозы. Свободный крестьянин-общинник, член кровнородственной организации - тукума, реально осознавал, что в случае военной опасности, он будет отстаивать свои, именно свои, материальные и духовные ценности, свое хозяйство, свою семью, свою свободу, наконец. В этом Карачай в первой половине XIX века еще заметно отличался от многих своих соседей, в том числе и феодальной Кабарды. Последняя являет собой яркий пример того, что не всегда более высокий уровень социально-экономических отношений ведет к усилению военного потенциала. Безусловно, феодальная формация и способ производства, господствовавшие в Кабарде, с точки зрения экономики были более прогрессивны, по сравнению с общинными отношениями в соседних областях. Мало того, феодалы, имея зависимых крестьян, могли содержать и постоянные вооруженные отряды, готовые исполнить любые приказания. Такой роскоши в том же Карачае позволить себе не могли. Опираясь на свои отряды и ополчения, собираемые дворянами, этими, профессиональными воинами, тренировавшимися с самого раннего возраста боевому искусству, кабардинские князья долгое время доминировали над соседними народами и ощущали себя хозяевами положения в регионе. Но когда появился серьезный противник в лице Российской империи, военное начальство которой объявило, что «в случае притеснения владельцами, принуждения к враждебным по отношению к России действиям, а также принятия христианства черному кабардинскому народу разрешается уходить от владельцев и переселяться внутри линии»¹⁴⁵, оказалось, что защищать Кабарду прак-

тически некому. Крестьяне толпами бежали в Российские пределы, а разрозненные дворянско-княжеские отряды не смогли оказать сколько-нибудь достойного сопротивления организованным и дисциплинированным регулярным частям русской армии. Да и лишённые своих подвластных, феодалы спешно начинали давать присягу на верность императору Всероссийскому. А в общем-то, небольшой Чечне, где господствовали общинные порядки, русской армии, одной из лучшей в мире, потребовалось более 50 лет, чтобы сломить отчаянное сопротивление чеченцев.

В Карачае имелись вооружённые силы двух видов: дружина мыртазаков (сарайым-узденей, салымчы) и народное ополчение (*зытчыу-аскер, къара-аскер*). Дружина была постоянной и в мирное время охраняла границы Карачая, снабжалась олим, который для этой цели осуществлял сбор податей с населения. В начале XIX в. карачаевцы могли выставить от 1000 воинов от 600 дворов по данным Буцковского,¹⁴⁶ до 600 от 800 дворов по сведениям Бековича-Черкасского.¹⁴⁷ Но даже если верны вторые цифры, то этот показатель все равно выше, чем, допустим, у беглых кабардинцев (1000 дворов - 600 воинов).¹⁴⁸

На всех перевалах и горных тропах, ведущих в Карачай, обычно держали наблюдательные посты (пограничников-чекчиле), которые должны были сразу оповещать население в случае появления неприятеля. В этом случае происходила всенародная мобилизация. Во главе ополчения в XIX веке становился олий, а при его «небоеспособности» - один из биев. Большинство ополчения было пешим, и «только знатнейшие из старшин» сражались верхом.¹⁴⁹

(Подробнее о функционировании традиционной административной и судебной власти, военной организации Карачая до присоединения к России см. упомянутую монографию Р.Т.Хатуева).

Кроме собственных структур власти и судебных учреждений с 1834 года в Карачае усиливается влияние русского законодательства, и появляются приставы, занявшие ведущие роли в управлении обществом. Приставы назначались военным командованием из русских офицеров или находившихся на службе в российской армии представителей горских народностей. По существу, им представлялась вся полнота власти над находившимися под их управлением народом.

В первую очередь на пристава военным командованием налагались контрольные функции. Он следил за выполнением условий присяги, данной карачаевским народом на верноподданство Российскому императору (не принимать непокорных

горцев, не участвовать в набегах и т.д.), докладывал обо всех значительных происшествиях и лично отвечал перед начальством за политическую «благонадежность» вверенного ему общества. Пристав мог участвовать в заседаниях судов как по адату, так и по шариату, причем его мнение было решающим. Он, вообще, мог приостановить исполнение приговора и предоставить дело на разбирательство начальника Центра Кавказской линии (с 1840 года), который, «смотря по обстоятельствам, или вызывает старшин для совещания по делу или соглашается с мнением их, которое тогда только считается конечным». ¹⁵⁰ (С 1834 по 1840 год эти функции исполнял начальник правого фланга Кавказской линии). Пристав, при необходимости, созывал и командовал отрядами горской милиции для участия в военных действиях и охраны кордонной линии; выдавал разрешения, так называемые билеты, для проезда за пределы Карачая как для торговых надобностей, так и, с одобрения вышестоящего начальства, для осуществления хаджа, паломничества к святым местам.

Вместе с тем, пристав не вмешивался в хозяйственную деятельность народа и его общественный быт. Сохранялись сложившиеся устои и взаимоотношения внутри Карачая: судебные разбирательства по адату и шариату, и общественное управление. Неурегулированность правового положения пристава, отсутствие четкого разграничения его полномочий создавали массу возможностей для злоупотребления властью. Чем многие и пользовались: брали взятки, разоряли население произвольными штрафами и поборами.

Вместе с введением должности пристава, некоторые уголовные преступления в Карачае стали разбираться по Российскому законодательству. К таким преступлениям относились: измена и неповиновение власти, «убийства, похищения вооруженной рукой, улика в сношениях с непокорными, нападение на проезжающих и тому подобные злодеяния». ¹⁵¹

На практике же русскому уголовному суду подвергались лишь те лица, которые обвинялись в сношениях с неприятелем, в измене, убийстве, грабеже или разбое по отношению к непосредственно российским гражданским и военным лицам, в похищении казенного имущества и тому подобных преступлениях. То есть в тех, которые напрямую были направлены против русских учреждений, военных и гражданских органов власти и их представителей. Те же преступления, но совершенные внутри Карачая или по отношению к представителям других горских народов рассматривались, обычно, по адату или, редко, по шариату.

ту. Например, по подозрению в разбое на Военно-Грузинской дороге и убийстве есаула Харитонов А. Крымшамхалов должен был отвечать по российскому уголовному закону;¹⁵² а убийство кабардинских князей Адиль-Гирея и Атажуко Атажукиных (причем последний имел чин подпоручика) рассматривалось с участием русских чиновников, но медиаторским судом по адату.¹⁵³ Так что сохраняя за собой право вмешиваться во все судебные разбирательства в карачаевском обществе, начальство Центра кавказской линии оставляло в ведении адата и шариата большинство уголовных и гражданских дел.

Таковы основные черты, хозяйственного и общественно-политического строя карачаевцев в первой половине XIX века. Подводя итоги, можно отметить, что эти черты во многом определялись особенностями экономической жизни и развития производительных сил. Полукочевое скотоводство и, в немалой степени, орошаемое земледелие в сочетании с внешней опасностью, требовали тесного сплочения населения и вели к прочности общинных связей, тормозивших развитие феодализма. В частной собственности в первой половине прошлого столетия фактически находились только большая часть сенокосов и зимних пастбищ. Общинные институты власти: управление, в лице народных собраний, и суд, хотя и находились под сильным влиянием биев, еще не утратили многих, изначально присущих им демократических черт. Одновременно, они испытали мощное влияние со стороны мусульманского права, выразителем идей которого было духовенство, и со стороны русской военной и гражданской администрации. Их эволюция и трансформация была прервана в связи с окончанием Кавказской войны и введением прямого российского правления, правда, с сохранением многих местных особенностей.

§ 3. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАРАЧАЕВЦЕВ С НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.

Как в прошлом, так и в настоящее время карачаевцы живут по соседству со многими народами. И это положение существенно не изменилось за последние почти 200 лет. Как и сейчас, в первой половине XIX века карачаевцы граничили с балкарцами, кабардинцами и другими адыгскими этническими группами (в основном с бесленеевцами), абазинами-тапанга и шкарауа (кызылбеки, тамовцы, башильбаевцы и др.), ногайцами, абхазами, сванами, русскими и другими. Имелись связи и с более далекими народами: осетинами, особенно с мусульманами-дигорцами, дагестанцами, грузинами, ингушами и чеченцами, турками и ар-

мянами. Карачаевцы, естественно, не жили в полной изоляции от своих соседей, часто контактировали с ними и были довольно тесно связаны с ними различными узами. Народы, жившие рядом и более дальние, оказывали взаимное влияние друг на друга в сферах хозяйства, быта, общественной организации, культуры, ремесла и религии. Развивались экономические, семейные, политические и культурные связи. Карачаевцы заимствовали у соседних народов различные земледельческие культуры, приемы ухода за ними и способы хранения. Например, морковь (быхы) и кукуруза (нартюх) попали к карачаевцам от черкесов,¹⁵⁴ а овес (зынтхы) появился из Сванетии.¹⁵⁵ В дальнейшем на земледельческую культуру карачаевцев большое влияние оказали русские поселенцы. От них в Карачай попадали сельскохозяйственные орудия фабричного производства, новые виды зерновых и овощных культур, одновременно с навыками возделывания.

В свою очередь от карачаевцев соседние общества и народности получали не только готовые продукты скотоводства и сам скот, но и заимствовали различные способы ухода за ним и его содержания. Поскольку родиной кефирных грибков считается либо Приэльбрусье, либо Черекское ущелье¹⁵⁶ - то карачаевцам и балкарцам принадлежит первенство в распространении кисломолочных продуктов (айрана и кефира (гыпы), без которых, вообще трудно представить жизнь горца, всего Кавказа и даже мира.

Между карачаевцами и другими народами существовали и брачные связи. Особенно выделялась в этой плане феодальная верхушка. Крымшамхаловы, Дудовы, Карабашевы охотно и без всяких претензий рождались с представителями привилегированных сословий кабардинцев, абазин, ногойцев, сванов, конечно же, близкородственных балкарцев и других народов. Сванские князья, чтобы иметь возможность жениться на представительницах прекрасной половины карачаевских верхов, даже принимали мусульманскую веру. Так что, по-видимому, брачные узы с Карачаем и Балкарией играли не меньшую роль в исламизации Сванетии, чем влияние турецких и горских мусульманских проповедников, торговцев и агитаторов.

Горцы Кавказа имели много общих черт в духовной культуре, в быту, в общественной жизни. Нартский эпос был распространен по всему Северному Кавказу от Дагестана до Абхазии. Созвучие имен языческих богов у горцев заметил еще в первой половине XIX века адыгский писатель Хан-Гирей. Он же отмечал, что героем одной из адыгских песен был карачаевец Кансав.¹⁵⁷ (Каншаубий в собственно карачаевском варианте).

Схожие природные и климатические условия горной мест-

ности, взаимные заимствования и влияния создавали на Кавказе практически идентичный тип одежды и обуви, с небольшими локальными отличиями. Одежда горцев была позднее заимствована казаками и стала неотъемлемой частью как их повседневного костюма, так и военной формы. Близость способов ведения хозяйства, наличие сильных соседских общин, наряду с развивавшейся феодализацией, порождало сходные обычаи (адаты) и общественно-политическое устройство. У многих народов была довольно многочисленной прослойка свободных крестьян, особенно в Чечне, Ингушетии, у шапсугов, абадзехов и натухайцев в Черкесии.

Все эти обстоятельства сближали народы Кавказа, делали их «понятными» друг другу, способствовали развитию добрососедских отношений. Сближали горцев и совместные выступления против общего противника.

Вся эта совокупность самых различных факторов приводила к тому, что между народами Северного Кавказа устанавливались добрососедские отношения. Карачаевцы с уважением относились ко всем своим дальним и ближним соседям, особо выделяя все же балкарцев. Они были как бы в несколько «привилегированном» положении. Так как карачаевцы и балкарцы были не просто близкими соседями, но и народами кровнородственными, с общим языком, бытом, культурой, образом жизни, обычаями и нравами, структурой хозяйства. Эта этническая близость, общность происхождения привели к тому, что взаимоотношения складывались не как просто между соседями, а как между родственниками. Особенно тесными были связи между Карачаем и жителями Баксанского ущелья. Но и в других обществах Балкарии карачаевцы были частыми гостями, а балкарцы, в свою очередь, нередко приезжали в Карачай. Оба народа имели не только обширные семейно-родственные связи, но и множество фамилий, происшедших, по преданиям, из одного корня.

В Чегеме находилось также и центральное тере-судилище, «имевшее большой вес и влияние в карачаево-балкарском обществе», сюда приезжали решать самые важные дела из всех местностей Балкарии и Карачая.¹⁵⁸ Однако братские отношения с балкарцами не означали, что к другим окружавшим этносам карачаевцы относились пренебрежительно и неуважительно.

Вместе с тем, обычным явлением для первой половины XIX века были взаимные набеги, - чаще всего под руководством феодалов, - различных обществ и народов друг на друга, прежде всего с целью захвата скота. Практиковалось и пленение

людей, за которых требовали выкуп, либо оставляли в хозяйстве на положении рабов. Эти события нашли отражение в народных песнях. В них описываются как грабительские походы на Карачай («Татаркъан», «Джандар», «Заурбек», «Къобанланы къой белёк» («Стадо овец Кубановых») и другие), так и набеги карачаевских отрядов на соседние народы («Ильяс», «Чёпеллеу» и другие).¹⁵⁹

Взаимные грабительские набеги, конечно же, осложняли взаимоотношения между горцами. Они же в немалой степени способствовали с одной стороны - феодализации общества, а с другой, наоборот - крепости общинных отношений. Ибо в такой ситуации, в обстановке постоянной военной угрозы, феодал нуждался в хороших отношениях с общинниками не меньше, чем община в услугах феодала.

В то же время, набеги, как это ни покажется странным, не играли решающей роли на развитие добрососедских отношений между горцами, на хозяйственные, семейные, общественно-политические связи. Да у карачаевцев с одними народами, как, например, с балкарцами, отношения были более близкими, чем с остальными. Но это не значит, что к другим относились с неприкрытой неприязнью. Набеги или, как часто называли их русские источники, наездничество были неотъемлемой частью жизни горца. Они не считались чем-то плохим или недостойным. Наоборот, украсть лошадь или отару овец у соседей считалось поступком достойным уважения. Для карачаевцев и их соседей в позапрошлом столетии это было так же естественно, как для нас сегодня сходить за покупками в магазин. И никакие взаимные разбои, стычки и кражи не означали того, что соседние горские народы воспринимались как заклятые враги, с которыми надо вести войну на уничтожение.

Такое отношение было со стороны горцев и к казакам. Хорошо характеризует нравы того времени разговор двух кунаков в годы Кавказской войны, приведенный в книге «Кубанское казачье войско (1696 - 1888 гг.): «дружески... расстались мы, обещая друг другу, при первой открытой встрече, всадить ловко пулю или помериться шашкой, но, тем не менее, всегда оставаться, как были друзьями».¹⁶⁰

Другое дело кровная месть, но она существовала не между народами, а между родами и для мстителей не было никакой разницы, кто был обидчик - свой или чужеземец. То есть ситуация на Кавказе была, отчасти, похожа на европейскую в средние века, где «венецианец мог драться с генуэзцем, но лишь до тех пор, пока не появлялись арабы или берберы-мусульма-

не. Тогда бывшие враги бросались на общего противника». ¹⁶¹ С этим высказыванием перекликается фраза из русского политико-статистического обзора. Упомянув, что закубанские черкесы (шапсуги и абадзехи) и абазины (кызылбеки) враждуют с карачаевцами, автор далее пишет: «Против всех этих хищных народов карачаевцы хоть и защищаются, но между ними нет неприязненных отношений. В хищничестве таюже и сами (карачаевцы - Р. Б.) в подобных случаях постараются отомстить». ¹⁶²

Стычки бывали даже между родами и селениями одного и того же народа и отнюдь не были редкостью. В набеге же на соседей никто не видел ничего особенного. Эти события и оставались в памяти народной, только если имели большой размах и сопровождались большими людскими потерями. Очень красочно, с пониманием сути дела, описывает столкновение двух аварских селений Бестужев-Марлинский в своей повести «Аммалатбек». «Жители залегли за камнями, за оградами, палили друг друга. Между ними беспрестанно бегали женщины с воплем и плачем, когда какой-нибудь удалец, приблизясь к самому краю пропасти, падал раненый. Они носили камень и заботливо и бесстрашно под свистом пуль складывали перед ним род щита...». Аварский хан объяснил Амалату, что «у нас это обыкновенная вещь... и самая безделица может дать к тому повод. А чай, и теперь дерутся за какую-нибудь украденную корову, которую не хотели отдать. У нас не стыдно воровать в другом селении - стыдно только быть уличену в том». ¹⁶³

Похожая обстановка, конечно же, со своими нюансами и спецификой, была не только в Дагестане, но и на всем Северном Кавказе. В этой связи следует отметить, что царское правительство при завоевании Кавказа отнюдь не стремилось преодолеть и ликвидировать раздробленность горцев, но и всячески содействовало их разъединению, да и просто стравливало друг с другом. России была более выгодна такая обстановка, когда приходилось иметь дело с различными народами, обществами и аулами по отдельности, покоряя их один за другим. И ее правительство делало все возможное, чтобы не допустить развития политико-хозяйственных, добрососедских отношений между ними. Так как «кавказские народы, чем более имеют между собой связей, тем они непреклоннее к повиновению». ¹⁶⁴ Способность горцев к политическому объединению, как показал это имамат Шамиля, еще более обеспокоила царское правительство, которое в дальнейшем пыталось не допустить больше нигде на Кавказе ничего подобного.

Карачай, как уже было сказано, находился в добрососедс-

ких отношениях со всеми своими соседями. Однако происходили, естественно, и набеги. Буцковский писал, что «карачаевцы наездничают также для воровских поисков и ведут иногда войну с соседними абазинами и ногойцами».¹⁶⁵ Последние тоже не оставались в долгу. Далекий предок пишущего эти строки – Тарткъан - прославился в свое время тем, что под его предводительством был отбит скот и пленники, захваченные кызылбеками (одной из абазинских этнических групп).¹⁶⁶

Но все это происходило на фоне торговых связей, культурных взаимовлияний, боевого содружества и семейно-родственных отношений. Карачаевцы постоянно держали на границах своей земли особые караулы, которые давали знать о проникновении вооруженных партий с недобрыми намерениями. Наиболее безопасными в этом отношении считались границы с Баксанским округом Балкарии и со Сванетией. Появление любителей легкой наживы с этих сторон ожидали меньше всего. Как с Балкарией, так и со Сванетией у карачаевцев отношения были довольно мирными, и дороги туда часто вообще не охранялись, «потому что ближайшие аулы за хребтом дружелюбны им».¹⁶⁷ Кроме того, тропы через перевалы были практически непроходимы в зимнее время, а нередкие внутренние раздоры в Сванетии не позволяли ее жителям отвлекаться на ссоры с соседями. В сложной политической обстановке начала 30-х годов, во время конфликтов с русскими военными властями, карачаевцы даже перегоняли скот на территорию сванов, где можно было не опасаться, что скот кто-то конфискует или отобьет.¹⁶⁸ Хотя все тропы и перевалы в Закавказье не оставались без внимания, так как, помимо сванов, оттуда могли появиться мегрельские и абхазские наездники. Впрочем, последних, по словам К. М. Текеева, «из закавказских соседей карачаевцы исстари выделяли, выказывая к ним самое уважительное отношение, до того даже, что своих детей нарекали абхазскими именами. Кстати, и абхазы питали к карачаевцам те же возвышенные, добрые чувства».¹⁶⁹ Нередки были в Карачае и имена черкесского происхождения. А такие, как: Шмауха (от Пшемаф или Шемахо), Мисост, Куденет, вообще были довольно популярны.

Между тем, особые отношения были у карачаевцев с кабардинцами. Как известно, карачаевцы были вынуждены зимой и ранней весной пасти свой скот на низменных местах. Этим пользовались кабардинские феодалы, которые за право держать стада и отары на зимних пастбищах взимали не только с карачаевцев, но и с других народов - балкарцев, осетин, аба-

зин, ингушей, плату - в основном скотом.¹⁷⁰ Земельно-арендные отношения между Карачаем и кабардинскими феодалами носили довольно специфический характер.

Для любого хозяйства, а скотоводческого у горца в особенности, необходима хотя бы элементарная стабильность. Обстановка, когда все соседние народы и селения нападают друг на друга и беспрестанно угоняют скот и людей, была пагубна для экономики горцев. Карачаевцы, естественно, держали караулы на всех перевалах и тропах, ведущих к соседним народам, охраняли свои стада и отары, следили за появлением неприятельских партий. Но отары, стада и табуны были разбросаны на большом расстоянии друг от друга, и не могли чабаны всегда своевременно прийти друг другу на помощь. Не были карачаевцы столь сильны и многочисленны, чтобы вооруженным путем «отодвигать» отряды кабардинских князей от предгорий и не пускать их обратно. Да и не могли карачаевцы, в силу особенностей своего хозяйства, держать долгое время большое количество вооруженных людей в сборе и обеспечивать их всем необходимым. Мужские руки требовались для постоянного ухода за скотом. В принципе, конечно же, можно было вести почти непрерывную войну против всех. Нападать на соседние народы и героически отражать их ответные набеги. Но такие действия обрекли бы карачаевские семьи на постоянный голод и нищету. Даже крупные и мощные современные государства не могут существовать благополучно в гордом одиночестве. Между странами подписываются договоры, создаются блоки, союзы для совместной оборонной и экономической деятельности. Естественно, что более слабые стараются выбрать в союзники наиболее сильного.

До 1822 года кабардинские феодалы были на Северном Кавказе еще самыми сильными и влиятельным. Поэтому, соседние народы и общества старались заручиться их протекцией (поддержкой). Хотя, в то же время, тот же Платон Зубов, отмечавший зависимость горских народов от Кабарды, совершенно справедливо писал, что «влияние на них кабардинцев не так велико, как, вообще, думают».¹⁷¹ Но такова структура феодального общества. Крестьяне уходили от постоянных стычек, столкновений и междоусобиц под покровительство феодала, тем самым, жертвуя своей полной свободой, передавая часть своих личных и имущественных прав сюзерену. Не имея еще в начале XIX века достаточно сил для полностью независимого существования, карачаевские верхи прибегали к покровительству более сильных кабардинских князей, имевших влияние на все соседние наро-

ды, и получали от них помощь. И действительно, покушавшиеся на скот и имущество карачаевцев знали, что им предстоит иметь дело не только с ними, но и с протекторами - могущественными в то время кабардинскими феодалами, взявшими на себя за плату выполнение охранительных функций. Поэтому представители соседних народов не осмеливались «совершать никаких разбоев у карачаевцев, опасаясь возмездия со стороны кабардинцев», а, напротив, старались «сохранить с ними наилучшие отношения». ¹⁷²

Однако эту помощь, относительную и хрупкую стабильность приходилось пока оплачивать. Впрочем, плата эта в начале XIX века больше давила на карачаевцев морально, нежели материально, особенно на биев и верхушку узденства. (Что для них был один баран в год со двора?!). ¹⁷³ После разгрома Кабарды Ермоловым в 1822 году и принятия Карачаем российского подданства в 1828 году положение резко изменилось. Карачаевский скот находился теперь в зимнее время не на кабардинских землях, а большей частью на казенных. Исчезала экономическая сила кабардинских князей, а вместе с ней их авторитет и могущество.

Протекторальные отношения между карачаевскими и кабардинскими князьями (особенно из фамилии Атажукиных), по инерции сохранялись еще некоторое время. Но периодические напоминания со стороны последних о «старинной подати» явно начинали раздражать. Время было уже другое, и обстоятельства изменились. Одним из первых не выдержал уздень Мусабий Биджиев, который, то ли приняв четырех конных, налетевших на его кош, за разбойников, то ли после «указания карачаевцам настоящей границы их земли», ¹⁷⁴ застрелил в 1843 году князя Атажукина. Это событие вылилось в вооруженные столкновения, происходившие в 40-х годах XIX века. Отголоски этой борьбы дошли даже до 20-х годов XX века, когда произошла карачаево-кабардинская «война» из-за границы.

Впрочем, в первой половине XIX века был конфликт не Карачая с Кабардой в целом, а только с представителями княжеской фамилии Атажукиных, с их подвластными, родственниками и просто сочувствующими. В своей основе это был не национальный, а социальный конфликт; это не было войной карачаевского и кабардинского народа. Поэтому нет никаких оснований говорить о межнациональной вражде. В целом отношения между карачаевцами и кабардинцами были такими же уважительными и добрососедскими, как и с остальными соседними народами. Взаимные набеги отдельных групп, естественные и неизбежные в ус-

ловиях тогдашнего уровня общественного развития, и феодальные «разборки» сути дела не меняли. В подтверждение сказанного приведем один пример. Когда население Карачая, при посредничестве и давлении русского командования, заключило мир с феодалами Атажукиными и выплатило по адату денежную сумму за кровь убитых, то даже часть представителей этой фамилии отказалась от денег; а князь Хасанбий Атажукин заявил, что «постоянно находиться в дружбе с карачаевцами и потому отстраняет себя от права на получение доли». ¹⁷⁵

Новыми соседями карачаевцев, начиная со второй половины XVIII века, становятся русские. Это были в основном солдаты и офицеры российской армии, и представители казачества. Селившиеся первоначально в районе современных Кавказских Минеральных Вод, они почти не сталкивались с карачаевцами, и последние, живя высоко в горах, не имели с новыми поселенцами особых контактов. Военные действия пока еще обходили непосредственно сам Карачай стороной. Только в начале XIX века в непосредственной близости от границ карачаевских земель появляются русские укрепления - Кисловодское (1803) и Баталпашинское (1804). В это же время карачаевцы «познакомились» с русской армией, ее военным искусством и потенциалом, участвуя на стороне Кабарды в боевых действиях с царскими отрядами.

А в 20-х годах XIX века и с населением казачьих станиц, в первую очередь Баталпашинской, Боргустанской и Бекешевской. В 1828 году Карачай официально принимает российское подданство, и контакты с русскими властями и поселенцами становятся более оживленными и систематическими. В горах с 1834 года появляются пристав со своими помощниками, царские офицеры, военные специалисты: топографы, статисты и другие. Между русскими, казачьими поселенцами и горцами налаживались хозяйственные связи. «Жизнь закономерно складывалась так, что горец-скотовод нуждался в помощи русского крестьянина. И наоборот». ¹⁷⁶ В станице Боргустанской существовал меновой двор, который чаще всего посещался карачаевцами. После разрешения горцам в 40-х годах XIX века посещать ярмарки и базары, карачаевцы стали их частыми посетителями в Баталпашинской, Георгиевске и Пятигорске. Основными товарами, которые поступали из станиц в Карачай, были хлеб и соль.

«Нельзя, конечно, думать, что отношения горцев и русских поселенцев на этой территории всегда и повсюду были безоблачными. Люди есть люди». ¹⁷⁷ Но на основе хозяйственных связей между карачаевцами и казаками складывались нормальные, уважительные и дружеские отношения. Развивалось ку-

начество, которое способствовало взаимовлиянию материальной и духовной культуры. И все это несмотря на всю сложность политической обстановки в годы Кавказской войны, на экономические привилегии и преимущества казаков перед горцами, санкционированные царскими властями, да и на раздуваемую отдельными чиновниками и эмиссарами ненависть между народами.

Однако следует отметить, что связи карачаевцев с русскими поселенцами в первой половине XIX века были значительно более слабыми, чем у горцев и казачества Терека и нижней Кубани. Там народы жили в непосредственной близости друг от друга, казаки перероднились с горцами, усвоили их обычаи, нравы, одежду, образ жизни. «Казак по влечению, менее ненавидит джигита-горца, который убил его брата, чем солдата, который стоит у него, чтобы защищать его станицу, но который закурил табаком его хату. Он уважает врага-горца, но презирает чужого для него и угнетателя солдата».¹⁷⁸

Карачаевцы же общались с казаками в первой половине позапрошлого столетия не так близко. Ближайшие станицы Баталпашинская и Боргустанская располагались на расстоянии около 80 километров от карачаевских аулов. Причем это были километры по сложной, пересеченной горной местности, где проехать можно было только верхом, а колесные дороги вообще отсутствовали. Основание же новых станиц и новых карачаевских аулов, располагавшихся уже в непосредственной близости друг от друга, относится уже ко второй половине XIX века. В первой же его половине карачаевцы больше всего имели дело с военными властями и подчиненными им солдатами и казаками, находившимися на службе на кордонах, укреплениях и постах. И нельзя не отметить, что отношения между ними складывались далеко не лучшим образом. Правда, после разгрома Кабарды в 1822 году большинство пастбищ, на которых находился карачаевский скот большую часть года, были объявлены казенной собственностью. Карачаевцем разрешалось ими пользоваться с «особого дозволения начальника по Кисловодской кордонной линии».¹⁷⁹

Эти земли были необходимы горцам, как воздух. Военные власти это прекрасно осознавали и, допуская пастьбу скота в непосредственной близости от своих постов и пикетов, получали в свои руки очень эффективное средство экономического воздействия на Карачай. Пристав Кабарды Дельпоццо в свое время допускал возможным позволить кабардинцам сеять хлеб на свободных землях Кавказской области, «ибо через сие бу-

дем иметь в руках своих некоторую собственность того народа». ¹⁸⁰ В отношении же Карачая, в сходных условиях, можно сказать, что русская военная администрация получала в свои руки не «некоторую собственность», а «все имущество карачаевцев, заключающееся в скотоводстве... как залог их верности...» ¹⁸¹ Таким образом, остаться без скота означало бы лишиться важнейшей отрасли хозяйства и элементарных средств к существованию.

Между тем, осознавая свое преимущество, военная администрация и её подчиненные нередко злоупотребляли своим положением. Отгоны и воровство карачаевского скота казаками и солдатами было делом если и не постоянным, то отнюдь не редким. Но это было каплей в море по сравнению с законными, с точки зрения военного начальства кордонов и линий, конфискациями скота и штрафами, производившимися по малейшему поводу, а то и без всякого повода. В этом особенно «прославился» начальник Центра Кавказской линии в начале 40-х годов XIX века Голицын при деятельной поддержке пристава Мистулова. И все это на фоне пренебрежительного отношения к народу со стороны многих чиновников.

Не стоит, поэтому удивляться, что карачаевцы, мягко говоря, недолюбливали военные власти, а по мере возможности старались избавиться от их влияния и опеки. Впрочем, царская военная машина и структура управления не снискали себе любви ни в одном из уголков Кавказа. Неуклюжие действия ее администрации во многом спровоцировали и породили кровопролитную Кавказскую войну и затянули ее окончание.

Карачаевцы имели всевозможные контакты не только со своими ближайшими соседями, но и с более далекими народами. Практически всю первую половину XIX века не прерывались окончательно связи с Османской империей, особенно интенсивные в начале века, когда карачаевцы имели с ней широкие торговые отношения через крепость Сухум-кале, в «которой находится много лавок и где ведется значительная торговля с Западным Кавказом». ¹⁸² После вхождения в состав Российской империи в 1828 году и ухода турецких войск из укреплений на черноморском побережье, связи Карачая с ней значительно ослабли, но не прервались. С разрешения русских властей значительное количество карачаевцев совершало хадж-паломничество к святым мусульманским местам в Мекке и Медине. Только в 1837 году в Мекку отправились 20 человек, среди которых было пять женщин. ¹⁸³

Совершившие хадж познакомились с бытом и культурой провинций Османской империи, отличавшихся значительной этни-

ческой пестротой. Некоторые черты исламской и собственно турецкой или арабской культуры паломники привносили в повседневную жизнь и быт Карачая. Да и сама Турция не переставала засылать на Северный Кавказ своих агитаторов и эмиссаров, старавшихся сделать горцев союзниками Османов в борьбе с Россией. Нельзя сказать, что эти попытки были всегда безуспешными. И в целом, авторитет Турции в среде значительной части населения, как Кавказа, так и Карачая в первой половине XIX столетия был довольно высок.

Частыми гостями в Карачае были также представители народов Дагестана, а также армяне и евреи. Первые, занимаясь производством различных ремесленных изделий, украшений и оружия, часто оседали в Карачае на долгие годы. Многие из дагестанцев женились на карачаевках, обзаводились семьями и, вообще, навсегда оставались на своей новой родине. Они оказали определенное влияние на карачаевское искусство, в частности на украшения и стиль ювелирных изделий.¹⁸⁴

Армяне, евреи, а позднее и грузины занимались в Карачае в основном торговлей. Они сперва выступали посредниками между карачаевцами и российскими городами и станицами; возили товары русского и иностранного происхождения в горские аулы, меняя их на местные произведения домашнего хозяйства. А позже открывали в самом Карачае торговые лавки, оставаясь на долгое время среди местного населения.

Таким образом, у карачаевцев были ровные, уважительные, добрососедские отношения со всеми окружающими народами, со своими дальними и ближними соседями. Конфликты, имевшие место как с феодальной верхушкой кабардинцев, так и с русской военной администрацией, не отражались на взаимоотношениях собственно с кабардинским и русским народами. Карачаевцы не считали ни один народ, с которым они каким-либо образом сталкивались, своим кровным врагом, с которым нужно вести непримиримую, ожесточенную борьбу. При естественном соприкосновении различных народов, при значительном переплетении семейных и искусственных родственных связей (аталычество, куначество) ведущую роль всегда играют не стычки и конфликты, а трудовое общение, обмен навыками производства в земледелии или скотоводстве, торговый, культурный, бытовой обмен.

дем иметь в руках своих некоторую собственность того народа». ¹⁸⁰ В отношении же Карачая, в сходных условиях, можно сказать, что русская военная администрация получала в свои руки не «некоторую собственность», а «все имущество карачаевцев, заключающееся в скотоводстве... как залог их верности...» ¹⁸¹ Таким образом, остаться без скота означало бы лишиться важнейшей отрасли хозяйства и элементарных средств к существованию.

Между тем, осознавая свое преимущество, военная администрация и её подчиненные нередко злоупотребляли своим положением. Отгоны и воровство карачаевского скота казаками и солдатами было делом если и не постоянным, то отнюдь не редким. Но это было каплей в море по сравнению с законными, с точки зрения военного начальства кордонов и линий, конфискациями скота и штрафами, производившимися по малейшему поводу, а то и без всякого повода. В этом особенно «прославился» начальник Центра Кавказской линии в начале 40-х годов XIX века Голицын при деятельной поддержке пристава Мистулова. И все это на фоне пренебрежительного отношения к народу со стороны многих чиновников.

Не стоит, поэтому удивляться, что карачаевцы, мягко говоря, недолюбливали военные власти, а по мере возможности старались избавиться от их влияния и опеки. Впрочем, царская военная машина и структура управления не снискали себе любви ни в одном из уголков Кавказа. Неуклюжие действия ее администрации во многом спровоцировали и породили кровопролитную Кавказскую войну и затянули ее окончание.

Карачаевцы имели всевозможные контакты не только со своими ближайшими соседями, но и с более далекими народами. Практически всю первую половину XIX века не прерывались окончательно связи с Османской империей, особенно интенсивные в начале века, когда карачаевцы имели с ней широкие торговые отношения через крепость Сухум-кале, в «которой находится много лавок и где ведется значительная торговля с Западным Кавказом». ¹⁸² После вхождения в состав Российской империи в 1828 году и ухода турецких войск из укреплений на черноморском побережье, связи Карачая с ней значительно ослабли, но не прервались. С разрешения русских властей значительное количество карачаевцев совершало хадж-паломничество к святым мусульманским местам в Мекке и Медине. Только в 1837 году в Мекку отправились 20 человек, среди которых было пять женщин. ¹⁸³

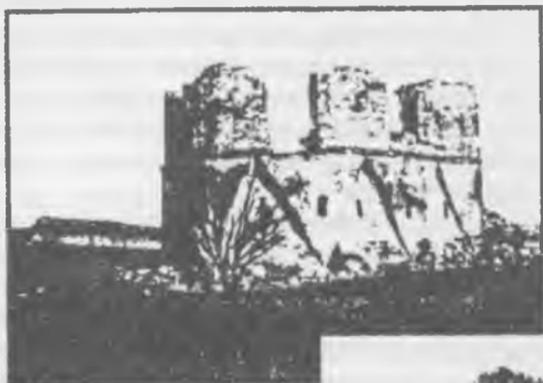
Совершившие хадж знакомились с бытом и культурой провинций Османской империи, отличавшихся значительной этни-

ческой пестротой. Некоторые черты исламской и собственно турецкой или арабской культуры паломники привносили в повседневную жизнь и быт Карачая. Да и сама Турция не переставала засылать на Северный Кавказ своих агитаторов и эмиссаров, старавшихся сделать горцев союзниками Османов в борьбе с Россией. Нельзя сказать, что эти попытки были всегда безуспешными. И в целом, авторитет Турции в среде значительной части населения, как Кавказа, так и Карачая в первой половине XIX столетия был довольно высок.

Частыми гостями в Карачае были также представители народов Дагестана, а также армяне и евреи. Первые, занимаясь производством различных ремесленных изделий, украшений и оружия, часто оседали в Карачае на долгие годы. Многие из дагестанцев женились на карачаевках, обзаводились семьями и, вообще, навсегда оставались на своей новой родине. Они оказали определенное влияние на карачаевское искусство, в частности на украшения и стиль ювелирных изделий.¹⁸⁴

Армяне, евреи, а позднее и грузины занимались в Карачае в основном торговлей. Они сперва выступали посредниками между карачаевцами и российскими городами и станицами; возили товары русского и иностранного происхождения в горские аулы, меняя их на местные произведения домашнего хозяйства. А позже открывали в самом Карачае торговые лавки, оставаясь на долгое время среди местного населения.

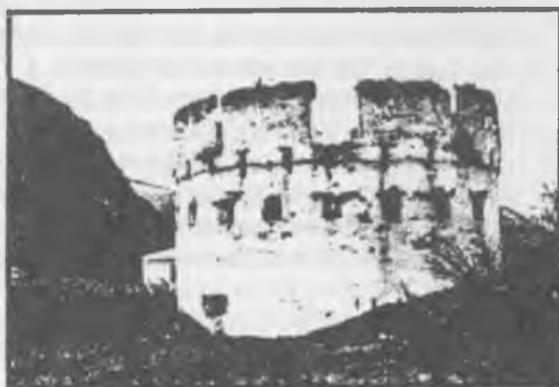
Таким образом, у карачаевцев были ровные, уважительные, добрососедские отношения со всеми окружающими народами, со своими дальними и ближними соседями. Конфликты, имевшие место как с феодальной верхушкой кабардинцев, так и с русской военной администрацией, не отражались на взаимоотношениях собственно с кабардинским и русским народами. Карачаевцы не считали ни один народ, с которым они каким-либо образом сталкивались, своим кровным врагом, с которым нужно вести непримиримую, ожесточенную борьбу. При естественном соприкосновении различных народов, при значительном переплетении семейных и искусственных родственных связей (аталычество, куначество) ведущую роль всегда играют не стычки и конфликты, а трудовое общение, обмен навыками производства в земледелии или скотоводстве, торговый, культурный, бытовой обмен.

**Николаевское (Красногорское)
укрепление**

**Г.А. ЕМАНУЭЛЬ
(ЭМАНУЭЛЬ)**

Каменномоетское укрепление

**Магомет-Эмин
(Мухаммад-Амин)
третий наиб Шамиля
на Северо-Западном
Кавказе
(1848-1859)
имел чин мир-мирана
(генерала турецкой
армии)**

**князь СЕФЕР-БЕЙ ЗАН
один из вождей газавата на
Сеферио-Западном Кавказе;
имел звание полковника
турецкой армии и ранг
паши; его сподвижником
являлся один из
образованнейших
карачаевцев того времени
Андрей Хой (князь Казиев)**

ГЛАВА II
КАРАЧАЙ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ
БОРЬБЕ ГОРЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ЕГО ВОЕННО-
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ХОДЕ ДВИЖЕНИЯ.

§ 1. ФОРМЫ И МЕТОДЫ
ВОЕННО-КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ.

*К концу XVIII века Российская империя значительно укрепи-
лась на территории Северного Кавказа. Его степные и предгор-
ные районы непосредственно вошли в состав Российского го-
сударства. Росла численность русского и украинского населе-
ния Северного Кавказа, основывались новые города и стани-
цы, создавались укрепленные линии, призванные противодей-
ствовать как враждебным действиям соседних держав - Тур-
ции и Персии, так и отрядам различных народов Северного
Кавказа, обитавших в горных районах края, которые еще, факти-
чески, не контролировались русскими войсками. Многочислен-
ные присяги на верноподданство, которые давали феодалы
Кабарды и Дагестана, горские общества Чечни, Ингушетии и
Осетии особой роли никогда не играли. Их, фактически, никто
не соблюдал, часто разгорались восстания против русской вла-
сти, имевшие как небольшой локальный характер, так и пере-
раставшие в массовые антироссийские выступления, как, на-
пример, движение горцев под руководством шейха Мансура в
конце XVIII века. Власть России в горных районах Северного
Кавказа была зыбка и непрочна, а в некоторых районах ее во-
обще еще не знали. Более-менее прочное положение у России
было лишь в Кабарде, где удалось в 1793 году ввести даже
собственно российские военно-административные органы:
суды и расправы. Правда и они под давлением кабардинцев
были заменены шариатскими судами, существовавшими с 1807
по 1822 год.¹ Так что и здесь власть России была довольно
призрачной, слабой и неорганизованной.*

Однако стремление прочно утвердиться на Кавказе четко
обозначилось в политике России именно в XVIII веке. Присое-
динение Грузии в 1801 году дало новый толчок колониальным
устремлениям России в этом регионе. Рывок в Закавказье по-
ставил на повестку дня новые задачи и главными из них стали:
обеспечение безопасности новых владений и овладение зна-
чительными пространствами горной части Северного Кавказа
еще неподконтрольными Российской власти. На осуществле-
ние этих задач у Российской империи ушло более 50 лет.

Выполняя свои геополитические задачи, присоединяя все

новые и новые территории Северного Кавказа, царизм использовал различные формы и методы военно-колониальной политики. Но основными из них были: военно-казачья и крестьянская колонизация приобретенных территорий; привлечение на сторону царизма местной феодальной знати и ограничение влияния ислама и мусульманского духовенства на жизнь горцев, так как идеи ислама выполняли для них роль идеологии в ходе разворачивающегося национально-освободительного движения.

С XVIII века на Северный Кавказ начинается широкое переселение казачьего и крестьянского населения. Возводятся новые укрепления и крепости. Сооружается Азово-Моздокская укрепленная линия. Однако колонизационные волны XVIII века, фактически, никак не затронули Карачай. Вблизи карачаевской территории не было не только казачьих или крестьянских поселений, но и военных укреплений российской армии. Положение начало кардинально меняться лишь с началом XIX века. В 1803 году русским командованием было заложено Кисловодское укрепление, контролировавшее большой район в предгорьях Центрального Кавказа. Оно создавалось с целью усиления российского влияния и власти среди кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, абазин и ногайцев, борьбы с непокорными горцами и недопущения их связей с «мирными».

В то же время военно-стратегическая обстановка в регионе диктовала русскому командованию необходимость укрепления берегов верхней Кубани. По окончании русско-турецкой войны 1806-1812 годов в соответствии с подписанным договором Кубань оставалась границей между владениями Турции и России. Таким образом, Закубанье «оказалось в сфере политического влияния Османской империи».² Из-за Кубани на подконтрольную России территорию прорывались отряды непокорных горцев, а как показал опыт прошедших русско-турецких войн 1787-1791 и 1806-1812 годов оттуда можно было ожидать и появления турецких войск. Поэтому для укрепления границы на Кубани, на месте, где в 1790 году был разбит отряд турецкого военачальника Батал-паши, в 1804 году возводится укрепление Баталпашинское, а чуть южнее его - Усть-Тохтамышевское. Русское командование решает создать вдоль долины верхней Кубани целый ряд укреплений от Баталпашинского до Каменного моста, который находился на самой границе карачаевской территории. В этом «самом узком месте Кубани» еще в 1805 году пытались возвести крепость.³ Генерал-майор Дельпоццо планировал от Каменного моста «употребить разъезды еще далее вверх по Кубани к карачаевцам»,⁴ а позднее протянуть цепь укреплений непосредственно к самому центру Ка-

рачая. Однако постройка укреплений от Баталпашинска вверх по Кубани до Каменного моста значительно затянулась. Хотя были заложены Усть-Джегутинское, Николаевское, Хумаринское и Каменноостское укрепления, но закончены они были только к середине 20-х годов XIX века, а укрепление у Каменного моста только к 1832 году. А планам по постройке укрепленных пунктов от Каменного моста до карачаевских аулов так и не суждено было осуществиться.

«Карантинный забор». В начале XIX века царское командование имело слабое представление о территории Карачая и прилегающих к нему районах. Вернее будет сказать, что оно их совсем не знало. Поэтому далеко углубляться в труднопроходимую горную местность, не имея прочного тыла, оно не решалось, да и в этом не было особой необходимости с военной точки зрения. Однако через Карачай, после постройки прикубанских укреплений теперь проходила единственная дорога «удобная для скрытого проезда закубанских народов в наши границы на хищничества»,⁵ минуя российские укрепления и крепости. Да и лояльность самих карачаевцев царскому правительству была под большим сомнением.

Поэтому Кубанскую укрепленную линию было решено связать цепью небольших укреплений и постов с Кисловодской крепостью. Схема их расположения незначительно менялась вес первую половину XIX века. Но принцип размещения оставался неизменным. Цепь постов и караулов как бы огибала границы карачаевских земель, первоначально проходя по ущелью реки Джегуты и затем на Куму, где стояли посты: Таркачинский, Джеганасский, Кладбищенский, Бекешевский, Карантинный.⁶ Посты появились также в верховьях рек Подкумка, Эшкакона, Хасаута.

Таким образом, Карачай еще в первой четверти XIX века был окружен цепью российских укреплений, постов, караулов и пикетов, создававших как бы карантинную зону, призванную обеспечить безопасность российских владений. Впрочем, при этом сам Карачай считался территорией Российской империи. Ситуация, когда от своих же подданных отгораживаются границы, у царских военных вопросов или недоумения не вызывала. В Правительствующий Сенат в начале позапрошлого столетия так и докладывали о том, что карачаевцы «наравне с прочими народами состоят в управлении Российского начальства», хотя при этом «жительствоуют за кордоном в горах при вершине реки Кубани»⁷ и «управляющее» начальство в глаза не видели.

Правда, в 1822 году генерал Ермолов вполне логично рассудил, что карачаевцы, считаясь подданными империи лишь

формально, хоть и не отличаются склонностью к набегам, но зато не препятствуют в этом адыгам, помогают непокорным кабардинцам (значительная часть которых бежала от ермоловских войск в Закубанье через Карачай)» и, следовательно, являются неприятелем, которого подлежит истреблять.⁸ Ермолов отдает приказ об обновлении Кисловодского укрепления, пришедшего к этому времени в упадок, и о завершении строительства задуманных еще в начале века укреплений на правом берегу Кубани. Им же учреждаются и обновляются укрепленные посты на границе с Карачаем. Вот как пишет об этом В.А. Потто: «Он (Ермолов - Р.Б.) восстановил Кисловодское укрепление, а далее в направлении к верховьям Кубани, учредил сильные укрепленные посты: на реке Подкумок, при урочище Бургустан, в самых верховьях Кумы... на самой же Кубани - у Каменного моста и верховьях Тохтамыш...»⁹ Помимо оборонительных и оповещательных функций на солдат и офицеров возлагалась разведывательная роль. Военные на постах получили приказ Ермолова – «собирать все сведения, где в позднюю осень и где в зимнее время будут их (карачаевцев - Р.Б.) стада скота и баранов; узнавать, где лучшие идущие к ним дороги. К стороне земель их и по направлению к реке Маре нужно делать движения, но с большой осторожностью и отнюдь далеко не вдаваясь...»¹⁰

Со своими разведывательными функциями солдаты, казаки, офицеры на постах справились довольно неплохо. И позднее, уже после фактического покорения карачаевцев, укрепленные посты, караулы и пикеты в окрестностях Карачая не исчезли. Помимо своих прежних обязанностей на них была возложена еще одна - ставшая самой главной - наблюдение за карачаевским скотом. Царское командование прекрасно разобралось в том, какую роль в жизни Карачая играет скотоводство, и пользовалось тем, что карачаевцы и зимой, и летом были вынуждены держать основную часть своего скота в непосредственной близости от военных постов и пикетов, - расположенных в зоне предгорных пастбищ, - для обеспечения политической лояльности горцев. Экономическая зависимость карачаевцев от русского командования на Кавказской линии была очень существенной и служила главным фактором, удерживавшим их от «неприятных» действий в отношении России. Военным на пикетах, постах, караулах, начальнику отряда Кисловодского кордона предписывалось: «наблюдать за карачаевскими баран-кошами» и постоянно докладывать вышестоящему командованию, особенно в период обострения военно-политической обстановки, о том, где «находятся стада баранов, обыкновенно в это время выгоняемые в ок-

рестности Кумских высот, и в таком ли они количестве, в каких их видели в прошедшем году». ¹¹

Таким образом, создание на границе Карачая кордона из военных постов явилось важнейшим элементом военно-колонизальной политики России по отношению к Карачаю и главной составной частью военного режима. Пока скот находился под опекой военных властей, за политическую лояльность карачаевцев можно было не беспокоиться. Любые попытки чабанов откочевать поближе к горам, особенно в период нестабильной обстановки в крае, вызывали тревогу и беспокойство начальства, и нередко пресекались казаками и солдатами по приказу командования кордонов и линий. Такая практика нередко подрывала хозяйство горцев. Ибо начальникам постов предписывалось «удерживать карачаевские бараньи коши и не допускать им продвигаться в горы», даже несмотря на то, что по оценкам самих же военных, пасти скот на прежних местах не представлялось возможным, так как «трава, действительно, весьма мала, так что невозможно для строевых казачьих лошадей заготовить на ночь фураж». ¹²

Таким образом, военные посты на границе Карачая успешно выполняли свои функции, являясь частью разработанного царскими военными общего плана усмирения кавказских горцев. План же предусматривал, что добиться «усмирения» можно только посредством «постепенного овладения всеми или большей частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, чтобы, стеснив их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства». ¹³

Следует отметить, что все эти военные пикеты и караулы, опоясывавшие Карачай с севера и северо-востока, играли довольно значительную роль в его экономической и политической жизни. На этих кордонах не только следили за передвижением карачаевского скота, но и проверяли так называемые билеты, то есть разрешения, выданные приставом на право выезжать за пределы Карачая, в том числе для посещения ярмарок и базаров, и свидетельства, позволявшие покупать и провозить определенные виды ограниченных в обороте товаров, как например: металлические изделия и железо, продававшиеся только «мирным» горцам с дозволения пристава «и не для торговли, а только для себя». ¹⁴ На постах находились карантинные, где «очищалась» продукция горцев, предназначенная для торговли. Они боролись с провозом в Карачай запрещенных или контрабандных товаров, как например: холодного и огнестрельного оружия, пороха, кремней, свинца, корчемной соли, то есть приобретенной не на меновом дворе.

Неурегулированность правового положения постовых начальников, наряду с должностями приставов и смотрителей меновых дворов, создавала массу возможностей для наживы за счет карачаевцев и для злоупотребления своим положением. Беспрепятственный проезд на ярмарку и обратно, срок карантинного «очищения» товаров напрямую зависели от величины «вознаграждения» начальнику поста. Но взятки, поборы, «одалживание» баранов были явлениями обычными и никому не интересными. Но ведь нередким было и элементарное воровство карачаевского скота, а то и просто его присвоение казаками и солдатами. За сопротивление карачаевец мог угодить под арест или, вообще, поплатиться жизнью.

К 40-м годам XIX века эти явления достигли такого масштаба, что не выдержал даже пристав карачаевского народа Атарщиков. Понимая, что помимо всего прочего, происходящее подрывает и его собственный авторитет в глазах народа, он просил разобраться в происходящем командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе. Атарщиков писал, что начальники постов «посылают казаков и солдат воровать у карачаевцев скот и даже явно отгоняют оной», и вообще «воровство день ото дня увеличивается»¹⁵, - отмечал он.

Впрочем, существовавшее положение дел серьезным образом не изменялось в течение всей первой половины XIX века. Вследствие чего, несмотря на предоставление карачаевцам права безвозмездно пользоваться предгорными пастбищами, русская администрация не пользовалась в Карачае ни любовью, ни уважением. И хотя русские военные понимали, что внешняя покорность карачаевцев России весьма сомнительна, а «на преданность их нельзя положиться»¹⁶ они не делали серьезных шагов для повышения своего авторитета, полагая, что экономическая зависимость карачаевцев от властей на линии слишком серьезна, чтобы они могли помышлять об открытом восстании. В случае необходимости карачаевцам еще раз напоминали об аманатах и скоте, внушая, что «они ничего выиграть не могут, а потеряют все, если... нарушат присягу верно-подданности Великому Государю Российскому».¹⁷

Помимо сугубо военных мер, при завоевании Кавказа царское правительство широко применяло в целях закрепления на занятых территориях казачью колонизацию. В первой четверти XIX века карачаевцы практически не имели связей с казачьим населением Северного Кавказа, поскольку оно еще не было поселено в районах, прилегавших к Карачаю. Только после того как, в результате действий Ермолова по покорению Кабарды, «все кабардинские аулы, еще сидевшие между Кумой и Малкою были... переселены за линию укреплений, на правый бе-

рег Малки», а «за верховьями Кумы и Малки до самой Кубани лежали пустые незанятые пространства»,¹⁸ - появилась возможность поселить в этих местах казаков. В 1824 году переселение началось, в результате чего образовалось несколько новых станиц. Ближайшими к Карачаю стали станицы: Баталпашинская, Бекешевская, Карантинная (Суворовская), позднее Боргустанская. Правда ближайшая из этих станиц - Боргустанская - находилась от карачаевских аулов на расстоянии примерно 80 км. Причем это были километры по высокогорной, пересеченной местности. Кроме того, Карачай от станиц был отделен цепью постов, укреплений и кордонов. Все это делало общение карачаевцев с казаками менее интенсивным по сравнению с соседними горскими народами. И такое положение сохранялось до конца 50-х годов XIX века, когда произошла вторая волна казачьей колонизации в районах, прилегающих к верхней Кубани, и были основаны новые станицы: Исправная (1858), Зеленчукская (1859), Кардоникская (1859), Преградная (1860), Верхне-Николаевская (Красногорская) (1861), Усть-Джегутинская (1861). Теперь Карачай оказался связан с казачьим населением станиц более тесно. Помимо этого, они закрыли вход в верховья Кубани и Теберды, отрезали Карачай от все еще непокорных русской армии районов Закубанья. А до этого, все первую половину прошлого столетия, Карачай не был совершенно отделен от воинственных закубанских горцев и поддерживал с ними различные экономические и политические связи.

В этом отношении он несколько отличался от других соседних территорий и народов, считавшихся подданными Российской империи. Например, при Ермолове, Кабарда была окружена плотным кольцом укреплений, постов, станиц, которые должны были пресекать все связи кабардинцев с немирными горцами. Кабардинцам запрещалось селиться в горах, и целая цепь укреплений, где главным был Нальчик, отрезала их от входа в горные ущелья.

Карачай же был прикрыт постами и караулами только с севера и северо-востока, причем военные, наоборот, закрывали карачаевцам свободный выход с гор на равнину. Карачаевские аулы по-прежнему оставались высоко в горах, но население как бы отрезалось от плоскостных районов, которые были необходимы для ведения повседневной, обыденной хозяйственной деятельности. Все «передвижения» карачаевцев в предгорьях проходили под контролем царских военных, которые наряду со своими прямыми армейскими обязанностями применяли элементы экономической блокады и давления.

К западу же от Карачая горные районы были совершенно

свободны от русских укреплений, и карачаевцы имели гораздо больше возможностей общаться с непокорными горцами, чем их соседи по Центру Кавказской линии. Кроме того, в первой половине XIX века земли, которые использовались карачаевцами под пастбища, не являлись собственностью станичных казаков. Они находились в собственности казны, и пользовались карачаевцы ими с особого разрешения военных властей. Поэтому и связаны они были больше непосредственно с военными на кордонах, чем с населением расположенных за ними станиц. Помимо всего этого, карачаевцев, как и других горцев, до середины 40-х годов XIX века не допускали в станицы, села, города на ярмарки и базары. А на меновых дворах главную роль играли опять-таки военные власти. Поэтому во взаимоотношениях Карачая и России в первой половине XIX века колонизация не играла такой существенной роли, как в других регионах Северного Кавказа и не была главной составляющей ее колониальной политики.

При завоевании Кавказа Россия использовала не только сугубо военные методы, но и активно искала в среде горцев те социальные слои, на которые бы она могла опереться при осуществлении своей политики. А так как Российская империя сама была страной с крепостнической системой, то с первых же своих шагов на Северном Кавказе царская администрация в целях укрепления своей власти сделала ставку на местных феодалов, привлекая их на свою сторону. «Эти лица, значительно обеспеченные против других в материальном отношении, будут получать в народе постепенно все большее и большее значение и, в случае какого-либо брожения умов в народе, будут первыми деятелями в нашу пользу», - писал главнокомандующий Кавказской армией.²⁰

Процесс этот был сложным и неоднозначным на всем Северном Кавказе в целом и в Карачае частности. Изначально значительная часть горских феодалов враждебно отнеслась к попыткам России распространить свою власть на подвластные им территории и выступила с оружием в руках против царских войск. Российская администрация, действительно, во многом ограничила права горских князей и дворян, некоторые из которых, особенно в Кабарде и Дагестане, имели почти неограниченную власть. Но царское правительство поддерживало горских феодалов в главном - в сохранении прав над зависимыми крестьянами в случае лояльного отношения к российской власти. И, наоборот, объявляло зависимых крестьян свободными в случае «измены» их владетеля.

В результате большая часть феодалов, открыто выступавшая против России, потерпевшая поражение и боявшаяся по-

терять власть над крестьянами, стала переходить на сторону царизма и становиться его верным союзником в деле покорения Кавказа. Преданных России князей и дворян царское правительство щедро одаривало деньгами и землями, крепостными крестьянами и имуществом, военными чинами, наградами, назначало пожизненное жалованье, и главное - незыблемо стояло на страже их интересов по отношению к крепостным крестьянам и рабам, основному источнику благосостояния феодалов. Поэтому значительная часть горских феодалов преданно служила России.

Правда, были и те, кто стал непримиримым врагом империи, ведя до конца Кавказской войны ожесточенную борьбу с ней. И те, кто по каким-либо причинам были «обижены» и недовольны русской властью, из-за чего поднимали восстания, переходили на сторону непокорных горцев или, хотя и не выступали против нее открыто, но относились враждебно, зачастую, придерживаясь протурецкой ориентации. Весь спектр подобных взаимоотношений горских феодалов с царским правительством имел место и в Карачае.

В этой связи необходимо отметить, что русские военные власти стали вступать в непосредственные контакты с карачаевскими феодалами довольно поздно. Первые более-менее серьезные контакты карачаевцев с царскими властями относятся только к XIX веку. Правда, еще в 1788 году карачаевцы «объявляли себя зависимыми от Российской империи» и просили русское командование в лице генерала Текелли приструнить кабардинских князей, причинявших им «вред» и пытавшихся повысить размеры получаемой ими платы за аренду пастбищ и охранительные услуги,²¹ но это событие почти никак не повлияло на сближение биев Карачая и царских властей. Даже наоборот, во время карательных походов царских отрядов в Кабарду, в начале XIX века, карачаевские феодалы выступают на стороне своих кабардинских «коллег» и пытаются противостоять русской армии. До 20-х годов XIX века Российская администрация вообще была больше обеспокоена положением дел и укреплением своей власти в других крупных регионах Кавказа, а отдаленному, находящемуся далеко в горах маленькому Карачаю, уделялось очень мало внимания, хотя его жители и считались командованием в числе подданных императора Всероссийского. Кроме того, в это время Карачай отделялся от собственно российской территории - с русским населением и местами дислокации войск - полупокорной Кабардой.

Контакты. Новый период взаимоотношений России с верхушкой Карачая начался со времен генерала Ермолова и окон-

чательного покорения Кабарды в 1821-1822 годах XIX века. К этому же времени относятся и, по большому счету, первые контакты российских военных с представителями отдельных карачаевских фамилий, особенно с теми из них, что были тесно связаны родственными связями с кабардинскими феодалами. Во время ермоловско-кацыревского погрома Кабарды несколько карачаевских тукумов, обитавших в приграничных с ней районах Карачая, были вынуждены принести присягу и выдать русским властям аманатов в залог своей верности. Одного из них, одиннадцатилетнего мальчика, ждала интересная и необычная судьба. Это был Эдигей Джаубермесов (Казиев), ставший известным под именем Андрей Хай. Как уже упоминалось, Хай содержался в Георгиевске и Астрахани, а позднее ему удалось уехать в Европу, где он принял протестантскую веру и получил свое новое имя.

В 30-х годах он проживал в Османской империи, где был связан с лидерами непокорных горцев, как например, с Сефербеем Заном, а также с английским агентом Уркартом. Последний постоянно обещал горцам помощь от правительства Великобритании. Желая удостовериться в справедливости этих обещаний, черкесская делегация, прибывшая в Турцию, решила «послать от себя доверенное лицо в самую Англию».²² Этим доверенным лицом стал А. Хай. Он приезжал в Лондон, «где представлен был в роли представителя от кавказских горцев».²³ Но позднее, видя призрачность иностранной помощи, разругавшись с Уркартом и разуверившись в успехе национально-освободительного движения, он в 1838 году переходит на сторону России.

Побывав в Карачае и Черкесии, где Хай убеждал горцев не вести войну против России и говорил о несбыточности надежд на иностранную военную помощь, он был принят на русскую службу и, владея карачаевским, черкесским, русским, английским, немецким и турецким языками, был определен переводчиком на Черноморскую береговую линию, где и служил до своей смерти в 1844 году.²⁴

Главные же селения Карачая в верховьях Кубани не были затронуты ермоловской военной машиной. А события, разворачивавшиеся там, проходили отнюдь не в пользу России. Через Карачай прошла огромная масса кабардинцев, бежавших за Кубань. Напуганные их рассказами о жестокости русских войск, об истреблении аулов, о лишении феодалов своих исконных прав, об освобождении крестьян, карачаевские бии и значительная часть узденей под воздействием происходящего в Кабарде, религиозной агитации и происков османских эмиссаров склонилась к протурецкой ориентации.

В 1826 году это вылилось в принятие карачаевским обществом турецкого подданства. Процессом заправляли бии Крымшамхаловы, которые откликнулись на призывы Анапского паши стать под знамена османов и смогли склонить большую часть населения к подобному выбору.

Однако к лету 1828 года всем в Карачае стало ясно, что ставка на Османов оказалась битой. Турция в очередной раз потерпела сокрушительное поражение в войне с Россией. Карачаевцы пытались самостоятельно отстоять независимость, но в сражении с царской армией победа осталась за Россией. Разочаровавшись в Османах, Крымшамхаловы одними из первых принимают российскую присягу. Слова вали Ислама Крымшамхалова: «Будьте же вы нашими повелителями: мы не изменим нашему слову»,²⁵ – обращенные к генералу Емануэлю оказались, в общем-то, пророческими. Действительно, убедившись в силе русских Крымшамхаловы, да и другие карачаевские бии, на протяжении всей последующей истории оставались самыми преданными приверженцами царской власти в Карачае. И на то были свои объективные причины.

Опора царизма. Бийскому сословию было гарантировано сохранение всех его прав по отношению к крепостным крестьянам и рабам. Более того, царизм взял карачаевских биев под свою опеку и во время конфликтов феодалов и крестьян всегда становился на сторону первых. Крымшамхаловым были возвращены крестьяне, бежавшие за Кубань, но находившиеся в мирных аулах подконтрольных начальнику Правого фланга Кавказской линии.²⁶ Всем соседним с Карачаем феодалам было строго приказано впредь ни под каким видом не принимать под свое покровительство бежавших карачаевских крестьян, а ослушавшихся подвергали штрафу.²⁷ Правда за зависимыми крестьянами оставалось право жаловаться на своего хозяина в суд-махкеме и на время разбирательства уходить под покровительство какого-либо влиятельного лица в пределах Карачая,²⁸ но поскольку суд находился в руках тех же феодалов, надежды на благоприятный для крестьянина исход не было никакой. Российские военные также способствовали биям в поимке бежавших от них крестьян и скрывавшихся в горах или в непокоренной части Закубанья.

В этой связи интересно отметить, что нам неизвестно за всю первую половину XIX века ни одного случая бегства карачаевских крестьян в собственно Российские пределы, как это было, например, в соседней Кабарде. По-видимому, это объясняется как более тесными связями Кабарды с Россией в предшествующее время и значит более близким «знакомством» ее жителей с русской жизнью, культурой и бытом, так и тем, что

царские военные власти не распространяли принцип, по которому крестьяне, бежавшие от непокорных владельцев, получали свободу, на горские общества.

За феодальной верхушкой Карачая также осталось право держать рабов и покупать как невольников, так и крепостных крестьян. Но убийство раба уже рассматривалось как уголовное преступление и могло караться по российским законам. Царские власти сохранили за Крымшамхаловыми титул вали и подтвердили их лидерство в общественно-политической жизни Карачая. Вся существовавшая система взаимоотношений в обществе осталась практически без изменений и только поставлена под контроль пристава. Феодальная верхушка не только сохранила за собой прежние ведущие позиции в управлении обществом, в суде, но и даже укрепила свое положение, опираясь на российские власти. В свое время, критически оценивая деятельность российских военных в Абхазии, П.В. Апрельев писал, что российское войско было для «владельцев поддержкой их вопиющего произвола, их настойчивого стремления к нарушению всех прав, служило для них средством поддержать под час колебания власти над народом, словом русское войско служило в Абхазии в течение слишком 50 лет не делу России, а личному делу князей Шервашидзе». ²⁹ Сказанное без больших натяжек можно отнести и к Карачаю, за тем исключением, что царские войска на территории собственно Карачая никогда не дислоцировались.

Таким образом, России удалось получить в Карачае верных союзников в лице биев. Крымшамхаловы и Дудовы, убедившись в силе русских, в их поддержке своих феодальных прав стали активными сторонниками российских властей. Однако некоторая часть карачаевского общества была недовольна таким оборотом дела. Некоторая часть богатых и влиятельных узденей не желала усиления власти биев и сама жаждала более широко участвовать в управлении обществом. А одна из бийских фамилий – Карабашевы - значительно утратившая авторитет и власть, не выдержав феодального соперничества с Крымшамхаловыми и Дудовыми, потеснивших ее с вершин карачаевской политсцены - была крайне раздражена чрезмерным вниманием российских властей к своим политическим соперникам, упрочившим, благодаря поддержке царизма, свое положение. Вследствие этого Карабашевы шли на контакт с российской властью менее охотно, зачастую относились к ней враждебно, а некоторые из них симпатизировали Турции. В итоге, в среде влиятельных узденских тукумов, а также среди биев Карабашевых зрело глухое недовольство сложившимися в Карачае во второй четверти XIX века порядками и росли оп-

позиционные настроения.

А что касается биев Крымшамхаловых и Дудовых, то между ними и Российскими властями во второй четверти XIX века тенденция к взаимному сближению шла явно по нарастающей. Опекаемые царизмом Крымшамхаловы и Дудовы становятся главными проводниками российской политики в Карачае. С конца 30-х годов представители этих фамилий начинают получать звания офицеров русской армии и денежное жалование. Особенно в этом преуспевают Крымшамхаловы. Если судить по количеству офицерских чинов, то на их фоне военные заслуги других фамилий были более чем скромными.³⁰ В 1843 году особой похвалы начальства заслужил Гилястан Крымшамхалов, первый из карачаевцев решившийся на фоне весьма нестабильной военно-политической обстановки на Северном Кавказе и в Карачае, отправить своего брата на учебу в Россию.³¹ Впрочем, в 40-х годах XIX века среди обласканной царизмом карачаевской верхушки еще встречались «несознательные элементы», не осознавшие всех выгод сотрудничества с царизмом. Так в 1842 году российское командование намеревалось арестовать Асланбека Крымшамхалова по подозрению в разбое и убийстве есаула Харитоновна на Военно-Грузинской дороге и в содействии бежавшим за Кубань непокорным горцам.³²

Однако в середине 50-х годов прошлого столетия союз феодальной верхушки с царизмом был настолько прочен, что его не поколебали даже Крымская война, близость турецких войск к Карачаю и возвания османских военачальников и эмиссаров. Царизм вполне мог рассчитывать на верность биев. Присягавшие на верность Османской империи в 1826 году Крымшамхаловы прочно и непоколебимо развернулись на 180 градусов. В период антироссийского восстания 1835 года они спасли жизнь приставу Тургиеву, «отправив его к русским».³³ А в то время как отряд Мухаммад-Амина и карачаевское ополчение готовилось к сражению с царской армией, Магомед, Асланбек и Бадра Крымшамхаловы прибыли в русский лагерь и заявили о своей непричастности к происходящим событиям, о полной лояльности и преданности императору Всероссийскому и о том, что «в самом скором времени народ прекратит сношения с наибом»³⁴.

В дальнейшем, после окончания Кавказской войны, царизм не забыл отблагодарить своих наиболее преданных сторонников. Крымшамхаловы и другие бии получили в частную собственность огромное количество, по меркам Карачая, земель, и даже отмена крепостного права, как и в России, была проведена на Северном Кавказе с максимальной выгодой для фео-

далов.

Таким образом, гарантировав биям сохранение их основных феодальных прав и привилегированное положение в обществе, царизм привлек феодальную верхушку на свою сторону и получил в ее лице влиятельного союзника в деле реализации своих планов по покорению Северного Кавказа. Смирившись с потерей некоторых «вольностей» (как, например, право осуществлять набеги и заниматься работорговлей), бии, чтобы не потерять всё, и в первую очередь власть над крестьянами, источником их благосостояния, пошли на сближение с царизмом. Этот союз биев Карачая и царского правительства, оформившийся в основных чертах к середине 30-х годов XIX века, имел, несмотря на все сложности и перипетии военно-политической обстановки, только тенденцию к укреплению. Он не слабел и не нарушался за все время существования Российской империи вплоть до 1917 года.

Новая сила. Столь благосклонного к себе отношения русских властей не заслужила другая привилегированная группа карачаевского общества - духовенство. С первых же своих шагов на Кавказе Россия пыталась ограничить власть и влияние духовных лиц на жизнь общества; уменьшить «значение сего большею частию вредного сословия»;³⁵ подрывающего авторитет русской власти; неверно истолковывающего его «благие» намерения; дающего по причине «укоренелого фанатизма... превратные толкования нашим воззваниям»;³⁶ зовущего народ к неповиновению и газавату. Первым делом, после установления своей власти над той или иной областью Кавказа, царизм ограничивал влияние духовенства на общественные дела, прежде всего в сфере судебного разбирательства, стремился в некоторой степени изолировать его от населения.

Видя такое отношение к себе царских властей, духовенство стало всерьез опасаться за свою дальнейшую судьбу. Вдобавок, оно лишалось немалых материальных выгод, которые полагались ему при разборе судебных дел по шариату. В результате, значительная часть служителей ислама оказалась в оппозиции к царизму и развернула активную деятельность против колониального режима. Однако в первой половине XIX века Россия не вела, по крайней мере, открытую войну против ислама, как религии. Ей это было не по силам, да и просто не нужно. Опыт Татарии и Башкирии показывал, что в общем-то само исповедывание мусульманства не несет в себе прямую угрозу царской власти. Достаточно лишь поставить в зависимость от этой власти должностное и материальное положение мулл и эфенди, тогда и лояльность России большей их части будет обеспечена. Потому и на Кавказе царизм стремился поставить

ислам себе на службу, не забывая при этом вести непримиримую борьбу с протурецки настроенным духовенством и религиозными течениями, призывавшими к неподчинению «неверным».

В Карачае к моменту принятия первой присяги на верноподданство государю императору в 1828 году сложилась следующая ситуация. Усиление позиций ислама вылилось в возникновение шариатского суда-махеме, обязательство перед султаном Османской империи, через посредство Анапского коменданта Гасана-Паши, вести разбирательство всех судебных дел по шариату, прибытие для осуществления этих функций назначенного из Анапы кадия и, как следствие всего этого, принятие турецкого подданства в 1826 году. Обеспокоенное таким поворотом событий царское командование одним из главных виновников произошедшего видит шариат, проповедуемый духовенством. Поэтому после покорения Карачая в 1828 году царское командование сразу же вмешивается в его духовную жизнь и религиозные учреждения. Присланный из Анапы кадий Хаджи-Ахмет был арестован и сослан в Вологду. Взамен был прислан лояльный царизму эфенди Абдулла из Бабуковского аула Кабарды.

Таким образом, российские власти впервые дали понять Карачаю, что не потерпят нахождения на должности эфенди человека, враждебно относящегося к ним, и оставляют за собой право, в случае несговорчивости или нелояльности эфенди, сместить его с занимаемой должности и заменять другим. Духовная жизнь общества и религиозная деятельность мулл была поставлена царизмом под свой контроль и развивалась в строго очерченных рамках, всякий выход за пределы которых строго пресекался. Это делало эфенди зависимым от военного начальства Кавказской линии.

Впоследствии, должность эфенди занималась фактически только по согласованию с командованием на Кавказской линии, и сохранить свой пост он мог только в случае преданности российской администрации и призывам к послушанию ей. В 50-х годах XIX века духовных лиц в Карачае - а в других местах еще раньше - стали ставить на «довольствие» и платить жалование.³⁷ Это делало эфенди фигурой хоть и влиятельной, но, отнюдь, несамостоятельной в своих решениях и делах. Даже выносимые им приговоры могли отменяться по представлению пристава начальством на линии. Свое право сместить и назначить эфенди российские власти продемонстрировали еще раз в 1855 году. После неудачной попытки восстания бежавшего в Абхазию эфенди Хубиева объявили абреком и в административном порядке заменили на Муртазали Алиева, «бывшего в

этом звании в полуэскадроне лейб-гвардии Кавказском горском, в настоящее время занимающем эту обязанность в вольном Нахичеванском ауле».³⁸

С начала 20-х годов XIX века ограничения в области духовной жизни коснулись и паломничества мусульман к святым местам в Мекке и Медине. Теперь, чтобы официально попасть туда, верующим были необходимы специальные пропуска-билеты, выдаваемые царской администрацией. Царизм, не без оснований, считал, что совершение хаджа вызывает в среде возвращающихся паломников всплеск антироссийских настроений. Кроме того, некоторые из них становились турецкими агентами или могли стать переносчиками опасных болезней. Впрочем, при необходимости карачаевцы могли и не ждать милости начальства, выдающего билеты. Из Карачая довольно легко можно было попасть в неконтролируемое Россией Закубанье, а оттуда отправиться в Турцию нелегально.

Ограничивая влияние ислама на общественную жизнь горцев, царские власти еще в 1828 году предприняли попытку сузить сферу применения шариата в судебных делах. Не будучи в силах ввести прямое русское правление и законодательство, царские власти при разбирательстве судебных дел у горцев отдавали предпочтение адату и старались «ослабить действие шариата, а с ним парализовать и силу мусульманского духовенства... всегда представлявшего один из главных тормозов в деле умиротворения края».³⁹

Впрочем, основательно вмешаться в административно-судебные отношения в Карачае русское командование в 1828 году так и не успело. В результате, махкеме было сохранено и продолжало функционировать всю первую половину XIX века. Однако уже с самого момента своего появления оно не было судебным учреждением, разбиравшим все дела по шариату. Это стремление, возникшее при его создании, так и осталось неосуществленным. Поэтому при последующем восстановлении российской власти, - органов управления и возглавлявших их собственно российских должностных лиц, - реально произошедшей в Карачае в 1837 году, махкеме, как судебный орган, было сохранено и лишь поставлено под контроль пристава.

Хотя шариат никогда не имел главенствующей роли в общественно-политической жизни Карачая, где первенство все же принадлежало адату, влияние ислама было весьма серьезным. Мало того, под воздействием внутренних социально-экономических причин и влиянием освободительных движений горцев Восточного и Западного Кавказа это влияние еще более усиливалось. Были в Карачае и свои, хоть и немногочисленные, сторонники мюридизма. Связи с наибами Шамиля в Черкесии да-

вали о себе знать, а лозунги мюридов, заявлявших, что «магометане не могут быть под властью неверных и между всеми мусульманами должно быть равенство»,⁴⁰ не могли не найти в Карачае своих горячих сторонников. Естественно, что в основе национально-освободительного движения горцев лежали антифеодальные, антиколониальные устремления, ненависть к военному режиму царизма, а не религиозные убеждения крестьянской массы. Но ислам играл важную роль, цементирующую ряды горцев. «Различные по языку горские народы не более походили друг на друга и своим общественным строем. И здесь объединяющим началом явилось только мусульманство, со своим каноническим правом шариатом».⁴¹

Ислам играл роль идеологии и потому был так потенциально опасен для царизма. Не имея возможности бороться с мусульманством, как с религией, понимая бесперспективность и ненужность этого в данный исторический отрезок времени и желая превратить ислам в свое послушное идеологическое орудие, царские власти берут под свой контроль в Карачае духовное управление и судебные разбирательства по шариату, чтобы не допустить неблагоприятных для себя последствий исламизации общества. Кроме того, относясь недоброжелательно к духовенству, которое считалось все-таки одним из главных противников при покорении Карачая, царизм начинает заигрывать с ним, а, поставив под свой контроль духовные органы, военное командование начинает «растить» и преданные ему кадры. Духовенство Карачая, к тому же тесно связанное с биями, начинает сотрудничать с царизмом, и последнему удастся в значительной степени использовать его в своих политических целях.

Однако всю первую половину XIX века эфенди Карачая не утратили еще всей своей самостоятельности. Дело в том, что в Карачае, как уже упоминалось, продолжало функционировать махкеме, в котором заседал эфенди, представители биев и верхушки узденей под контролем пристава. Его сохранение имело двоякие последствия. С одной стороны - духовенство, продолжая участвовать в судебных разбирательствах и получая за это материальное вознаграждение из части выплаченных виновными штрафов, было менее агрессивно настроено против царских властей, сохранивших «кормушку», чем эфенди и муллы некоторых других регионов Северного Кавказа, значительной части таких привилегий лишённые. А с другой - такое положение дел позволяло эфенди Карачая, имевшим еще и свое хозяйство, быть совершенно независимыми в финансовом отношении от российской власти, опека которой вызывала порой только раздражение. Поэтому, когда в ходе Крымской

войны позиции России на Северо-Западном Кавказе пошатнулись, эфенди Магомед Хубиев стал одним из инициаторов восстания в Карачае. Он не без оснований надеялся, что, избавившись от российской власти, не только не ухудшит, а, наоборот, значительно укрепит свои как экономические, так и политические позиции.

Но действия Хубиева были лишь исключением из правил взаимоотношений, сложившихся между царизмом и духовенством Карачая со второй половины XIX века. Да и сам эфенди пострадал не сильно. Проведя несколько лет в горах и скрываясь от российских властей, он был амнистирован. «Именем его императорского величества» ему объявили «забвение прошлой его вины», а 1868 году даже разрешили вновь занимать общественные должности в Карачае.⁴² Поэтому можно сказать, что поставив под контроль духовные учреждения, царизму удалось привлечь на свою сторону духовенство и с его помощью нейтрализовать сторонников Турции и юридика и предотвратить серьезные национально-освободительные выступления карачаевцев под флагом ислама в период Кавказской войны.

Таким образом, при установлении российского владычества на Северном Кавказе царизм применял самые различные формы и методы, носившие военно-колониальный характер. Но основными из них по отношению к Карачаю были: организация цепи военных постов в местах, где карачаевский скот находился большую часть года, для наблюдения за ним; привлечение на сторону царизма местной феодальной знати; ограничение влияния ислама и мусульманского духовенства на общественную жизнь горцев. Особую роль в жизни Карачая первой половины XIX века сыграли военные посты на границах карачаевских земель. Царизм, пользуясь специфическими особенностями карачаевского животноводческого хозяйства, для которого были жизненно необходимы предгорные пастбища, получил в лице постов действенные рычаги воздействия на карачаевское общество. Применяя методы экономического давления, экономической блокады, политического шантажа, царские власти довольно успешно и почти всегда добивались нужного для себя развития событий в Карачае и без помощи собственно военных мер и войсковых операций, что в условиях Кавказской войны было весьма существенно.

§2. ЗАВОЕВАНИЕ КАРАЧАЯ ЦАРИЗМОМ.

XIX век был особенным в истории Северного Кавказа. Именно в это время произошли события, изменившие в корне судьбу населяющих его народов, их быт, общественные, социальные, политические, экономические отношения. События,

перекроившие политическую и этническую карту Северного Кавказа. Кавказская война, разгар которой пришелся на первую половину XIX века, принесла народам Кавказа неисчислимые бедствия и страдания, она поломала их вековой уклад жизни, заставила многие сотни тысяч горцев навсегда покинуть родные места. Национально-освободительное движение горцев против царизма, получившее в литературе название Кавказская война, оставило яркий след в истории России, покрыло как вождей, так и рядовых участников борьбы за независимость неувядаемой славой. Но любая война когда-нибудь все равно заканчивается и не всегда победой тех, кто ведет справедливую войну за независимость. Так и здесь, несмотря на все свое мужество, горцы Северного Кавказа потерпели поражение и вошли в состав Российской империи.

Предпосылки. Рубеж XVIII-XIX веков в Карачае и соседних с ним землях оказался наполнен рядом бурных событий. Северный Кавказ оказался окончательно в центре геополитических интересов соседних держав - России, Турции и Ирана, каждая из которых имела свой взгляд на его дальнейшую судьбу. Кроме того, начинают уделять пристальное внимание Кавказу и в далекой Европе, прежде всего такие государства как Великобритания и Франция. «Таким образом, в XIX веке политика царской России на Северном Кавказе была самым тесным образом связана с Восточным вопросом, входила составной частью в систему этого сложного комплекса международных противоречий, занимая в ней, на разных этапах, более или менее значительное место».⁴³

На самом Кавказе усиливаются национально-освободительные тенденции, выступавшие под религиозной оболочкой, особенно в среде северокавказских горцев, испытавших уже на себе «прелести» русского управления. В то же время в Закавказье Грузия, измученная постоянными набегами горцев Дагестана, войнами с Персией и Турцией, вконец обессиленная и не находящая сил к сопротивлению, принимает при царе Ираклии в 1783 году покровительство единоверной России. А его «преемник Георгий XII завещал Грузию русскому императору, и в 1801 году она была присоединена к России».⁴⁴ В результате, империя прорывается в Закавказье через Осетию и Дарьяльское ущелье и впервые разделяет Северный Кавказ на Восточный и Западный. Но теперь «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии... Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища».⁴⁵ Поэтому на первый план выходит срочное покорение неподвластных территорий Северного Кавказа, примыкающих к Военно-Грузинской дороге через Дарьяльское ущелье и, собст-

венно, с севера к Грузии. Такая перспектива не обрадовала ни Турцию, ни Иран, ни самих горцев, которых, впрочем, об этом никто из соседних держав не спрашивал и мнением их не интересовался.

Между тем, в 1785 году, в ответ на усиливавшуюся экспансию России, на Северном Кавказе произошло восстание под религиозными знаменами шейха Мансура, охватившее Кабарду, а, следовательно, затронувшее и Карачай, тесно связанный с первой социально-экономическими и политическими узам. В 1790 году недалеко от Карачая русские войска разгромили турецкую армию Батал-паши. По мнению В.М. Сысоева в этом сражении на стороне турок наряду с черкесами приняли участие и карачаевцы.⁴⁶ Кроме того, царские отряды практически каждый год «успокаивали» Кабарду, феодалы которой заметно тяготились опекой российских военных и введенными ими судебными-административными учреждениями.

На таком фоне Карачай входил в XIX век, с началом которого события начали развиваться гораздо быстрее. Российские власти, наконец-то определились, что же им делать с Кавказом, и повели решительные действия по его покорению. Между тем, Карачай, как и Кабарда, в начале XIX века российскими властями считался уже неотъемлемой частью империи, хотя, де-факто, положение дел складывалось не совсем так. Карачай считался российским на основании того, что имел тесные политико-экономические связи с кабардинскими феодалами, считавшимися уже подданными императора Всероссийского. Но, фактически царизм в начале XIX века не мог похвастаться полным контролем над самой Кабардой, не говоря уже о далеком высокогорном Карачае. В Кабарде хотя бы, пусть и с переборами, функционировали суды, подконтрольные российской власти. А с 1769 года кабардинские феодалы были обязаны свои действия «согласовывать с назначенным царским правительством приставом, который осуществлял контроль за их деятельностью».⁴⁷

В Карачае же и этого не было. То есть, «распоряжения начальства не простирались на... общества, каковы суть: балкарцы, чегемцы, карачаевцы».⁴⁸ Мало того, произошедшие восстания под флагом ислама, усиленная религиозная агитация в центре Северного Кавказа под руководством Исхака Абукова и Адиль-Гирея Атажукина, старания турецких эmissаров давали о себе знать. Карачай и до этого не имевший с Россией почти никаких связей, начинает еще более от нее отдаляться. Этому способствует и неуклюжесть управления царских чиновников и жестокость российских военачальников при подавлении почти непрерывных «возмущений» в Кабарде. Карачаевцы знали об

этом не понаслышке, а видели все собственными глазами и были в курсе последних событий, так как сами довольно активно принимали участие на стороне кабардинцев в восстаниях против российской власти. Во время очередного карательного похода в 1804 году генерал-лейтенант Глазенап докладывал начальству, что имел бой с «отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинами, выбитыми из 12 окопанных аулов».⁴⁹

Причем все это происходит на фоне разразившейся на Северном Кавказе страшной эпидемии чумы. Генерал Ермолов, позднее, цинично писал, что «морозная язва (чума - Р. Б.) была союзницей нашею против кабардинцев; ибо уничтожив совершенно все население Малой Кабарды и произведя опустошение в Большой, до того их ослабила, что они не могли уже, как прежде, собираться в больших силах».⁵⁰ Чума свирепствовала и среди карачаевцев, балкарцев и осетин. В 1803 году от морозной язвы погибло 2/3 дигорцев.⁵¹ У карачаевцев чума «менее истребила нежели у чегемов (балкарцев - Р.Б.)»,⁵² однако от болезни вымер целый аул Джамагат.

Кроме того, отчасти по вине самой природы, отчасти «благодаря» действиям царских войск в центральной части Северного Кавказа в 1805-1807 годах был неурожай и голод. Горцы питались земляными кореньями, при этом российское начальство, боясь продолжавшейся эпидемии чумы, велело: «Запереть кордон и ни под какими предлогами не пропускать их (горцев - Р.Б.) в наши пределы».⁵³

Ситуацией не преминуло воспользоваться мусульманское духовенство, объясняя, что появление болезней, голода, неурожая - есть кара небесная за грехи. Следовательно, необходимо стать на путь угодный Всемогущему Аллаху. В результате число ревностных сторонников ислама в Карачае, Балкарии, Осетии и Кабарде стало быстро расти. Изменения коснулись и повседневного быта. Горцы «вместо прежних коротких черкесок, начали носить длинные, на шапки надели чалмы, отпустили бороды, перестали пить горячее вино, курить и нюхать табак и ничего не есть из скота не убитого руками мусульманина».⁵⁴

Пропорционально росту числа фанатично настроенных мусульман, росло количество тех, кто был недоволен управлением «гяуров» и все беды, свалившиеся на головы горцев, объяснял их присутствием. Тем более, что карательные походы царских войск мало что давали в политическом смысле и только озлобляли горцев. Приступить же к более решительным действиям по покорению Кабарды и зависимых от нее горских обществ не хватало не столько желаний, сколько военных сил.

Основное внимание империи было еще приковано к Европе и борьбе с Наполеоном. А на Северном Кавказе, на фоне войн с Турцией (1806-1812) и Ираном (1804-1813), царские власти идут даже на уступки кабардинским феодалам и духовенству, требовавшим уничтожить родовые суды и расправы и заменить их духовными судами. С 1807 года они начинают действовать по всей Кабарде и, по-видимому, приблизительно в это время, духовный суд-махкеме появляется и в Карачае. Вообще, как уже упоминалось, Карачай до середины 20-х годов XIX века был довольно тесно связан с Кабардой социально-экономическими и общественно-политическими связями, а за свободное пользование предгорными пастбищами карачаевцы были вынуждены платить, попеременно, четырем крупнейшим кабардинским феодальным фамилиям: Атажукиным, Бекмурзиным, Кайтуковым, Мисостовым - арендную плату «с каждого двора по одному барану в год».⁵⁵

Это обстоятельство послужило в дальнейшем основанием для утверждений, что царизм, якобы, явился для карачаевцев освободителем от тягостного ига и якобы обременительной платы кабардинским князьям, что «послужило толчком для хозяйственного и культурного развития».⁵⁶ Конечно, оплачивать пользование пастбищами феодалам Кабарды (кстати, державшими свой собственный народ в таком порабощении, что кабардинские крестьяне, пожалуй, ненавидели своих владельцев больше, чем царских колонизаторов) было весьма неприятно. И это, прежде всего, било по самолюбию гордого горца. Однако, позже, пообщавшись с царскими военными, карачаевцы наверняка часто вспоминали поговорку: «Отдан чыкъ да джалыннъа» (из огня да полымя).⁵⁷ Так как, например, только в 1834 году на карачаевцев был наложен генералом Вельяминовым штраф в 10 тысяч овец,⁵⁸ что превышало ежегодную арендную плату кабардинским феодалам как минимум в 10 раз. А такие поборы и штрафы со стороны царских военных постоянно продолжались всю первую половину XIX века. Поэтому сводить отношения Карачая с Кабардой в первой четверти XIX века только к ложной схеме вассал-сюзерен было бы неправильно.

Самое русское командование отмечало, что «до 1822 года религия, одинаковый образ мыслей и одинаковые выгоды тесно связывали все малочисленные народы с кабардинцами. Они, вообще, хищничествовали с ними в наших границах».⁵⁹ Таким образом, покорение Карачая, не без оснований, рассматривалось царским командованием как составная часть окончательного покорения Кабарды.

Впрочем, в первой четверти XIX века Карачаю со стороны

русского командования уделялось очень мало внимания. Карачай был расположен высоко в горах, имел малочисленное население, занимавшееся скотоводством и уделявшее этому своему занятию гораздо больше внимания, чем военным набегам. С военной точки зрения он не играл практически никакой роли, его вооруженное ополчение было просто не в состоянии хоть как-то повлиять на расстановку сил в регионе, да и не могло находиться долгое время в сборе. Поэтому в начале XIX века положение дел в Карачае не интересовало ни Россию, ни Турцию, ни большинство кабардинских феодалов, боровшихся с царизмом. У российского командования на Северном Кавказе в первой четверти XIX века было три головных боли: Дагестан, Чечня и Кабарда. И покорению этих областей уделялось первоочередное внимание. Но так как все силы империи были брошены на борьбу с бонапартистской Францией, решительные военные действия на Северном Кавказе долго откладывались. Основное внимание сосредотачивалось на укреплении уже контролировавшейся территории, путем строительства укреплений, усиления границ и переселения на вновь приобретенные земли казаков.

Новый «бросок на Юг». После окончания войны с Наполеоном и разгрома Франции, урегулирования дел в Европе и Венского конгресса 1815 года Россия сосредотачивает все свое внимание на Кавказ. «При блеске побед, одержанных в 1812-1813 годах над «Великой армией» французского императора, противник, засевший в ущельях Кавказских гор, казался Александру I и его военачальникам не таким уж страшным»,⁶⁰ а победа казалась легко достижимой и быстрой.

В 1816 году на Кавказ прибывает новый командующий Отдельным Грузинским (вскоре Кавказским) корпусом и управляющий гражданской частью Грузии, Астраханской и Кавказской губерний - А.П.Ермолов, отлично зарекомендовавший себя во время Отечественной войны 1812 года и заграничного похода русской армии. Широко известной стала его фраза: «Кавказ - это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном... Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду».⁶¹ Под его руководством Кавказская армия, получив внешнеполитическую передышку, приступает к активным действиям по покорению Северного Кавказа. Имея ограниченные войсковые и людские резервы, Ермолов разбивает Северный Кавказ на «сектора» и начинает их поочередно «усмирять».

В 1816-1821 годах основные события проходили в Чечне и Дагестане, где солдаты Ермолова действовали весьма успешно, приводя попутно в жизнь разработанный им и Генеральным штабом под началом Вельяминова план, суть которого состоя-

ла в отнятии у горцев долин, вытеснении их в глубину скалистых неплодородных ущелий, где «без пашни и пастбищ, где зимует их скот в период жестоких в горах холодов, им не останется ничего другого, как только смириться с правлением России».⁶²

В период активных боевых действий на Восточном Кавказе в центральной его части было относительно затишье, прерываемое набегами горцев. Больших наступательных действий российские войска не вели, занимаясь, главным образом, укреплением своих позиций. Важным шагом в этом направлении стало основание в 1817 году крепости Нальчик. Но к 1821 году, посчитав основные задачи на Восточном Кавказе выполненными, Ермолов решает раз и навсегда положить конец существованию полунезависимой Кабарды. Центральный Кавказ, в том числе и Карачай, стояли на пороге решающих событий.

Как известно, план Ермолова в отношении Кабарды заключался в перенесении Кордонной линии вглубь ее территории к самой подошве так называемых Черных гор, поселения кабардинцев на плоскости под прикрытием российских укреплений и окончательном лишении ее князей политической самостоятельности. Естественно, что в первую очередь кабардинские феодалы не желали такого развития событий и склонялись к вооруженному сопротивлению. Ермолов, конечно, предвидел такое отношение к своим планам и готовил военную операцию.

В конце 1821 года в Кабарду ворвался отряд под командованием Кацырева. Покорение Кабарды и соседних с ней горских обществ началось. Надо отметить, что перед началом операции царские военные, дабы ослабить своего противника, пытались привлечь на свою сторону осетин, балкарцев и карачаевцев, полагая, что вынужденные платить арендную плату кабардинским феодалам они, желая сбросить с себя это «иго», с радостью согласятся помочь российской армии и ударят по Кабарде с тыла. Однако этим планам осуществиться так и не удалось. И если «мирные племена осетин - дигорцы и алагирцы», которым Ермоловым был открыт путь к переселению с гор на равнины, действительно стали «теснить» кабардинцев»,⁶³ то в Карачае всё было наоборот.

Карачаевцы не оказали царской армии абсолютно никакой поддержки, а помогали кабардинцам, бежавшим от погромов русской армии через Карачай в Закубанье. И это тем более может показаться странным, если учесть, что Карачай всегда был свободен от кабардинских феодалов, в отличие от некоторых соседей.⁶⁴ Казалось бы, можно было воспользоваться шансом, чтобы эту свободу укрепить и расширить. Но дело в том, что, некоторые сложности в отношениях с кабардинскими феодалами не распространились на собственно кабардинский

народ, с которым карачаевцев, помимо всего прочего, связывали межнациональные браки, атальчество, духовные, религиозные и культурные узы. Поэтому на уровне этнической комплиментарности кабардинцы воспринимались как «свои», а русские еще как «чужие». К тому же беспокойная обстановка на территориях, близлежащих к Карачаю основательно подрывало горское хозяйство.

Российское господство разрушало традиционный образ жизни, политический, экономический и общественный строй не только на уже контролировавшейся территории, но и в тех обществах, особенно в горах, которые еще не попали под управление России. Хозяйство их сильнейшим образом страдало от мер экономической блокады, применяемой военными. На равнине и в предгорной части русские власти переселяли феодалов и крестьян с места на место, лишали пахотных земель одних и награждали ими других, изгоняли горцев с предгорных пастбищ. Это нарушало традиционные формы товарообмена и производства продуктов питания, а жители горного Карачая и соседних с ним обществ не могли обеспечить себя всем необходимым и в большой степени зависели от этих хозяйственных связей и существовавшей системы производства. Оценивая подобную ситуацию, сложившуюся в Дагестане, генерал И.Паскевич в 1828 году писал: «Аварцы, будучи народом бедным, терпящим нужду в самых первых потребностях жизни, и будучи окружены, подобно им бедными соседями, не могут доставлять необходимейших для себя вещей иначе, как обменивая некоторые собственные произведения с жителями равнин; без такого обмена и торговли, - заключал он, - аварцы существовать не могут».⁶⁵

Десятилетиями отлаженная система феодальных взаимоотношений вокруг Карачая, какая бы она ни была, дававшая относительную стабильность в регионе, была подорвана российской армией. Даже пасти скот в предгорьях приходилось с удвоенной бдительностью, ожидая появления любителей легкой наживы с любой стороны.

Между тем, зимой 1821-1822 годов отряд Кацырева продолжил свои операции в Кабарде, подготавливая базу для весеннего наступления всей русской армии. В это же время, как уже говорилось, были выданы аманаты от той части карачаевцев, которая проживала в предгорных районах на границе с Кабардой, на левых притоках Малки - Хасауте и Муште, и не успела отойти в горы Карачая или Балкарии.⁶⁶ Опасность нависла и над главными селениями Карачая, так как зимой основная часть скота находилась в предгорьях на кышлыках и могла стать легкой добычей русских отрядов. Если бы скот удалось захватить,

то карачаевцам пришлось бы выбирать между присягой России на любых условиях и голодом и нищетой в ближайшие несколько лет. Что избрали бы жители Карачая, мы так и не узнали, потому что в дело вмешалась природа. На смену снегам и морозам 1821 года в январе 1822 «настали оттепели, и снег почти весь сошел.»⁶⁷ Эта оттепель переросла в относительно теплую и бесснежную зиму. Это позволило карачаевцам отогнать скот с предгорий в горные районы и чувствовать себя более уверенно.

В мае 1822 года в Кабарду вступил сам генерал Ермолов, и операция по ее покорению вступила в завершающую фазу. Проникнув в самые недра гор, где еще не ступала нога русского солдата, и, приступив к строительству новой линии и военных укреплений, используя в своих интересах социальные противоречия внутри кабардинского общества: обещая и предоставляя зависимым крестьянам непокорных владельцев свободу, царская армия в основном добилась выполнения поставленных целей в Кабарде. Однако большое число кабардинцев бежало за Кубань, став непримиримыми врагами русских. Значительная часть этих беглых кабардинцев пробралась в Закубанье через территорию Карачая, а многие из них стали использовать его как базу для набегов в российские пределы и для тайного проезда в Кабарду. Кроме того, непокорные горцы могли беспрепятственно получать в Карачае продовольствие, менять лошадей, сбывать добычу и пленных, оставлять раненых и отдыхать после набегов. Все это, естественно, не устраивало российское командование. Генерал Ермолов уже после покорения Кабарды предписывал командиру Тенгинского пехотного полка капитану Кашутину, отряд которого располагался в верховьях реки Кумы, считать всех, без исключения, карачаевцев неприятелем, которого при встрече следует истреблять.⁶⁸

Однако русские войска, не имея пока никаких сведений о дорогах, ведущих к Карачаю, ни более-менее точных рекогносцировочных данных не решались углубляться далеко в горы, где располагались основные карачаевские аулы. Военные старались действовать довольно осторожно. Сказывался полученный во время экспедиций в Дагестане и Чечне боевой опыт, где не смотря на кажущийся успех, войска еще раз убедились в сложности горной войны, тем более в абсолютно незнакомой местности. Поэтому пока в сторону карачаевских земель делали лишь «движения, но с большой осторожностью и отнюдь далеко не вдаваясь», и собирали сведения о том, «где в позднюю осень и где в зимнее время будут их стада скота и баранов», и где «лучшие идущие к ним дороги».⁶⁹ Генерал Ермолов собственноручно предписывал войскам: «Я не требую перестрелок и нападений и строго взыщу за бесполезные, но должно

беспокоить их движениями, и чем менее будут они угадывать оные, тем лучше»,⁷⁰

Отчасти, следуя подобным инструкциям, полковник Подпрядов в 1822 году, командированный «для усмирения карачаевского народа»,⁷¹ практически вернулся ни с чем. Его отряд так и не решился углубиться в незнакомую высокогорную местность, простоял на северо-восточной границе карачаевских земель и не добился практически никаких результатов. Но об этой неудаче, на фоне в общем-то успешных действий в Кабарде, российские военные власти предпочли не распространяться.

Таким образом, маленький Карачай оказался единственной точкой, на считавшейся до 1829 года российской части Северного Кавказа, которую не затронула ермоловская военная машина. Был, отчасти, покорен Дагестан. В Чечне кордонная линия перенесена с Терека на Сунжу, отрезая у чеченцев «лучшую половину хлебобородной земли, которую они уже не будут иметь труда возделывать»,⁷² и основана ключевая крепость Грозная. Вошли в состав империи Ингушетия, Осетия, Кабарда и Балкария. Даже закубанские адыги, считавшиеся еще подданными Османской империи, пострадали от карательных походов царских войск. И только затерянный высоко в горах Карачай так и не увидел на своей основной территории солдата царской армии, не выдавал аманатов и фактически остался независимым от российской власти.

Карачаевские аулы находились в труднодоступной местности. С востока и северо-востока они были прикрыты высокогорными массивами, тропы через которые были известны лишь самим карачаевцам да отдельным представителям соседних горцев и были труднопроходимы для войск, тем более с артиллерией и обозом. Дорога же по реке Кубань всегда держалась под контролем, и карачаевцы были уверены, что в местности под названием Аман-Ныхыт они разобьют наголову любой отряд, любой армии. Тем более, что у русских войск «даже в мирное время на преодоление 200-метрового дефиле (узкий проход между горами или водными преградами - Р.Б.) силами трех батальонов с четырьмя пушками уходило 10 часов».⁷³ Неудача отряда под командованием Подпрядова еще более убедила жителей Карачая в том, что по большому счету за свои аулы им опасаться нечего, так как русские войска боятся идти в незнакомые им горы. Поэтому Карачай начинает вести себя довольно независимо, а население под влиянием религиозной агитации, под впечатлением жестокости российских войск в Кабарде и рассказов бежавших оттуда кабардинцев не горит желанием стать подданными императора Всероссийского.

У российских военных все это начинает вызывать раздраже-

ние, но изменить в корне обстановку они пока еще не могут. Войска заняты охраной кордонной линии по реке Кубань, укреплением своих позиций в только что покоренной Кабарде и лишние силы для организации военной экспедиции в Карачай просто нет. Приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Бравый штабс-капитан Якубович, имя которого было на слуху у всего населения Северо-Западного Кавказа, мог в 1823 году сколько угодно махать нагайкой перед карачаевцами, «раздраженный упорством и несговорчивостью их», и хвастаться перед начальством, что они «разбежались, как школьники от грозного окрика». ⁷⁴ Сути дела это ведь не меняло. Разъехаться-то, может, карачаевцы и разъехались. (А что прикажете делать, когда человек на переговорах начинает орать и махать нагайкой? Стрелять неудобно, гость все-таки). Но зато как были независимыми от российской власти, так и оставались. Военным же приходилось вымещать свою злость на карачаевских чабанах, у которых, например, в ноябре 1823 года, казаками полковника Победнова было угнано около 1000 баранов. ⁷⁵

А между тем положение дел в Карачае начинает интересовать царских военных все больше и больше. Дело в том, что после разгрома и покорения Кабарды, роль Карачая на Северо-Западном Кавказе в корне изменилась. Из высокогорного горского общества, судьба которого, по большому счету, никого не интересовала, Карачай неожиданно превратился в значительный военно-стратегический плацдарм, в своеобразный мост, связывающий покоренную Кабарду, не оставляющую надежд вернуть независимость, с непокорным Закубаньем. Мало того, через Карачай теперь стала осуществляться связь между Турцией, власть которой еще номинально распространялась на Закубанье, и Дагестаном с Чечней, где постоянно тлели и вспыхивали очаги сопротивления царской власти. Так карачаевцы в 1826 году «препроводили через свои владения за Кубань, а потом в Анапу, сына Нух-хана, находившегося в Чечне для возмущения против нас горских народов». ⁷⁶ И, естественно, что через Карачай теперь проходила «единственная дорога, удобная для скрытого проезда закубанских народов в наши границы на хищничества... и что сие только сообщение беглых кабардинцев и закубанцев с карачаевцами дает возможность паше Анапскому действовать из под руки на горские народы: ибо как хищники, так равно и посылаемые от него для обольщения доверенные люди всегда находят у карачаевцев убежище...» ⁷⁷

Карачаевцы с явным сочувствием относились и к начинавшему постепенно разгораться национально-освободительному движению. Они не только оказывают помощь проходящим через

их территорию отрядам непокорных горцев, но и сами начинают принимать участие в «общекавказских» делах и нападениях на российскую территорию. В 1824 году, когда русские войска совершили карательный поход на аулы абазинских князей Дударуковых, располагавшихся на Зеленчуках, в отместку за помощь, оказанную им беглым кабардинцам, среди убитых защитников аулов в русском документе упоминается «лучшей фамилии карачаевских старшин сын Хубия (Хубиев - Р.Б.).⁷⁸

Таким образом, с 20-х годов XIX века Карачай приобретает важнейшее военно-стратегическое значение как для России, так и для горцев и даже отчасти для Турции. Ведь при определенных обстоятельствах Карачай мог стать тем звеном в цепи, которое могло соединить в единое целое народы Закубанья, Кабарду, Балкарию и восточных горцев и придать новые силы набравшему обороты национально-освободительному движению. Понимая это, позднее Россия будет уделять огромное внимание контролю за Карачаем, а имам Шамиль и его наибы в Черкесии будут делать все, чтобы овладеть им и склонить карачаевцев на свою сторону.

Однако вернемся в 20-е годы XIX века. После 1822 года обстановка вокруг Карачая резко изменилась. Россия укрепляла кордонную линию по реке Кубань и начинала устанавливать укрепленные посты на границах с Карачаем. Они стали контролировать значительный район в предгорьях и пастбищные места, используемые карачаевцами для выпаса скота. Такое положение делало контакты карачаевцев с российскими военными неизбежными и постепенно усиливало их зависимость от царских властей. Помимо этого, все более насущными становились проблемы торгового сотрудничества. Карачаевцы приобретали на стороне, прежде всего, соль, хлеб, ткани и некоторые изделия из металла. После нарушения традиционных хозяйственных связей карачаевцы вынуждены были получать необходимые им товары через посредничество закубанцев, «имевших необходимость в нужных им товарах ездить покупать оные в Анапу»,⁷⁹ либо через российских подданных: абазин, ногойцев и кабардинцев, продававших, к примеру соль, «столь дорогой ценою, что каждый пуд обходится променом на скот около 4 рублей» (при средней цене 1 руб. 60 коп.).⁸⁰ Поэтому карачаевцы были заинтересованы в прямом, непосредственном выходе на Российские меновые дворы.

Царская администрация, обратив предгорные пастбища, которыми пользовались карачаевцы, в казенную собственность, избавила с одной стороны горцев от пастбищной зависимости от кабардинских феодалов, а с другой – как бы стала на их место. Это, в конечном счете, имело далеко идущие последствия, так

как экономическая зависимость карачаевцев от плоскости была так высока, что оторвать их безболезненно от нее было невозможно. «Реальное вступление Кабарды в состав Российской империи рано или поздно должно было повлечь за собой реальное присоединение Балкарии. Правда, натуральные черты хозяйства балкарцев способствовали торможению этого процесса, но устранить его они не могли».⁸¹ Данное замечание Л.И.Лаврова в отношении положения балкарцев после 1822 года можно без всяких натяжек отнести и к карачаевцам. Правда, не успев еще до конца разобраться в особенностях скотоводческого хозяйства Карачая и не располагая четкой и организованной цепью постов и укреплений на его границах, российские военные в начале 20-х годов позапрошлого столетия еще не оказывают такого мощного воздействия на экономику карачаевского общества, как в последующее время. Поэтому Карачай мог чувствовать себя еще более-менее независимо.

Однако прожить самостоятельно в такой сложной общественно-политической ситуации, какая сложилась на Северном Кавказе в первой четверти XIX века, было довольно трудно. Небезопасная обстановка в регионе, военные набеги горцев Закубанья и ответные походы царских войск, наличие множества разбойничьих шайк, пользовавшихся смутным временем и промышлявших на границах с Карачаем, заставляли его жителей не только вооружаться и усиливать бдительность, но и предпринимать шаги к поиску союзников и путей стабилизации ситуации.

Зависимость от России была еще не так заметна. В то же время политика царизма на Кавказе не внушала карачаевцам никакого доверия. Военно-колониальные методы царской администрации, жестокости царских войск, насильственное переселение народов с одних мест на другие - авторитета российским военным не прибавляли. Кроме того, в Карачае ходили упорные слухи о том, что русские будут забирать детей в солдаты, распространять христианство, запретят носить оружие, предмет особой гордости каждого горца, и карачаевцы тогда «будут ходить, как женщины: возбуждая к себе сожаление и насмешки соседей».⁸² Такие опасения были понятны и главное, как показала историческая практика, небезосновательны.

Поэтому, хотя карачаевцы в большинстве своем и стояли за сохранение хотя бы наружного мира с Россией, присоединяться к ней желания не возникало. Кроме того, обитая в горных «трущобах», карачаевцы надеялись, что русские войска просто не смогут добраться по полному бездорожью до их аулов, тем более если встретят сопротивление. При этом присоединение к

России таило в себе еще одну существенную опасность. С запада Карачай непосредственно граничил с непокорными горцами Закубанья. Вожди бежавших за Кубань кабардинцев и других проживавших там адыгов оставляли за собой право осуществлять набеги на территорию контролируемую Россией. Это правило распространялось и на те народы, что присягнули на верность Российской империи. Поэтому ставить себя под удар многочисленных отрядов из-за Кубани карачаевцы также не решались.

Помимо этого, за Кубанью в непосредственной близости от Карачая осело много беглых кабардинцев, в том числе и из феодальной верхушки князей Атажукиных, с которыми карачаевцев связывали протекторальные отношения в совсем недавнем прошлом. В силу традиции они еще продолжали оказывать сильное влияние на все соседние народы, в том числе и на карачаевцев. Значительная часть кабардинских феодалов, ушедшая со своей земли под давлением российских войск, стала непримиримыми врагами России, опираясь в борьбе с ней на любые силы способные в этом помочь, в том числе и на Османскую империю.

Дипломатия анапского паши. Последняя между тем, также не теряла времени даром и, потерпев поражение в войне 1806-1812 годов, лихорадочно пыталась укрепить свое положение в регионе в первую очередь за счет горцев. Турецкие эмиссары действовали на всем Северо-Западном Кавказе, стараясь привлечь горцев под свои знамена в новой войне с Россией. Традиционно считая Османского султана сильнейшим правителем мира и покровителем правоверных, карачаевцы также стали «поглядывать» в сторону Турции.

Между тем, последняя в 1826 году присылает в крепость Анапу нового сановника, «из кавказских уроженцев, бывшего трапезундского правителя, известного своими административными способностями, Хаджи-Хасан-Чечен-оглы, с такими полномочиями, каких до него, никто не имел».⁸³ В его задачи входило придать турецкому владычеству в регионе, существовавшему только на бумаге, более осязаемые формы. Часть кубанских ногайцев и адыгских племен, особенно тех, кто сохранил в неизменности свое феодальное правление, присягнула на верность турецкому султану, надеясь на его помощь в борьбе с Россией.

Оказался втянутым в этот водоворот политических событий и Карачай. Рассчитывая, что в случае агрессии со стороны России, Турция окажет военную помощь, большая часть карачаевцев во главе с биями Крымшамхаловыми склонилась к принятию турецкого подданства. Свою не последнюю роль в происходя-

щем сыграл и религиозный фактор. В общем, карачаевцы в 1826 году, как и часть черкесов и ногайцев, «присягнули на будущее время руководствоваться во всех делах своих, общественных и частных, алкораном, оставив навсегда древние юридические обычаи...» и «приняли духовных судей (кадиев) для производства суда».⁸⁴ Кроме того, в Карачае учреждался пост вали, то есть правителя всего края, которым стал представитель фамилии Крымшамхаловых. Их лидерство, и так не вызывавшее ни в ком сомнения, ещё более обозначилось. В залог верности присяги Османам в Анапу от Крымшамхаловых был направлен аманат, и сами они стали главными проводниками политики Турции в Карачае.

К карачаевцам прибывает новый эфенди Хаджи-Ахмет, посланный из Анапы для осуществления шариатского суда. Но дело в том, что в Карачае в это время уже действовал духовный суд-махкеме и был свой эфенди Агаев, выходец из акушинского (даргинского) союза сельских обществ Дагестана, исполнявший те же функции. Свои полномочия он сдавать явно не хотел. В результате в Карачае образовалось своеобразное двоевластие. Народ недоумевал - к какому из кадиев теперь нужно обращаться. В итоге коллизию разрешили просто: стали обращаться за решением дел к обоим кадиям. «Получались различные решения, и возникали недоразумения».⁸⁵ В результате, один из недовольных решением анапского кадия из влиятельной княжеской фамилии Дудовых пытался убить Хаджи-Ахмета, выстрелив в него из ружья в тот момент, когда он сидел у окна в сакле, углубившись в чтение, но промахнулся. Это событие всколыхнуло весь Карачай. Крымшамхаловы, которые выступали гарантом безопасности анапского кадия, собрали своих вооруженных сторонников. Между ними и Дудовыми произошли кровавые столкновения, в результате которых проигравшей стороной оказались Дудовы. С их стороны было двое убитых и двое раненных.⁸⁶ А по-видимому, сам стрелявший, по прозвищу Амантиш (Гнилой зуб), был вынужден бежать из Карачая в российские пределы и в 1826 году появляется в крепости Нальчик. Позднее, он сыграет роковую роль в судьбе Карачая. Да и в среде всего феодального клана Дудовых после этих событий, естественным образом, стали нарастать пророссийские настроения. И, таким образом, своеобразная «пятая колонна» внутри Карачая была сформирована.

В результате произошедших столкновений оставил свой пост и эфенди Агаев, бежавший в Балкарию к урусбиевцам, но, впрочем, неплохо там устроившийся. Продолжая занимать уже там должность эфенди, судя по документу, где он напоминает начальству о своих заслугах и при этом сильно привирает, Агаев

был в добром здравии еще в 1846 году.⁸⁷

Между тем, события, происходившие в Карачае, не на шутку встревожили русское военное командование на Кавказской линии. Такой оборот дела, как принятие Карачаем турецкого подданства явно не входило в его планы. К тому же, это рассматривалось Россией как нарушение международного договора от 1812 года, по которому граница между Россией и Турцией проходила по реке Кубань. В этой связи Карачай, как находившийся по мнению российских властей на ее правом берегу, был неотъемлемой частью империи. К этому времени уже четко обозначилось то центральное положение, занимаемое Карачаем среди полупокорных и непокорных горцев, придававшее ему важное стратегическое значение. Поэтому нахождение этой стратегической цитадели пусть даже формально в руках Турции создавало угрозу всему Центру Кавказской линии и подрывало власть царизма.

В 1827 году произошла острая дипломатическая переписка между вновь прибывшим командующим войсками на Кавказской линии Г. Емануэлем и турецкими властями в Анапе. Турция обвинялась в нарушении «трактатов в отношении к пограничным народам здешнего края».⁸⁸ Однако анапский паша по большому счету все эти демарши военного командования проигнорировал, и менять свою политику в отношении Карачая, в преддверии войны с Россией, Османы явно не собирались. Кроме того, резкие заявления Емануэля вызвали недовольство уже нового главнокомандующего на Кавказе Паскевича, который писал, что одно дело «грозить мелким владельцам нескольких аулов; иное - начальнику, поставленному от дружественной державы... Как ни сильно российское оружие, а безвременный разрыв с Турцией при нынешней войне (Персидской) может быть гибелен для здешнего края».⁸⁹

Генерал Емануэль обратился с воззванием и к самим карачаевцам с требованием принести присягу России и выдать аманатов, но «они и в том, и в другом отказали, объясняя, что будучи единовверны с турками и по случаю выдачи им аманатов с присягою быть им верными», не могут исполнить требуемого.⁹⁰

Договор с Россией. Между тем, ещё до вступления генерала Емануэля в должность командующего войсками на Кавказской линии, в преддверии ожидавшейся со дня на день войны с Персией, российские военные в лице полковника Чавчавадзе 25 июня 1826 года (здесь и далее даты указаны по ст. стилю) недалеко от Каменного моста на Кубани заключают с карачаевцами договор о нейтралитете.

Любопытно отметить, что в подписании договора фактичес-

ки не приняла участия одна из крупнейших бийских фамилий Карачая - Дудовы. В списке наиболее авторитетных старшин, чьи фамилии значатся в документе, присутствует только Муса Айсандыров, представитель отколовшегося от Дудовых атаула, да и тот в конце списка.⁹¹ Это означает, что конфликт, разгоревшийся внутри Карачая, быстро погасить не удалось, и бии Дудовы стояли в жесткой оппозиции по отношению к «официально» проводимой политике, возглавляемой Крымшамхаловыми. Кроме того, участие в подписании договора присланного Анапой эфенди Хаджи-Ахмета говорит о том, что он, отнюдь, не ограничивался сугубо судебными разбирательствами, а активно занимался «внешней» политикой в карачаевском обществе.

Суть подписанного соглашения заключалась в том, что карачаевцы обязывались прекратить все неприязненные действия по отношению к России, не принимать к себе никого из непокорных закубанских горцев или беглых кабардинцев, не снабжать их продовольствием, а тех, кто находился в их владениях, немедленно изгнать. Россия со своей стороны разрешила карачаевцам проезжать в границы империи по торговым делам и, что самое важное, «пасти стада своего скота на низменных местах».⁹²

Это было самое главное условие договора необходимое Карачаю. И этот пункт договора отнюдь не был проявлением альтруизма со стороны империи. Карачаевцам, что понятно, предгорные пастбища были необходимы, как воздух. Но там скот был легкодоступен для русской армии и находился в постоянной опасности. Теперь же можно было пасти его, имея хоть какие-то гарантии безопасности. Царские власти же к этому времени уже хорошо уяснили: какую роль в жизни Карачая играет скотоводство и поэтому считали, что лучшим залогом, обеспечивающим соблюдение со стороны карачаевцев условий договора, послужит скот, находящийся под их контролем. По договору 1826 года царские власти даже не потребовали у карачаевцев аманатов в залог верности. Самым главным рычагом воздействия на Карачай становились не военные экспедиции или заложники, а экономическая блокада и контроль за скотом и пастбищами.

Впрочем, русско-иранская война 1826-28 годов в очередной раз отвлекла Россию от решения северокавказских дел, в том числе и от проблемы Карачая. А его стратегическое положение давно считалось командованием на линии несовместимым с турецким подданством. Решить задачу по установлению российской власти предполагалось в самое ближайшее время.

Между тем, в апреле 1828 года грянула, в общем-то

предсказуемая, - после воззвания султана Махмуда II в декабре 1827 года, где «все правоверное население призывалось к священной войне-джихаду с неверными»,⁹³ - русско-турецкая война. Основные действия стали разворачиваться на Балканах и в Закавказье, но не осталась в стороне и территория Северо-Западного Кавказа. Прежде всего, участились набеги горцев Закубанья, ставших основательно тревожить Кавказскую линию и расположенные за ней поселения. В это время, как никогда, ярко обозначилось военно-стратегическое значение маленького Карачая. Отряды закубанских горцев использовали его территорию как отправную точку для своих набегов, либо как путь к отступлению. Еще в 1824 году грандиозный по своему размаху набег из-за Кубани, приведший к разгрому станицы Марьевской и нескольких мирных аулов в Кабарде, закончился для горцев успешно только благодаря не подконтрольности Карачая царской администрации. Запертые в Баксанском ущелье русскими войсками, перекрывшими к тому же все пути возможного отступления по Кубани, горцы вырвались из западни по тропе, проходившей под самым снеговым хребтом из Баксана в Карачай, где, остановившись, отдохнув и сбыв часть добычи, ушли в Черкесию.⁹⁴

На протяжении последующих лет российские военные не перестают обвинять карачаевцев в содействии непокорным горцам, а также в том, что они сами принимают непосредственное участие в набегах. После 25 июня 1826 года карачаевцам ставят в вину систематические, по мнению царских властей, нарушения договора о нейтралитете. В 1827 году их обвиняют в угоне казачьего скота с реки Баксан⁹⁵ и в других неприязненных по отношению к России действиях.

Война. Но в 1828 году произошло событие, которое окончательно вывело из себя российских военных на Кавказской линии. Известный закубанский наездник Джембулат Болотоков в июне 1828 года совершил очередной удачный набег в российские пределы. 9 июля 1828 года было фактически полностью уничтожено селение Незлобное Георгиевского уезда. «Из числа 326 душ по ревизиям в оном написанных убили 22, ранили 7, взяли в плен 51 и сверх того пропало без вести до 100, всего убыло 180 человек... Селение хищниками сожжено до основания»,⁹⁶ - сообщается в русском документе. Российские военные утверждали, что карачаевцы тоже приняли участие в набеге. Сами же горцы, отошедшие вновь в Баксанское ущелье, перебрались оттуда в Карачай и беспрепятственно ушли в Закубанье. «У военных властей сам собою возник вопрос о примерном наказании или даже о совершенном покорении Карачая».⁹⁷ Благо война с Турцией развязывала командованию руки и

осторожному обращению с формально турецко-подданными был положен конец. Правда, для организации похода на Карачай не хватало войск, но он был запланирован, и осуществление его было делом только времени.

В июле 1828 года пала Турецкая крепость Анапа, по словам русских военных, служившая «складом оружия воинственным племенам, населяющим берега Кубани». ⁹⁸ Для России это означало укрепление позиций на Северо-Западном Кавказе и появление воинских резервов для других операций в регионе; для Карачая - личную драму Крымшамхаловых, потерявших своего аманата и крушение и без того мизерных надежд на военную помощь со стороны Турции. Карачай стоял в полушаге от прямого военного столкновения с Россией.

К тому же по неудачному для Карачая стечению обстоятельств командующим войсками на Кавказской линии был генерал от кавалерии Г. Емануэль. Назначенный на Кавказ в июне 1826 года и приступивший к исполнению своих обязанностей в сентябре того же года он еще ничем не проявил себя, не показал своего военного мастерства. Приехавший в Россию на военную службу из Австрийской армии с большим желанием сделать здесь карьеру и поправить финансовое положение, герой войны с Наполеоном, Емануэль на Северном Кавказе никак не мог по-настоящему отличиться. Его походы в Закубанье оканчивались, мягко сказать, неудачами. Авторитет его в войсках падал, доверие к нему, как к командующему, тоже; а среди солдат и казаков начинался недовольный ропот. ⁹⁹

Емануэлю срочно нужны были лавры победителя, и тут под руку командующему подвернулся давно уже мозоливший начальству глаза своей непокорностью Карачай. И генералу очень захотелось «совершить подвиг, почитавшийся до того невозможным, по неприступности мест - покорение карачаевцев». ¹⁰⁰ Будь на месте Емануэля кто-либо другой события могли бы развиваться несколько по иному. Достаточно было двинуть сильные отряды и устроить укрепленные посты в предгорьях, в местах содержания карачаевского скота и, рано или поздно, карачаевцы покорились бы. Рассчитывать на внешнюю помощь было уже нечего. Но генералу Емануэлю нужна была слава и громкая победа, ибо «кавказские войска измеряли степень заслуг своих количеством потерь», ¹⁰¹ поэтому последовал приказ готовиться к походу на Карачай.

Разведывательных данных о крае было уже собрано немало, поэтому военную операцию было решено произвести в октябре, когда «суровая осень препятствовала неприятелю долго находиться в сборе», ¹⁰² была необходимость готовить скот к зимовке, а деревья сбросили листья, что делало движение рус-

ских войск через лес более безопасным. Как ни скрытно пытались делать приготовления к походу на линии, карачаевцы узнали об этом и стали готовиться к отпору.

Российским военным уже было известно о двух дорогах на Карачай. Одну из них - по берегу Кубани - они знали неплохо, правда слабо представляя, что она из себя представляет, углубляясь в горы. А о другой - проходившей по пересеченной местности на северо-востоке Карачая они вообще имели лишь смутное представление. Однако при составлении плана военной операции военные вовремя вспомнили о бежавшем из Карачая в 1826 году Тенгизбии (Амантише) Дудове, который находился в Нальчике. Последний дал важные сведения о дороге, ведущей к Карачаю с северо-востока из района Пятигорья, в обход долины Кубани, и согласился быть проводником русских войск. Так личная ненависть к Крымшамхаловым и анапскому кадию переросла в предательство Родины. Русское командование нашло также еще одного знатока местности близ Карачая - кабардинца Атажуко Атажукина - и с помощью этих двух предателей разработало план военного похода на Карачай.

Предполагалось, что часть войск подойдет к Кубани и начнет отвлекающее движение к местности Аман-ныхыт, где, собственно карачаевцы и предполагали встретить неприятеля. То, что русские могут воспользоваться другой дорогой, им казалось маловероятным. В то же время основные силы царской армии должны были выступить на Карачай именно с северо-востока.

Хасаукинское сражение. Проведение операции началось 17 октября 1828 года. Небольшой отряд под командованием генерал-майора Антропова двинулся к Каменному мосту на Кубани, а оттуда предпринял движение вверх по реке к местности Аман-Ныхыт. Карачаевцы, видя прибытие русских войск, стали также сосредотачиваться к Аман-Ныхыту. Между тем, две колонны общей численностью 1653 человека, при восьми орудиях и двух ручных мортирках¹⁰³ выступили из сборных пунктов и 19 октября соединились на плато Эль-Джурган-Сырт у северного склона Эльбруса. Первой колонной, вышедшей из Бургустана, командовал полковник Луковкин, второй, сосредотачивавшейся у Малкинского Каменного моста - генерал-майор Турчанинов. При первой колонне находился и сам командующий - генерал от кавалерии Г.А. Емануэль. Соединившись на плато Эль-Джурган-Сырт, колонны двинулись к Карачаю уже в боевом порядке.

Помимо этих двух колонн и отвлекающего отряда на Кубани на соединение с солдатами и казаками Луковкина выступил еще

и отряд из Усть-Джегутинского укрепления под командованием майора Романцева, состоявший «из сотни хоперцев, двух рот пехоты и двух орудий».¹⁰⁴ Однако он несколько опоздал и сумел подойти к войскам только под самый конец сражения с карачаевцами. На вновь прибывшее подкрепление была возложена задача по охране оставшегося в тылу вагенбурга (временное укрепление из тесно поставленных обозных телег в виде прямоугольника или круга).

Хотя войскам было приказано «двигаться в ночное время, как можно секретнее со всею воинскою осторожностью, выслав авангарды и арьергарды и боковые патрули, сообразно обстоятельствам, и местоположения»,¹⁰⁵ карачаевцы, однако, довольно быстро разгадали план неприятеля и успели перебросить силы своего ополчения с Кубани на плато Эль-Джурган-Сырт. Передовые части карачаевцев с 7 часов утра 20 октября навязали перестрелку авангардным порядкам русских войск. Последние были вынуждены оставить в предгорьях всю конницу, спешить ее ввиду труднопроходимой местности и влить в ряды пехоты. Большие трудности возникли и с транспортировкой артиллерии, но расстаться с ней командование никогда не решалось. Орудия приходилось буквально нести на руках и спускать со скал на веревках, обложив предварительно деревянными желобами.¹⁰⁶ Впрочем, эти старания были не напрасны, так как артиллерия во многом и решила исход сражения в пользу российских войск. Что же касается обычного вооружения, то здесь преимущество было даже на стороне карачаевцев, вооруженных винтовками, в то время как у русских солдат были гладкоствольные ружья.¹⁰⁷

Вообще, вооружение русской армии на Кавказе было весьма посредственным и оставляло желать лучшего. Это давало горцам дополнительные шансы в борьбе с царизмом. Русский солдат был приучен больше действовать штыком. Огневой подготовке уделялось гораздо меньше времени. Причем само качество российских ружей было не лучшим. «Этого ружья», - писал И. Дроздов, - «солдат наш боялся больше, чем боялся его неприятель».¹⁰⁸ Поэтому артиллерия в вооружении царской армии играла исключительную роль, и именно на нее возлагались основные надежды в сражениях. Впрочем, взятые с собой в поход на Карачай горные орудия и мортирки, которые чаще всего использовались для стрельбы шрапнелью, были малоэффективны «при дистанции стрельбы более 150-200 метров, а по существу ее применяли для стрельбы на 50 и менее метров».¹⁰⁹ В этом случае карачаевские стрелки, используя естественные и искусственные прикрития, могли поражать огнем артиллерийскую прислугу. Кроме того, русская армия не могла

обойтись без больших обозов, что делало ее неповоротливой и сковывало маневренность. «Выезжали» царские военачальники в основном на дисциплинированности, смекалке, стойкости, самоотверженности закаленного в боях русского солдата.

Организацией сопротивления со стороны карачаевцев занимался, по-видимому, как это и было положено ему по обычаю, вали Ислам Крымшамхалов. Определенную помощь ему оказал эфенди Хаджи-Ахмет и другие муллы, занимаясь идеологической обработкой населения. Надо отдать должное вали, на своем посту главы ополчения, не надеясь на внешнюю помощь, он проявил недюжинные организаторские способности. Ополчение было вовремя переброшено с Кубани навстречу неприятелю. Таким образом, эффект внезапности, на который рассчитывали царские генералы был во многом утерян. Однако и у карачаевцев на пути движения российского войска не оказалось готовых искусственно созданных укреплений. Их приходилось возводить по ходу движения противника. Часть карачаевского ополчения, по оценкам русского командования около 500 человек, вовремя подошла на помощь небольшому авангарду, обнаружившему неприятеля, и открыла «сильный ружейный огонь, думая удержать тем строй наших войск».¹¹⁰ В их обязанности входило прежде всего максимально задержать движение войска и нанести ему возможно больший урон. Между тем, другая часть ополчения подготавливала в спешном порядке мощную укрепленную позицию перед самым спуском к карачаевским аулам на горе Гитче Хасаука, известной у русских под названием Карачаевского перевала. Это был действительно последний пункт обороны Карачая, и именно здесь предполагалось дать решительный бой царской армии, если бы ее все-таки не удалось заставить отступить раньше. На вершине перевала были собраны огромные осколки скал и камней, готовых в нужный момент сорваться на головы наступающих.

В то же время большая часть ополчения уже вступила в серьезный бой с царской армией. Войска генерала Емануэля, неся ощутимые потери, упорно рвались вперед. Они штурмом овладели горой Хасаука, но тут оказалось, что дело только начинается, ибо перед ними простиралась высокогорная местность, а внизу пенилась река Худес, которую необходимо было форсировать. На противоположном ее берегу карачаевцы стали спешно валить лес и делать завалы. Понимая, что если дать им возможность закрепиться, то переправа через реку может стоить войскам слишком дорого, Емануэль, оставив все тяжести, раненых и убитых на Хасауке, торопит войска и в первую очередь канониров, спускающихся к реке. Последним, потерявшим несколько человек под пулями горцев, удалось развер-

нуть «батарею из одного единорога и двух мортирок кегорновых на возвышенности правого берега реки Худеса»,¹¹¹ и огонь орудий разметал завалы и заставил карачаевцев отступить с занятой позиции и отходить в Карачаевскому перевалу.

Командовавший войсками генерал Емануэль уже предвкушал победу, видя как его солдаты медленно, но неуклонно взбираются по склону к вершине перевала, последнего опорного пункта карачаевской обороны. Но в это время на вершине рассыпалась еще одна цепь карачаевского ополчения; человек двести, и огонь горцев, хотя «частый, но урывчатый, теперь превратился в батальный».¹¹² Кроме того, вскоре на цепи штурмующих обрушился град камней и осколков скал; солдаты дрогнули и начали отступать. Дело казалось проигранным. Впечатление от произошедшего было такое сильное, что позднее, в некоторых источниках, описывавших это событие, появились сведения о том, что карачаевцы взорвали гору.¹¹³ На самом деле такого количества пороха в Карачае просто не было. Но отступить уже не мог сам генерал Емануэль. Осознав, что фронтальной атакой перевал не взять, он послал 80 егерей под командованием поручика Мицкевича занять отдельно стоящую высоту на фланге карачаевской позиции. Егеря справились с задачей успешно, и огонь, открытый ими с фланга, решил исход сражения. Воспользовавшись замешательством в карачаевских рядах и большими потерями, передовые цепи наступавших также пошли в атаку и сумели овладеть перевалом. Карачаевцы отступали, но преследовать их у русской армии не было никакой возможности. Помимо усталости, большого количества убитых и раненых, плохого состояния дороги, на горы уже надвигались сумерки. Таким образом, бой карачаевцев с русским отрядом длился в общей сложности 12 часов, начавшись в 7 утра и в 7 вечера закончившись. Потери русских в масштабах Кавказской войны, по признанию самих военных, были значительны: по официальным данным было убито и ранено 7 офицеров и 156 нижних чинов.¹¹⁴ Потери карачаевцев остались неизвестными.

Появление на Карачаевском перевале в конце сражения 200 человек, усиливших его оборону, вызвало вопросы об их происхождении и появлении еще у царского командования во время боя. Некоторые исследователи склонялись к мысли, что это была помощь со стороны закубанцев и беглых кабардинцев.¹¹⁵ Были сведения и о пришедших на подмогу в Карачай сотни балкарцев из Баксанского ущелья.¹¹⁶ Вполне возможно, что в сражении на стороне карачаевцев принимали участие и представители соседних народов: балкарцы, дигорцы, сваны, черкесы, абазины. Но число их было невелико и, по всей види-

мости, не превышало несколько десятков человек. Исходя из логики боя видно, что эти 200 человек занимались оборудованием и укреплением позиции на вершине перевала и вступили в битву после подхода остальной части ополчения и русских войск.

Первая присяга. 21 октября русские войска стали подходить к аулу Карт-Джурт в боевом порядке, готовые к новому сражению. Однако вскоре из аула появилась делегация во главе с вали Исламом Крымшамхаловым с изъявлением полной покорности. Генерал Емануэль был удовлетворен таким исходом дела, поэтому войска расположились лагерем на окраине аула, выставив вокруг охранную цепь. И, видимо не зря, так как атаки фурштатов (то есть заготовителей продовольствия) на аул «где предполагались сено или зерно были неудержимы. Ни приказание начальства, ни цепи - ничто не могло остановить их...»¹¹⁷ Однако аулы карачаевцев не были подвергнуты разорению, так как они считались царскими войсками не «изменниками», а страной впервые покоряемой, до этого не присягнувшей, а потому заслужившей на первый раз пощады. Генералу Емануэлю было подано прошение «от карачаевских владельцев» и «черного народа»,¹¹⁸ в котором они готовы были признать себя подданными России. После беседы с вали и сопровождавшими его старшинами, Емануэль назначил на следующий день переговоры об условиях присяги на верноподданство императору Всероссийскому и о дальнейших взаимоотношениях Карачая и России.

Карачаевский народ присягнул на верность государю императору Всероссийскому 23 октября 1828 года. Условия этой присяги были не особо тяжелыми. Они во многом повторяли статьи договора от 1826 года. Карачаевцы обязывались не принимать у себя никого из непокорных горцев и не оказывать им помощь, возвратит всех пленных солдат и дезертиров, угнанный скот и другое похищенное в набегах имущество, не пропускать через свои земли отряды закубанских горцев, а если не были в состоянии это сделать, по причине их многочисленности, то давать знать о появлении неприятеля на ближайший российский пост. Было оставлено в неприкосновенности все внутреннее самоуправление Карачая: должностные лица и суд. Разбирательство дел с соседними мусульманскими народами продолжало осуществляться по народным обычаям и шариату. В Карачай даже не назначался пристав, но на этот раз от карачаевцев были взяты аманаты в залог их верности присяге. В этот раз совместно с другими биями: Крымшамхаловыми и Карабашевыми, а также представителями Коджаковых и Боташевых, подписали договор и Дудовы.

Карачаевцы просили также «для мены и торговли учредить нам на речке Куме у крепости Хахандуковской меновый двор, дабы мы могли тамо получать соль, железо, товар и хлеб и были бы пропущаемы в пределы России по своим надобностям»,¹¹⁹ но эта просьба так и не была исполнена российскими властями. И еще долгое время карачаевцам приходилось получать товары через посредничество соседних народов втридорога.

Одним из животрепещущих вопросов во время переговоров карачаевцев с русским командованием был вопрос о податях и повинностях. К всеобщему народному удовлетворению «от податей они освобождались, а что касается повинностей, то они обязывались выставлять на время наших (российских — Р.Б.) экспедиций только известное число конных, хорошо вооруженных всадников и давать подводы за условленную плату».¹²⁰ Впрочем, последняя договоренность также осталась в основном только на бумаге. А сотрудничать с русскими войсками, выставляя милицию, карачаевцы начали только с 40-х годов XIX века.

После покорения Карачая российские власти направили туда зауряд-хорунжего Ходжаева и нового эфенди Абдуллу из Бабуковского аула Кабарды. Ходжаев должен был «проследить за тем, чтобы все карачаевцы приняли присягу, привести в известность количество похищенного карачаевцами скота и настоять на возвращении его».¹²¹ По-видимому, его также готовили и на должность пристава, либо для подготовки почвы для введения этой должности. Бабуковский же эфенди должен был возглавить духовную власть в Карачае взамен арестованного царскими властями эфенди Хаджи-Ахмета, ставленника анапского паши. Последний был препровожден в Россию и за свою антироссийскую деятельность на посту карачаевского кадия-эфенди сослан в Вологду, где и находился до середины 40-х годов XIX века.

Однако сами карачаевцы встретили новые назначения весьма холодно и открыто стали выражать свое недовольство. Не желая осложнять и без того непростую обстановку, российские военные были вынуждены отозвать их. И с января 1829 года в Карачае начинается, впервые за долгие годы, действовать эфенди из своей среды, а высшим должностным лицом остается, за отсутствием пристава, вали Ислам Крымшамхалов.

После вывода русских войск печальная судьба постигла и Амантиша Дудова, показавшего Емануэлю дорогу в обход Аман-Ныхыта. Карачаевцы не простили ему предательства, и по приговору народного суда он был казнен, причем, как отмечает В.П. Невская: «Это было редчайшим случаем в карачаевском суде-

производстве». ¹²² Действительно, предательство Дудова сыграло если и не решающую, то весьма немаловажную роль в победе русского оружия. Уже после присяги вали Крымшамхалов с усмешкой обратился к Емануэлю и сказал, что его войска до сих пор бы стояли у Аман-Ныхыта, если бы не нашли обходной дороги. Заинтересованный генерал на обратном пути посетил эти теснины на Кубани и не нашел слова вали большим преувеличением и бахвальством. В 1854 году русский отряд на то, чтобы просто пройти 7 верст, включавших дефиле Аман-Ныхыта, потратил 14 часов и 15 часов на 9 верст от Аман-Ныхыта до реки Индыш. ¹²³ А это был путь уже гораздо более безопасный и менее трудный, чем дорога через сами теснины. Так что можно только представить с какими трудностями столкнулись бы войска Емануэля, встретив сопротивление у Аман-Ныхыта, и в чью пользу закончилось бы подобное столкновение.

Победа над Карачаем всю использовалась генералом Емануэлем для поднятия своего авторитета в Кавказской области. Новое приобретение империи было широко разрекламировано на всю Россию. «Термопилы (Фермопилы - Р.Б.) Северного Кавказа взяты нашими войсками, и оплот Карачаева у подошвы Эльбруса, для всех горских народов враждебных против России, помощью Божией и храбростью войск, под личным моим предводительством, разрушен», ¹²⁴ - с гордостью извещал Емануэль жителей Кавказской области. Захлебывались от восторга даже столичные газеты. «Блистательный успех предполагает путь к успокоению всего края Кавказского... Пример покорения сего народа, почитавшегося у всех горских жителей самым непобедимым, дает прочим подумать о возможности повторить с ними такое же происшествие», - писала Петербургская «Северная пчела» в ноябре 1828 года. ¹²⁵

И хотя действительно очередная громкая победа была налицо, но результаты ее далеко не были такими блестящими, как того хотелось бы российским властям и лично генералу Емануэлю. Победа, по большому счету, была моральная, духовная. Это была победа над устоявшимися стереотипами. До 1828 года сами русские и, отчасти, карачаевцы, «будучи удостоверены примером нескольких столетий», верили, что независимость «обеспечена высокими и крутыми скалами», ¹²⁶ окружающими Карачай. Теперь этот миф был окончательно развеян. Россия убедилась, что может успешно действовать в самых «диких» горных «тущобах» Кавказа и брать Фермопилы лучше персов. Карачай еще раз убедился в силе русского оружия, против которого оказалась бессильной и суровая природа. Однако каких бы то ни было практических результатов

достигнуто не было. После ухода русских войск все вернулось на «круги своя». Карачай оказался предоставленным самому себе и продолжал существовать вполне самостоятельно, сохранив всю структуру своего внутреннего управления. Никаких изменений в общественно-политической системе не произошло, русские чиновники не появились. О том, что Карачай уже является составной частью Российской империи, в горах напоминали только свежие могилы погибших за свободу, четыре семьи, тревожащиеся за судьбу своих детей-аманатов, да усиливавшиеся военные посты в районе предгорных пастбищ.

Ситуацию, сложившуюся в Карачае, хорошо описывают слова В.А. Потто: «Пока войска находились в движении, задача умиротворения края казалась близкой к осуществлению; но как только войска удалялись, - все приходило в прежний порядок: волны смыкались за прорезавшим их кораблем и не оставляли даже следа на своей, подернутой зыбью, поверхности».¹²⁷

Тем не менее 1828 год был поворотным в судьбе карачаевцев. С 23 октября 1828, года Карачай стал официально считаться территорией Российской империи, а его жители мирными горцами. Начинается новый этап взаимоотношений Карачая с Россией - этап, когда новые подданные империи, наряду с втягиванием в ее политическую и экономическую систему и развитием культурных и духовных связей, не желали мириться с устанавливавшимся на их территории военно-феодалным режимом и поднимались на национально-освободительную борьбу против царизма.

§3. КАРАЧАЙ В ПЕРИОД НАИВЫСШЕГО ПОДЪЕМА ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 30-50-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Отпадение. В 1829 год Карачай официально входил уже как неотъемлемая часть Российской империи. Но так дело обстояло только на бумаге договора, подписанного российским командованием в лице генерала Емануэля и верхушкой карачаевского общества во главе с вали Исламом Крымшамхаловым. В действительности же, вместе с уходом российских войск «ушло» и российское подданство Карачая. Впрочем, Россия, как и в первой четверти XIX века, считала Карачай своей территорией, но какого-либо политического контроля над ним не имела.

В сложившейся обстановке, во многом повторявшей ту, что существовала в период с 1822 по 1826 годы, Карачай, однако, старается не ввязываться в общественно-политические процессы, разворачивающиеся вокруг него, и пытается придерживать-

ся политики нейтралитета. Но это становится все труднее и труднее. Карачай начинает вытягиваться в национально-освободительное движение, постепенно набирающее обороты на Северном Кавказе, как следствие военно-колониальных методов, применявшихся царизмом на завоеванной территории.

Трудно было мириться с военно-феодальным строем, установившимся царскими властями на завоеванной территории, с господствовавшими тогда в империи деспотизмом и авторитарным бюрократизмом чиновничества, с порядком, при котором, «по словам шефа корпуса жандармов графа А.Х. Бенкендорфа, законы пишутся для подчиненных, а не для начальства».¹²⁸ Без всяких консультаций с карачаевцами был назначен эфенди неизвестный им, посторонний человек. Зауряд-хорунжий Ходжаев долго ездил по карачаевским аулам и все время что-то высматривал, считал и записывал, «безошибочно» выявлял похищенный в российских пределах скот. Российские военные имели привычку указывать: где пасти отары баранов, когда, в каком количестве, в какое время перекочевывать и перемещать коши, при этом карачаевцы должны были еще зорко следить за передвижениями немирных горцев Закубанья и отражать их набеги, направленные не на Карачай, а на Россию.

Впрочем, в 1829 году карачаевцы были еще вполне «мирными» горцами, что позволило генералу Емануэлю провести научную экспедицию по восхождению на Эльбрус. Правда, все это делалось под прикрытием довольно внушительного военного отряда, сборы которого и выступление успели произвести в горах Карачая большой переполох. Но карачаевцы, присягнувшие в конце прошлого года, считались мирными, поэтому отряд ограничился только охраной ученых, пытавшихся покорить высочайшую точку Кавказа. Правда, никто из ученых мужей до вершины так дойти и не смог, и под силу это оказалось только проводнику горцу Киллару. Однако своих целей научная экспедиция в общем-то добилась, обнаружив на только что присоединенной территории Карачая массу полезных ископаемых, руд и минералов, разработка которых должна была начаться в будущем на благо империи.

Между тем, Карачай, побыв некоторое время, хотя бы номинально, под властью России, к 1830 году фактически отсоединился от нее. Взаимоуважительные, взаимовыгодные отношения с военными властями на Кавказской линии так и не сложились. Статьи договора 1828 года не выполнялись ни одной из сторон, его подписавших. Россия так и не открыла меновой двор на реке Куме, о чем просили карачаевцы, и фактически не допускала их в пределы империи на российский рынок. Карача-

евцы же по-прежнему не препятствовали закубанским горцам и беглым кабардинцам, как того требовали условия договора, осуществлять набеги со своей территории в российские пределы. Жители Карачая не столько не могли, сколько не хотели им в этом препятствовать, так как с соседними народами их связывали традиционные политические, экономические, родственные, культурные и религиозные связи. Карачаевская аристократия, имевшая вес и влияние в обществе, да и сами крестьяне, имели кровнородственные или искусственные родственные связи практически со всеми соседними этносами. А межэтнические браки среди северокавказских горцев «вплоть до второй половины XIX столетия оказывали сильное влияние на общественно-политическую ситуацию в крае».¹²⁹ Кроме того, русские войска были далеко от Карачая и даже, если бы захотели, не смогли прийти на помощь его обитателям в случае военных столкновений с сильными отрядами закубанских горцев. Вести с ними постоянную «войну» у карачаевцев не было ни сил, ни желания, ни времени.

Поэтому отряды непокорных горцев всегда находили в Карачае гостеприимный приют в случае отступления или неудачного набега в пределы России.

Карачай использовался как важная операционная база для подготовки и осуществления набегов. Здесь же запасались продовольствием, отдыхали, меняли лошадей, приводили в порядок оружие и амуницию, сбывали добычу. Кроме того, по соседству с Карачаем осело много представителей крупнейшей феодальной фамилии Кабарды - Атажукиных. Их влияние на карачаевское общество было традиционно сильным. Многие из Атажукиных, вынужденные под натиском русских войск покинуть Кабарду и уйти в Закубанье, сделали злейшими врагами России. В своих набегах они часто опирались на помощь как своих многочисленных «мирных» родственников, так и на живущих высоко в горах карачаевцев. Последние же, тесно связанные с соседними народами и недовольные военно-колониальной политикой царизма, не спешили менять старых друзей на одного нового в лице Российской империи.

Между тем, сложившаяся ситуация, когда Карачай фактически сотрудничает с непокорными горцами, явно не устраивает российские власти на Кавказской линии. Они прямо заявляют, что считают карачаевцев нарушителями данной в 1828 году присяги, так как «все значительные закубанские партии, следуя на хищничества в наши (русские - Р.Б.) границы и возвращаясь с добычей, проходили через ваши (карачаевские - Р.Б.) земли»,¹³⁰ и обещают применить к «изменникам» самые решительные меры воздействия. Карачаевцы находились в очень

сложной ситуации. С одной стороны, им не хотелось портить отношения с закубанскими горцами, а с другой - за эти самые отношения им грозили военные на линии всевозможными карами. Обстановка все более обостряется, а военные начинают переходить от слов к делу. В итоге, с 1829 года Карачай вступил, пожалуй, в самое мрачное пятилетие своей истории первой половины XIX века.

Давление. Обвиняя карачаевцев в измене данной в 1828 году присяге на верноподданство государю императору Всероссийскому, военное командование на Кавказской линии переходит к решительным действиям, дабы заставить население Карачая выполнять условия договора и дать понять, какая участь ждет изменников и врагов государства Российского. Довольно хорошо уже разбираясь в военно-политической, общественной и хозяйственной обстановке, сложившейся в регионе, царские власти не предпринимают новых военных приготовлений для организации войсковой экспедиции и наказания карачаевцев. Они поступают гораздо проще, но в то же время весьма эффективно. В отношении Карачая применяются методы политического шантажа и давления через аманатов, находившихся в Нальчике, и, что самое главное, экономическая блокада, сильно ударившая по скотоводческому хозяйству горцев.

В 1832 году карачаевские аманаты были переведены из Нальчикской крепости в Ставрополь. При этом горцам дали понять, что Ставрополь не что иное, как всего-навсего перевалочный пункт. И если карачаевцы продолжат «неприятельные» действия по отношению к России, «то они (аманаты - Р.Б.) будут сосланы в Сибирь».¹³¹ В 1833 году аманатов действительно сослали. Правда, не в Сибирь, а в Финляндию. Они были отправлены в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов (кантонисты - сыновья солдат и военных поселенцев), так как карачаевцы «продолжали пропускать хищников через свои земли и некоторые из них лично участвовали в хищничествах».¹³² Это было довольно чувствительным ударом в первую очередь по феодальной верхушке Карачая, чьи дети сохранились в аманатах. В их числе был и сын самого вали Ислама Крымшамхалова. Понятно, что в такой ситуации влиятельные в Карачае феодальные фамилии стали склоняться к мысли о необходимости нового союза с Россией.

Но более всего ударила по Карачаю экономическая блокада, устроенная российскими военными. Обвиняя карачаевцев в невыполнении условий присяги, принятой ими в октябре 1828 года, царское командование, контролируя предгорные пастбища - особенно необходимые в зимне-весеннее время - препятствует

**генерал от инфантерии
А.И. ЕРМОЛОВ**
командующий Отдельным
Кавказским корпусом
(1816-1827)

**генерал-фельдмаршал
И.Ф. ПАСКЕВИЧ**
командующий Отдельным
Кавказским корпусом
(1827-1831)

**генерал от инфантерии
Е.А. ГОЛОВИН**
командующий Отдельным
Кавказским корпусом
(1838-1842)

**генерал-фельдмаршал
М.С. ВОРОНЦОВ**
главнокомандующий
войсками на Кавказе
и наместник на Кавказе
(1844-1854)

**генерал-фельдмаршал
А.И. БАРЯТИНСКИЙ**
командующий Отдельным
Кавказским корпусом
(1856-1857)
главнокомандующий
Кавказской армией
(1857-1860)

**генерал от инфантерии
Н.И. ЕВДОКИМОВ**

Начальник Правого фланга (1850-1855) и Левого фланга (1855-1860) Кавказской линии, командующий войсками Кубанской области (с 1860). После того, как царские власти лишили Карачай исконных пастбищных земель в бассейне Терека, благодаря графу Евдокимову карачаевцам частично возместили ущерб выделением земель в долине Дзегуты, Тебердинском и Маринском ущельях.

горцам свободно ими пользоваться, заниматься перекочевками и ставить коши. Карачаевский скот периодически, под благовидным предлогом конфисковывался. Так, в 1834 году генерал-лейтенантом Вельяминовым на карачаевцев был наложен штраф в 10 тысяч овец.¹³³

Это вело к разрушению традиционных форм хозяйствования, нарушало сложившиеся отношения торговли и обмена с соседними народами. При этом карачаевцев фактически отрезали от российского рынка. Все это сильно бьет по экономике Карачая, прежде всего по ее основе - скотоводству, которое в 1830-34 годах было близко к катастрофе. Экономическая блокада, предпринятая царскими военачальниками, доводит карачаевцев до отчаяния.

В начале 30-х годов XIX века, не имея широкой возможности пользоваться предгорными пастбищами, непосредственно примыкавшими к Кисловодской кордонной линии, карачаевцы умудряются перегонять часть своих овец через Главный Кавказский хребет и пасти их на земле сванов.¹³⁴ Пользуясь слабостью княжеской власти фамилии Дадешкилиани в этом районе Сванетии, примыкавшем к Приэльбрусью, и благодаря дружественным связям со сванским народом здесь можно было пасти овец, не опасаясь, что их кто-то отобьет. При этом подножный корм здесь можно было находить круглый год.

Но даже такие отчаянные попытки найти новые пастбища и пути для развития скотоводства не могли сколько-нибудь серьезно выправить положение дел в хозяйстве Карачая. Альтернативы предгорным пастбищам, находившимся под контролем российских укреплений и постов, по существу не было. Вдобавок, к острым проблемам, возникшим из-за блокады в карачаевском скотоводческом хозяйстве, добавились новые, связанные с капризами погоды.

В 1832-1833 годах во всей Кавказской области был неурожай зерновых культур из-за ранних заморозков и снега.¹³⁵ Кавказская область стояла на пороге голода. И если шаги, предпринятые администрацией, позволили хоть как-то выправить ситуацию в городах, селах, станицах, то о горцах, естественно, думали в последнюю очередь. А положение в горах складывалось очень серьезное.

Гибель зерновых культур в Карачае, на фоне общего кризиса скотоводческой отрасли хозяйства, грозила не просто голодом, а настоящей катастрофой для всего населения. Тем более, что, так или иначе, но значительная доля хлеба уже в первой трети XIX века в Карачай импортировалась из России. Теперь же, когда в самой империи начались перебои с хлебом, эти поставки почти совсем прекратились. К сожалению, мы не знаем

подробностей того, что происходило в Карачае в 1832-33 годах. Но ясно, что положение было критическим. По сообщению более позднего источника в Карачае были случаи, когда «в голодные 1832 и 1833 годы родители продавали дочерей за паек муки». ¹³⁶

Приняв во внимание все эти факты, можно сказать, что идти в таких условиях еще и на конфликт с горцами Закубанья было бы для Карачая просто самоубийством. Кроме того, оттуда поступала хоть какая-то помощь, в отличие от России, военачальники которой на Кавказской линии требовали только одного - безусловного подчинения российской власти. Понятно, что для карачаевцев было просто невыполнимо и ультимативное условие, выдвинутое им генералом Вельяминовым в 1832 году, в котором он объявлял, что карачаевцы «должны избрать одно из двух: либо не пропускать через свои земли закубанских партий, либо допустить Российские войска в (свои - Р.Б.) жилища». ¹³⁷ В самом Карачае с трудом добывали средства к существованию, а его жителям предлагали обеспечивать продовольствием и содержать еще и русский отряд. Пойти на это в Карачае никто не решался. Однако все понимали: дальнейшее неподчинение российским властям принесет еще больше бед и невзгод. Экономическое давление приносило весьма успешные результаты, лучше всяческих военных операций и походов. Меры, предпринятые царизмом в отношении Карачая в начале 30-х годов XIX века с целью вернуть его население в число подданных империи, приносили свои плоды.

Перевод аманатов в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов, экономическая блокада царских властей, вызванное ей разрушение скотоводческого хозяйства и голод начала 30-х годов привели к тому, что карачаевцам пришлось волею-неволей самим искать пути сближения с российской администрацией на Кавказской линии.

«Возобновление присяги». В 1834 году старший адъютант генерального штаба Кавказского корпуса И.В. Шаховской, работавший над картой Закавказского края, должен был проехать через Карачай в Сванетию. Этим обстоятельством воспользовались обе стороны: карачаевцы, выразившие готсвность принести новую присягу на верность России; и сама империя в лице своего офицера, соглашавшаяся ее принять. Ещё будучи в ауле князя Мисоста Атажукина, который стоял в 6 верстах от Нальчика, И. Шаховской встречался с карачаевской делегацией, возглавлявшейся самим престарелым вали Исламом Крымшамхаловым. Последний кратко, но весьма ярко описал взаимоотношения, которые сложились в это время у карачаевцев с царскими военными. Вспоминая о бывшем начальнике (абардинской линии) генерале Горихвостове, вали говорил, что «генерал обвинял

карачаевцев в том... будто мы пропускаем через свою землю абреков, и называл нас изменниками; мы указывали ему на то, что даже русские войска, которые заняты единственно охранением линии, даже и они не всегда могут укараулить хищников, так есть ли возможность удержать их небольшому карачаевскому обществу; но как мы ни оправдывались, нам не внимали, но смотрели на нас, как на бунтовщиков. Вот и теперь полковник Засс (начальник Кубанской линии – Р.Б.) прислал сказать, что он нас всех истребит, если мы к нему не явимся; а как нам к нему явиться, когда нами заведует полковник Пырятинский (новый командующий Кабардинской линией – Р.Б.)? Мы просто не знаем, что и делать». ¹³⁸

Шаховской поспешил заверить карачаевцев в том, что в случае изъявления покорности все подобные проблемы и трудности будут устранены. В итоге обе стороны условились провести окончательные переговоры в самом Карачае. И вскоре в сентябре 1834 года князю Шаховскому удалось «склонить карачаевцев к возобновлению присяги на верноподданство государю императору». ¹³⁹ Обе стороны заключили новый договор, основные условия которого были следующие: выдать новых аманатов, принять к себе пристава; прекратить «дружелюбные отношения с неприязненными нам горцами»; содержать военные караулы от верховий Кубани до Каменного моста и не пропускать неприятельские партии, отправляющиеся в набег, если только они не превышают тысячи человек, а об остальных сразу сообщать начальству на линии; оказывать содействие русским войскам при отражении нападения «хищников», прорвавшихся ниже каменноостского укрепления. ¹⁴⁰

Как бы в подтверждение искренности принятия присяги, во время переговоров с Шаховским показал свою удаль и семидесятилетний вали Крымшамхалов. Возглавив вооруженный отряд, настигнувший партию закубанских горцев, возвращавшихся из набега на Кабарду, он, «отбив у них всю добычу, возвратил кабардинцам по принадлежности». ¹⁴¹ Это событие также оказало весьма приятное воздействие на настроение военных, участвовавших в переговорах с карачаевцами. Поэтому они пошли навстречу карачаевскому народу по вопросу о прежних аманатах, выданных еще в 1828 году и, как уже упоминалось, переведенных в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов.

Было принято решение возвратить их на родину. По просьбе Шаховского об этом ходатайствовал у военного министра графа Чернышева сам командующий Отдельным Кавказским корпусом Г.В.Розен. Военный министр после некоторых колебаний дал согласие на возвращение аманатов. Однако при этом

он отметил, что «горцы, получившие от нас образование в батальоне военных кантонистов, могут быть вредны нам, возвратясь на родину, когда они еще не успели привыкнуть к нашим нравам и обычаям.»¹⁴² Поэтому граф Чернышев, сделав исключение, отметил, что больше подобных распоряжений он не отдаст, не без оснований опасаясь, что полученный в российских частях военный опыт, бывшие аманаты, возвратившись в родные горы, могут использовать против своих же учителей.

Карачай – приставство империи. Новая присяга 1834 года вносила в жизнь Карачая еще одно важное новшество. Карачаевцы соглашались принять пристава. Отчасти по просьбам самих карачаевцев, желавших теперь максимально обезопасить себя от закубанских горцев, приставом был назначен молодой кабардинский князь, находившийся на русской службе - Атажуко Атажукин. По утверждению У.Д.Алиева, это был тот самый кабардинский князь, который вместе с Амантишем Дудовым служил проводником русским войскам, выступившим на покорение Карачая в 1828 году.¹⁴³ Правда, у Алиева он почему-то имеет чин полковника, хотя точно известно, что, например, в 1836 году Атажукин был только прапорщиком.¹⁴⁴

Назначение Атажукина, по мнению карачаевцев, должно было решить сразу две проблемы: во-первых, открыть свободный доступ к предгорным пастбищам, как мирным горцам, принявшим присягу и управляющимся при этом поставленным властями чиновником; во-вторых, оградить себя, теперь как российских подданных, от набегов закубанских немирных горцев, где фамилия Атажукиных имела весьма сильное влияние. Последнее было актуально также и в связи с тем, что ещё Шаховской во время переговоров с карачаевцами фактически заставил их совершить набег на непокорное царизму закубанское племя медовеевцев, с целью поссорить оба народа.¹⁴⁵ (И это при том, что князь Шаховской слыл человеком весьма либеральным. Однажды его спор о будущем горцев с полковником Зассом, - утверждавшем, что закубанцев и карачаевцев вообще лучше истребить, - едва не закончился дуэлью. Но доктрину: «Разделяй и властвуй». – по-видимому, разделяли оба). Между тем, стратегия, выбранная карачаевцами, безусловно, имела право на существование. Она даже в чем-то оправдывала себя. Карачаевцы получили мирную передышку, чтобы поправить свое пошатнувшееся хозяйство. Пастбища, лежавшие вблизи Кисловодской кордонной линии были для них открыты, а с закубанскими отрядами теперь должны были договориваться Атажукины.

Однако нельзя и сказать, что такой выбор был удачен для Карачая. Феодалная фамилия Атажукиных имела довольно

сильное влияние на Карачай в силу традиции и после 1828 года, то есть первого вхождения в состав России. Периодические «подарки» преподносились Атажукиным и позднее. Назначение же приставом ее представителя в какой-то мере возвращало Карачай на десятки лет назад, когда он находился в экономической зависимости от феодалов Кабарды. Инерция от этой зависимости еще оставалась, влияние Атажукиных традиционно было еще велико, но причин, заставлявших Карачай заключать союзы с соседними феодалами, уже не было. Этот разрыв между реальностью и инерционной традицией, как бы он ни был еще малозаметен, все же медленно, но неуклонно увеличивался. Время влияния феодалов Атажукиных в Карачае безвозвратно ушло. Но свою власть им еще очень хотелось удержать. Поэтому они используют все выгоды, которые получили от назначения приставом карачаевского народа своего человека.

Атажукин, впрочем, сам мало занимался хозяйственными и политическими вопросами в Карачае. В этом вместо него особенно преуспевал его дядя Мисост Атажукин, ставший фактически, наряду с вали и карачаевскими старшинами, правителем Карачая. «Подарки» феодалам Атажукиным участились, а сам Мисост безбедно существовал за счет карачаевцев, решая с их помощью свои собственные хозяйственные дела, иногда даже в ущерб племяннику, которого, по-видимому, все - и родственники, и русские власти держали как ширму, так как «по молодости своей он с должностью не справлялся».¹⁴⁶ Однако Атажукиным он был нужен, чтобы беспрепятственно получать от карачаевцев «подарки», а российские военные, озабоченные делами на Западном и Восточном Кавказе, смотрели в сторону Карачая очень редко и то по принципу: все спокойно, ну и ладно.

Между тем, в начале 1836 года Мисост Атажукин в порыве религиозного рвения отправился на поклонение к святым местам в Мекке и Медине. Во время его отсутствия его племянник Атажуко по глупости подал рапорт с просьбой, чтобы его освободили от должности пристава карачаевского народа. Командование, недолго думая, просьбу эту удовлетворило и назначило новым приставом хорунжего Моздокского казачьего полка Атарщикова. Пока новый пристав улаживал свои дела и собирался выехать к новому месту назначения, вернулся из Мекки Мисост Атажукин. Здесь он с ужасом обнаружил, что приставом уже назначен другой человек. Но эта должность была слишком выгодной, чтобы от нее можно было так легко отказаться. Мисост использует все свое влияние и все свои связи, чтобы воспрепятствовать вступлению в должность Атарщикова.

Прежде всего, резко меняет свою позицию бывший пристав -

Атажуко Атажукин. Теперь он никак не хочет оставлять свой пост и желает остаться приставом. Мисост Атажукин и его родственники, используя свои связи в Карачае, подбивают народ не подчиняться требованиям властей, назначившим нового пристава. В противном случае карачаевцам обещают максимум неприятностей со стороны их прикубанских соседей, с которыми они, по кавказскому обыкновению, имели много взаимных претензий и споров. Набеги ведь были делом вполне обычным. Так, например, в 1836 году карачаевцы угнали 98 штук рогатого скота и «пограбили разных вещей» у аула Хутова (Тохтамышевского).¹⁴⁷ По Карачаю распространяются слухи, что на самом деле распоряжения начальства о назначении нового пристава вообще не было, а человек, который так себя называет - самозванец.

Неискушенные в тонкостях политики карачаевцы частично верят этим слухам и проискам Атажукиных. Атарщиков долгое время не мог приступить к исполнению своих обязанностей, так как старшины, встречавшиеся с ним в Хумаринском укреплении, заявили, что без «народного согласия принять его не могут». ¹⁴⁸ Впрочем, угрозы известного всему Кавказу своей жестокостью начальника Кубанской линии генерал-майора Засса и письмо командира Кавказского корпуса Розена возымели свое действие, и 18 марта 1837 года, практически через год после официального назначения, Атарщиков прибыл в Карачай, где, как он докладывал: «Народ принял меня довольно ласково, и я без всякого препятствия со стороны народа вступил в управление». ¹⁴⁹

Новый пристав объявил карачаевцам условия, на которых он будет управлять, а они подчиняться. Эти условия в основных чертах повторяли статьи договора от 1834 года. Впрочем, до этого события российские военные, чтобы успокоить карачаевцев, обещали им всяческое содействие и помощь при разборе дел по шариату, с соседними народами по поводу взаимных претензий и защиту в случае чьих-либо самоуправных действий. Карачаевцам, кроме того, было выдано 20 билетов для проезда в Мекку, особенно тем, кто отличился усердием и преданностью правительству. Так как карачаевцы обязались ежегодно предоставлять военному командованию новых аманатов, то прежние заложники были переведены из Нальчика в Хумару, где и ожидали обмена. Это были Асланбек Бийнегеров (Крымшамхалов), Ислам Карабашев, Хасан Сагоев(?), Мет Темурзин(?).¹⁵⁰ Этими действиями военные хотели расположить к себе карачаевцев, и, в основном, это им удалось.

Однако уже и после вступления в должность Атарщикову пришлось столкнуться с небольшой внутренней оппозицией своему правлению. Авторитетный старшина из тукума Боташе-

вых решил, «что не будет иметь никаких отношений с начальством и будет уклоняться от его распоряжений».¹⁵¹ Чтобы укрепить свои позиции, он дал также согласие на просьбу цебельдинских семейств, оставшихся без сюзерена, переселиться в Карачай под его покровительство. Но Атарщикова принял решение отстранить старшину Боташева от всех общественно-политических дел Карачая и потребовал от него аманатов. А так как, в общем-то, все карачаевское общество это решение поддержало, то вскоре этот небольшой бунт был подавлен, а Боташевы прощены.

Карачай, пожалуй впервые, попал под прямое российское управление, с более-менее оформившейся системой этого правления, с собственно российским чиновником во главе, подчинившимся начальнику Правого фланга Кавказской линии (с 1840 - начальнику Центра). С запутанной системой подчинения России, существовавшей до этого, было покончено. На глазах стало таять и влияние соседних феодалов, прежде всего из фамилии Атажукиных. Понятно, что пристав Атарщикова не собирался делиться с ними и толикой своей власти и, вспоминая их интриги, предшествовавшие его вступлению в должность, с первых же дней своего правления повел решительную борьбу со всеми остатками влияния соседних феодалов на Карачай.

Казалось, что положение стабилизировалось надолго. Карачай более-менее прочно вошел в состав Российской империи, управлялся назначенным командованием приставом из русских офицеров, выдавал ежегодно аманатов в знак верности присяги, а карачаевский скот пасся на предгорных пастбищах под контролем постов и пикетов и в такой ситуации был гарантом их лояльности по отношению к власти. Тем более, что эта власть в конце концов помогла карачаевцам избавиться от опеки со стороны соседних феодалов. Назначением русского пристава «сразу же был положен конец всяким домогательствам кабардинских князей».¹⁵²

На этом фоне можно было бы предположить, что небольшое горское общество навсегда оставит все мысли о какой-либо самостоятельности, а его жители станут совсем «мирными» подданными российской короны, которых в совсем недалеком будущем, после усмирения отдельных бунтующих элементов на Западе и Востоке Кавказа, будет легко «облаготворять» новым устройством их гражданского быта так, как того пожелает начальство. При кажущемся абсолютном спокойствии в Карачае это виделось легко достижимым. Но это затишье было временным. Внутри Карачая уже происходили сложные социально-экономические процессы.

Узденское движение. Избавившись от зависимости от ка-

бардинских феодалов, карачаевцы были не в восторге от власти, устанавливаемой царизмом. Хотя бы потому, что материальная зависимость от соседних феодалов, по крайней мере в 30-х годах XIX века, была неизмеримо меньше, чем от российских военных, контролировавших фактически всю скотоводческую отрасль. Кроме того, военные каждый год требовали новых аманатов. Не говоря уже о военно-колониальных методах царизма, упоминавшихся в первом параграфе данной главы, которые не снискали любви ни у одного народа на Северном Кавказе. И, если карачаевские бии, облагодетельствованные царизмом, сохранившие свои привилегии и даже упрочившие свои позиции в обществе, благодаря его поддержке, взяли, в основной своей массе, курс на сближение с российской властью, то среди значительной массы карачаевского узденства зрело недовольство складывающимся положением дел и ущемлением их политических и экономических прав. Уздени, зачатую не уступавшие по богатству некоторым феодалам, хотели более широко участвовать в политических делах общества и быть более самостоятельными. Бии, естественно, сопротивлялись этим устремлениям свободных крестьян-общинников и находили поддержку у царских властей. В результате уздени свое недовольство стали переносить и на саму российскую власть, прежде всего в лице военных, ее представляющих. Выражали они протест и политике экономического давления, установленной царизмом, постоянно ощущавшейся в Карачае и бившей прежде всего по крестьянам. Кому будет приятно быть под наблюдением и контролем все время: и днем, и ночью? Сказывался на настроении узденей также деспотизм и неуклюжесть российского управления.

Подтверждение законности своих требований о равенстве, в том смысле, в каком они его понимали, уздени находили в исламе, в мюридистской идеологии. Руководствуясь шариатом, они считали себя хурами, то есть людьми свободными, которые могут признавать «над собой только власть наместника пророка и... повиноваться лишь начальникам от него поставленным». ¹⁵³ (В этой связи вызывает интерес и то обстоятельство, что с 30-х годов XIX века карачаевская «столица» из аристократического «крымшамхаловского» Карт-Джурта перемещается в «демократический» Учкулан, в котором жили только одни уздени). Так что, как и на всем Северном Кавказе, национально-освободительные тенденции карачаевского свободного крестьянства облекались в религиозную, исламскую оболочку. Впрочем, сами по себе эти стремления к социальному переустройству в карачаевском обществе могли пройти практически незамеченными и уж, во всяком случае, для российской власти особой опасности не представляли. Но дело в том, что основные

события на Северном Кавказе в это время начали разворачиваться в Дагестане и Чечне. На политическую сцену выходил имам Шамиль, и на Восточном Кавказе уже поднялось зеленое знамя газавата и мюридизма, требовавшего не только войны с «неверными», но и провозглашавшего всех мусульман свободными и равными в правах.

Соседи. Активизировалось также многочисленное адыгское население Закубанья. Генерал Граббе, докладывавший в 1841 году военную обстановку в Закубанье военному министру Чернышеву, очень точно заметил, что она коренным образом изменилась. «Последние события», - писал он, - «(взятие закубанцами фортов Черноморского побережья при помощи русских и польских дезертиров и слаженной организации ополчения (по народностям, аулам, сотням, подсотням, десяткам)) начинают для этого края новую эпоху, совершенно отличную от прежних времен, эпоху войны народной, а не действий против хищнических партий, увлекаемых желанием грабежа».¹⁵⁴ В итоге маленький Карачай снова оказался втянут в большую Кавказскую политику.

С запада к Карачаю примыкала территория адыгов, ведущих упорную борьбу с царизмом; к востоку от него в горах Чечни и Дагестана возник имамат Шамиля. При определенных благоприятных для горцев условиях эти два независимых друг от друга крупных очага национально-освободительного движения могли соединиться в одно целое, тем самым значительно усилив его возможности и потенциал. На пути этого объединения лежали в первую очередь Карачай и Кабарда, очень взаимосвязанные друг с другом. Восстание в Кабарде, непременно, самым серьезным образом отражалось на ситуации в Карачае и наоборот.

Военно-стратегическое положение Карачая, который мог либо разъединять борющихся горцев западного и восточного Кавказа, либо объединить их, способствуя общекавказскому восстанию против царизма, было очевидно всем. Это хорошо понимала и Россия, и имам Шамиль, и его наибы в Черкесии. Даже простое присоединение Карачая к восставшим горцам Закубанья создавало бы постоянную угрозу Центру Кавказской линии и, напротив, как указывал генерал Граббе, «вместе с невозможностью увлечь их (карачаевцев - Р.Б.) с собою, уменьшится вероятность вторжения закубанцев в Кабарду».¹⁵⁵ Поэтому между царскими властями и Шамилем с его наибами в какой-то степени развернулось своеобразное соперничество за первенство и авторитет в деле влияния на Карачай. Причем, зачастую, мнение самих карачаевцев в учет не принималось ни той, ни другой стороной. На первый план выдвигался конт-

роль за территорией.

При этом Россия больше действовала при помощи грубой силы, экономического давления и материального «стимулирования» отдельных лиц, на которых она опиралась в Карачае. Шамиль и его наибы больше напирали на религиозные чувства и идеологическую обработку, проповедуя свободу и равенство. К чести карачаевцев надо признать, что обычно при всей их колоссальной политической и экономической зависимости от царских военных, моральная сторона дела оказывала на них большее влияние, чем материальная. К тому же Шамиль и наибы умело использовали в своих интересах просчеты и грубейшие ошибки, совершавшиеся военным командованием при управлении подвластными территориями.

В условиях, когда национально-освободительное движение крепло и ширилось на востоке и западе Северного Кавказа, было совершенно очевидно, что удержание народов Центрального Кавказа: карачаевцев, балкарцев, кабардинцев и осетин от восстания - для России было жизненно необходимым. Но, оценивая действия ее властей в этом регионе в конце 30-х - 40-х годах XIX века, можно сказать, что военные и гражданские чиновники очень часто, наоборот, подливали масла в огонь тлеющего народного недовольства. И, по большому счету, пожар здесь не вспыхнул только чудом, впрочем, это «чудо» сотворили сами горцы и местные горские феодалы.

Разочарование. Карачаевцы после принятия русского пристава в 1837 году, надеялись, наконец-то, на улучшение своего экономического и политического положения. Но никакого заметного облегчения они не почувствовали, а, наоборот, стали испытывать на себе все «прелести» российского деспотизма и военно-колониального управления. Казалось бы, сама Россия, на фоне сложнейшего для нее положения на Северном Кавказе в это время, должна была стремиться к налаживанию взаимовыгодных отношений с Карачаем, покорность которого «была весьма важна для преграждения сообщения закубанским племенам с Кабардой и вообще с народами Центра и Левого фланга Кавказской линии»,¹⁵⁶ чтобы иметь в его лице верного союзника. Но на практике зачастую происходило все наоборот.

В районе предгорных пастбищ, которыми пользовались карачаевцы под присмотром российских военных постов и пикетов, усилилось элементарное воровство и угон скота солдатами и казаками. И это помимо периодических «законных» конфискации и уплаты в качестве штрафов. Военное начальство на проделки своих подчиненных смотрело сквозь пальцы и даже поощряло, открыто посылая «казаков и солдат воровать скот».¹⁵⁷

Не могли ничего предпринять даже представители карачаевских верхов, имевшие чины офицеров русской армии. В 1839 году казаки Хасаутского поста увели 20 штук рогатого скота у крепостного крестьянина прапорщика Магомета Дудова. А прапорщик Али Джараштиев, отправившийся с жалобой на кражу скота к начальнику верхнехасаутского поста, еле успел унести оттуда ноги под пулями казаков, открывших по нему стрельбу. Гораздо меньше «повезло» в 1840 году Карабашевым. Пытаясь отстоять свое имущество, они потеряли в перестрелке с постовыми казаками двух человек убитыми.

Перестрелки и угон скота приняли такие угрожающие размеры, что не выдержал даже пристав карачаевского народа Атарщиков. В 1840 году он извещал о происходящем командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории Граббе и просил его навести в воинских частях элементарный порядок, справедливо полагая, что «этот народ (карачаевцы - Р.Б.) ... едва вошедший в покровительство России с полной надеждою обрести правосудие, легко может потерять доверие и считать действия постовых команд волею начальства потому только, что не видит защиты в нарушении их спокойствия и в ограждении собственности; и... этот случай отнимает у меня все средства иметь на них какое-либо влияние в исполнении предписаний начальства».¹⁵⁸ Однако этот рапорт пристава сколько-нибудь значительно ситуацию так и не изменил.

Вскоре и самого Атарщикова на посту пристава сменил есаул Мистулов. А сам сотник Лабинского полка Атарщиков бежал в Закубанье к непокорным горцам. Правда, через несколько месяцев возвратился назад, был прощен и получил направление на службу в Финляндию. Отчасти вследствие этого, а также из-за особой «вольности», присущей «природному кавказцу», он снова убегает в горы. Там Атарщиков женится на дочери ногайского узденя, принимает мусульманство и, совместно с горцами, совершает набеги на русскую сторону. Только в 1845 году во время очередного набега, будучи раненым, он был схвачен казаками, но по пути умер.¹⁵⁹

Новый пристав Мистулов во внутренние вопросы карачаевского общества старался не вмешиваться и ограничивался в основном, исправными сборами штрафов с населения. Мы не располагаем, к сожалению, какими-либо сведениями о личности Мистулова, но отдельные факты его взаимоотношений с начальством Центра Кавказской линии дают основания предполагать, что характеристика, данная на бывшего пристава Малой Кабарды майора Анастасьева, подходила и к Мистулову. Анастасьев характеризовался так: характер – кроткий; умственные достоинства - посредственные; военные достоинства

- ограниченные; особенная склонность - корыстолюбив; в отношениях подчиненности к начальству - хорош.¹⁶⁰ Видимо и Мистулов был в отношениях с начальством «хорош», так как в 1843 году он был «награжден орденом Святого Станислава 3-й степени и 15 рублями серебром».¹⁶¹ Подобная характеристика дает представление о том, какие кадры на довольно ответственные посты назначало руководство Кавказа.

Князь Голицын. Впрочем, в начале 40-х годов XIX века карачаевцам «не повезло» не только с приставом, но и с начальником Центра Кавказской линии Голицыным, любимейшим занятием которого было штрафовать народ по всякому маломальскому поводу, а то и без всякого повода, просто потому, «что не имеют должного повиновения начальству».¹⁶² Хотя причин для обвинений и штрафов и так находили предостаточно.

В 1843 году большой отряд закубанских горцев совершил нападение на станицу Бекешевскую. Горцы были отбиты, но преследуемые русскими войсками «переправились через Кубань в земли карачаевцев и рассеялись в разные стороны, чтобы скрыться от преследований».¹⁶³ Воспользовавшись этим событием, Голицын решает примерно наказать карачаевцев. В дополнение к уже содержащимся аманатам в крепости Нальчик, он требует выдать еще семерых от фамилий Крымшамхаловых (двух), Хубиевых, Узденовых, Каракотовых, Алиевых, Коджаковых и вынашивает план об аресте карачаевского скота специально выделенным для этого отрядом. Однако карачаевцы, заподозрив неладное, отогнали свои стада в горы и не спешили выдавать аманатов. Пока Голицын переписывался с вышестоящим начальством, восемь тысяч голов мелкого рогатого скота, которые он так рассчитывал получить на пастбищах Эшкакона и Бермамыта, оказались вне сферы досягаемости его подчиненных. Командующий войсками на Кавказской линии генерал-лейтенант Гурко поспешил успокоить своего подчиненного тем, что осенью все равно «принадлежащие карачаевцам стада будут все выгнаны на плоскость, тем более, что в то время арестование в большом количестве стад может послужить им еще большим наказанием».¹⁶⁴

Однако Голицын успокаиваться не собирался. Несговорчивость карачаевцев его сильно разозлила. Он отправил пристава Мистулова (который в это время поспешил Карачай покинуть) в Боргустан, чтобы тот объявил карачаевцам следующие условия: вернуть все отары на плоскость, выдать требуемых аманатов и укрывающегося в Карачае абрека Иссу Келеметова. Требования эти были подкреплены соответствующими угрозами. Волей-неволей карачаевцы подчинились, но и Голицыну пришлось на время оставить мысли о конфискации части

горского скота. Выдан был, в принципе, и абрек Келеметов, но живым в руки русских властей он не дался.

В 1844 году тот же Голицын потребовал выдать ему уже другого абрека Хируса Куцетерова. Карачаевские старшины ему это обещали, но, прибыв в Карачай, обещание выполнить явно не спешили, что дало возможность родственникам раненого Куцетерова перевезти его в аул князя Касаева на Кубани. Голицын не преминул этим воспользоваться и наложил на карачаевцев штраф в размере «25 пар хороших быков, 95 отличных овец и пять баранов».¹⁶⁵ И подобные штрафы, поборы, конфискации, аресты и требования выдачи аманатов продолжались постоянно. Причем, любое сопротивление, возражение или «непослушание» со стороны карачаевцев вело к увеличению штрафов, ужесточению требований и гневным отповедям российского начальства, которое, например, в лице Голицына, заявляло, что если «карачаевцы осмелятся в другой раз оказать непослушание или подло изменить своему слову, то они увидят, что лишь лучше было им не родиться на свет, чем испытывать меня таким образом».¹⁶⁶

На этом фоне в Карачае зрело широкое недовольство русской властью, особенно в среде узденства. Антиколониальные и антифеодальные лозунги становятся все более популярными. На стороне России безоговорочно стояла только большая часть карачаевских феодалов. В Карачае ситуация напоминала ту, что сложилась в соседней Кабарде, где только «часть населения, состоящая из людей значительных по своему происхождению, богатству и влиянию в народе, предана правительству; не так благонадежны мелкие уздени и черный народ... но как они находятся в полной зависимости от князей и первостепенных узденей, то и не имеют никакой возможности предпринимать что-либо нам вредного».¹⁶⁷ То есть ситуация за прошедшие около 40 лет совершенно изменилась. Если еще в начале XIX века крестьяне, в основном тяготели к России, в надежде избавиться от княжеских междоусобиц, произвола владетелей и поборов с их стороны,¹⁶⁸ то теперь они же вошли в число «неблагонадежных».

Благодаря неуклюжей и непродуманной деятельности российских военных, значительная часть карачаевского населения ждала только удобного случая, чтобы отложиться от России. Не даром, тот же командующий Центром Кавказской линии Голицын замечал, что «народ (карачаевский - Р. Б.) разделен на две партии, из которых сильнейшая не в пользу нашу».¹⁶⁹

То есть сами военные видели, что обстановка в Карачае складывается для них совсем не благоприятно. Но предпочитали не устранять причины, порождающие такую невыгодную

и опасную для них ситуацию, а просто грубо давить на карачаевцев, используя находившиеся в их руках экономические и политические рычаги. А когда карачаевцы проявляли «строптивость» и «непослушание» им в очередной раз напоминали о скоте и аманатах. По мнению генерала Граббе этого было достаточно, чтобы «уничтожить опасения насчет вредных для нас замыслов со стороны карачаевцев». ¹⁷⁰

При этом царские военные, используя рычаги экономического давления, добивались желаемого для себя развития событий в Карачае и без применения военной силы, что в разгар Кавказской войны, когда каждый солдат ценился на вес золота, имело немаловажное значение. Не спешило царское командование посылать войска в высокогорный Карачай и потому, что помнило о полученном горьком опыте в Дагестане, где, «проникнув однажды в самые недра гор, нам должно было в них укрепиться, для чего мы должны были с большими жертвованиями содержать войска в Койсубу и Аварии, снабжать их за высокие цены всеми потребностями, охранять трудные с ними сообщения и иметь вблизи значительный резерв». ¹⁷¹ Но все эти труды пропали даром, так как отрезанные в горах отдельные, разрозненные русские части были легко разбиты имамом Шамилем.

Зов мюридизма. Кроме того, сами карачаевцы прекрасно понимали, что в одиночку справиться с царским военно-колониальным режимом и стоящими на его стороне феодалами они не смогут. Ведь в руках царского командования находилась главная отрасль карачаевского хозяйства - скотоводство, основа жизнеобеспечения, благосостояния, да и просто элементарного существования народа. Сказывались также малочисленность этноса, близость российских укреплений и войск, отсутствие возможности держать долгое время в сборе большое количество вооруженных людей, оторванных от хозяйства. Поэтому все их взоры были обращены в сторону Чечни и Дагестана, где вступал в зенит своей славы и могущества имамат, созданный талантливым полководцем и государственным деятелем Шамилем.

К началу 40-х годов XIX века «власть Шамиля распространялась на территорию около 960 километров в окружности с населением около полумиллиона человек». ¹⁷² Это были в основном районы южной Чечни и северо-запада Дагестана. Территорию имамата Шамиль разделил на наибства (округа), во главе которых стояли наибы (наместники); в свою очередь наибства делились на участки. Наибства объединялись в четыре области во главе с мудиром. ¹⁷³ Шамилем были проведены политические, социальные, экономические, реформы, по-

зволившие ему успешно противостоять регулярным частям русской армии. Слава о его успехах широко распространилась в 40-х годах XIX века по всему Кавказу. Многие тысячи горцев с интересом и сочувствием следили за борьбой Шамиля с царизмом, искренне желали ему всяческих побед и были, отнюдь, не прочь присоединиться к возглавляемому им национально-освободительному движению, проходившему под религиозными знаменами мюридизма.

Идеологи мюридизма выдвинули следующие лозунги: «равенство между мусульманами; мусульманин никому не должен платить подати; освобождение магометан из-под власти неверных и газават». ¹⁷⁴ Ничего более актуального для Северного Кавказа первой половины XIX века нельзя было и придумать. «На Кавказе», - писал Н.А. Добролюбов, - «ничего не могло быть популярнее этого предписания исламизма (газавата - Р.Б.), и вот почему мюридизм так быстро принял здесь громадные размеры, каких не имел нигде, и получил важное политическое значение. Горцы решались подвергнуться всем строгостям ислама – не пить вина, накрыть покрывалами женщин, прекратить разгул молодежи и пр. - только, чтобы получить надежду на изгнание русских...» ¹⁷⁵

В Карачае также очень пристально следили за развитием событий в Дагестане, Чечне и соседнем Закубанье. Значительная масса карачаевского узденства идеологически была готова активно включиться в национально-освободительное движение и ждала только удобного случая и поддержки извне. К сожалению, мы не располагаем, какой-либо точной и конкретной информацией об успехах пропаганды мюридизма в Карачае, но по косвенным данным можно сказать, что здесь было немало его сторонников. Речь, конечно, не идет о мюридах, как о членах религиозной секты, существовавшей в Дагестане довольно давно и мирно уживавшейся с существующим строем, а о людях, который восприняли лозунги, провозглашенные исламско-мюридистскими проповедниками, о свободе, равенстве и газавате, выдвинутыми в самый разгар массового антиколониального движения горских масс. Мюридизм стал идеологией, объяснявшей причины бедственного положения горцев, спланивавшей их независимо от языка, национальности и социального происхождения и звавшей на борьбу с царизмом.

В Кабарде, традиционно тесно связанной с Карачаем общественно-политическими и социально-экономическими узами, царские военачальники в начале 40-х годов XIX века с тревогой отмечали все более растущее влияние исламской пропаганды. Мусульманские агитаторы с успехом убеждали население, что сражаться с «немирными» горцами, выступавшими

под флагом ислама, грешно и преступно. Отдельные представители духовенства уверяли народ, что, как только «покоятся Чечня и Дагестан, правительство обратит всех горцев в казаки и лишит их права земельной собственности».¹⁷⁶ Дело доходило до того, «что муллы даже не хотят над убитыми в делах с хищниками исправлять обрядов».¹⁷⁷

Очевидно, подобные настроения широко бытовали и в Карачае. Проповедники мюридизма явно не дремали, а измученное поборами, штрафами, экономической и общественной политикой царских властей население, особенно среди узденства, начинало видеть в исламе и газавате свое единственное спасение в будущем. Недаром пристав Мистулов в сентябре 1842 года с тревогой доносил начальнику Центра Кавказской линии князю Голицыну, что карачаевцы собирались «при первом появлении Хаджи-Магомета (наиба Шамиля в Черкесии - Р.Б.) со скопищем непокорных народов, исполнять беспрекословно все приказания его, не отказывая ни в каких требованиях».¹⁷⁸

Постоянно поддерживали карачаевцы отношения и с другими наибами Шамиля в Черкесии - Сулейманом-Эфенди и Мухаммад-Амином. Известно, что между государственным образованием Мухаммад-Амина и Карачаем, несмотря на категорические запреты русских властей, существовали экономические связи. Во всяком случае, свинец для пуль бойцы наиба Мухаммад-Амина получали из Карачая.¹⁷⁹ При этом маловероятно, чтобы карачаевцы имели от этих поставок свинца хоть какую-то ощутимую материальную выгоду. К тому же, это было сопряжено с определенным риском и сулило большие неприятности со стороны царских властей. Видимо, главную роль здесь играл не экономический, а политический и идеологический интерес. Дело, которым занимался в Черкесии Мухаммад-Амин, было карачаевцам понятным и близким, относились они к нему с интересом и сочувствием и были рады оказать всяческую помощь.

В описании событий 1855 года (во время восстания карачаевцев и похода к ним Мухаммад-Амина) у некоторых авторов можно прочесть такие строчки: «В Карачае вся молодежь примкнула к ополчению Мухаммад-Амина».¹⁸⁰ Вряд ли упоминание молодежи здесь означает простое указание на возраст людей, принявших участие в восстании. Видимо, это были те самые молодые люди, которые до этого поддерживали связи с наибом в Черкесии, прониклись идеями мюридизма, трепетно относились к исламу, выполняя все его обряды и предписания, а теперь с восторгом примкнули к мыртазакам Мухаммад-Амина, чтобы участвовать в газавате.

Таким образом, имам Шамиль в своей борьбе не без оснований мог рассчитывать на поддержку значительной части горцев

не только Западного, но и Центрального Кавказа. Находясь в зените своей славы и могущества в начале 40-х годов XIX века, имам, тем не менее, как человек умный и дальновидный, понимал, что без объединения сил всех горцев Северного Кавказа достичь желаемого результата - освобождения от власти царизма - вряд ли удастся. Поэтому он все чаще начинает уделять пристальное внимание Северо-Западному Кавказу, где вело ожесточенную, но слабо организованную войну с царскими отрядами довольно многочисленное адыгское население, и Центру Кавказской линии, где горцы уже были покорены и управлялись российской администрацией, но среди которых постоянно происходили «брожения» и вспышки недовольства, существующим режимом, выражавшееся, в частности, и в неоднократных побегах либо в имамат, либо в непокорное Закубанье.

Однако Центральный и Западный Кавказ давали Шамилю «только одиночных участников в его походах против русских войск, а все горское население этого района воздерживалось примкнуть к его борьбе и не вступало в объединение им созданное».¹⁸¹ Стремясь расширить границы своего государства и вовлечь все новые силы в борьбу с царизмом Шамиль в начале 40-х годов XIX века начинает посылать в Черкесию своих наибов. С их помощью он собирался придать более организованные формы сопротивлению закубанских горцев - адыгов, абазин, ногайцев, а, затем, совместным комбинированным ударом соединиться в Центре Кавказской линии, поднять там восстание, выбить царские отряды и объединить горцев всего Северного Кавказа. Планы были довольно смелые, но у них были неплохие шансы к осуществлению, во всяком случае, небезнадежные.

Причем, так или иначе, но для их реализации необходимо было склонить на свою сторону карачаевцев; занимавших исключительно важное стратегическое положение, без участия которых успех подобных мероприятий становился весьма призрачным. Именно Карачай соединял Закубанье с Кабардой и далее с Чечней и Дагестаном. Поэтому все наибы Шамиля в Черкесии и сам имам на протяжении всех лет национально-освободительного движения уделяли маленькому Карачаю самое пристальное внимание.

Наибы и Карачай. Самый первый наиб Хаджи-Магомет, прибывший в Черкесию в 1842 году, пытался наладить контакты с карачаевцами и, как уже упоминалось, не без успеха. Карачаевцы выказывали ему свою готовность присоединиться к движению. Однако Хаджи-Магомет пробыл в Закубанье недолго, скончавшись в 1844 году. Ему на смену в 1845 году был прислан другой наиб - Сулейман-Эфенди. Последний развил среди

адыгов бурную деятельность, пытаюсь собрать ополчение для помощи Шамилю, перебросив его в Кабарду для соединения с имамом или даже в Чечню и Дагестан. Горцы по его указаниям должны были выставить определенное число всадников с каждого аула и обеспечить их продовольствием. Однако горцы с явной неохотой отозвались на его приготовления, так как справедливо полагали, что «русские ожидают только удаления гаджиретов (ополченцев - Р.Б.) от своих обществ, чтобы вторгнуться в их аулы» и что «благоразумнее оставаться там, где грозит опасность явная и близкая, нежели удаляться для неизвестной цели при сомнительных средствах». ¹⁸² Впрочем, в том же 1845 году Сулейман-Эфенди удается собрать ополчение и двинуться на овладение Карачаем. Но русские войска заранее получили сведения об этой операции наиба. Поэтому, подойдя к Зеленчукам и встретив там сильные отряды царской армии, наибу пришлось повернуть назад, не достигнув цели. Карачаевцы, обложенные войсками, также не решились оказать Сулейман-Эфенди какую-либо помощь.

Действия Сулейман-эфенди вызвали у многих горцев неприятие и раздражение. Он проявил нерешительность в военных и политических делах, «вызвал у многих недовольство демагогией, отрицанием адата, попыткой создания ополчения для переброски в Дагестан, вспыльчивым нравом». ¹⁸³ В результате он вскоре был вынужден покинуть Черкесию, не выполнив поставленных перед ним задач, и, более того, перешел на сторону России, обвиняя имама Шамиля в отходе от норм шариата и ислама. Однако одно из главных событий Кавказской войны, оказавшее сильнейшее впечатление и на Россию, и на кавказских горцев, которое могло значительно изменить ход истории в регионе, было еще впереди.

В апреле 1846 года в Кабарду, неожиданно для Кавказского Командования царской армии, вошел с многочисленным ополчением имам Шамиль. Командующий Центром Кавказской линии князь Голицын оказался к этому совсем, не готовым. Он позволил «небольшому гарнизону разойтись для заработков на сенокос, так что налицо оставалось 25 человек пехоты и 14 донских казаков», ¹⁸⁴ а «находившиеся в его ведении склады оказались пусты». ¹⁸⁵ Русские войска оказались разбросанными и фактически запертыми в разных крепостях и укреплениях. Момент был критический. Князь М.С.Воронцов в своем донесении к военному министру А.М.Чернышеву сообщал, что «нашествие Шамиля на Кабарду могло иметь весьма важные последствия на положение наше на Кавказе... дать решительный оборот делам его, прекратить общее стремление закубанских народов к примирению с нами, восстановить против нас давно покоренные, но воинственные

племена Центра Кавказской линии и Владикавказского округа, прекратить или, по крайней мере, затруднить сообщения Тифлиса с Кавказской областью, укрепить дух непокорности и сопротивления в Чечне и утвердить еще более враждебное нам его владычество в Дагестане». ¹⁸⁶ Учитывая, что симпатии большей части горцев были явно не на стороне России, казалось, что в ближайшее дни запылывает весь Северный Кавказ. Однако, к удивлению самих царских военачальников, поход Шамиля закончился неудачей и не вызвал массового восстания среди горцев. Хотя с имамом ушли из Кабарды довольно много ее жителей из всех социальных слоев общества, в том числе один из инициаторов похода Шамиля - Магомет-Мирза Анзоров, назначенный, впоследствии, наибом Малой Чечни и погибший в боях с российскими войсками.

Однако большая часть населения Кабарды и Балкарии во время пребывания там имама Шамиля вела себя довольно пассивно и существенной помощи ему не оказала. Мало того, карачаевцы и дигорцы вообще Шамиля никак не поддержали, а даже наоборот, выступили резко против его военной операции. Князь Воронцов, описывая поход Шамиля в письме Ермолову, писал, что «карачаевцы ему (Шамилю - Р.Б.) решительно сказали, что будут драться до последнего и не пустят через их земли». ¹⁸⁷ Так что же произошло? Почему блестяще задуманная операция, имевшая все шансы на успех, окончилась провалом?

Дело в том, что Шамиль недооценил ситуацию, сложившуюся в Центре Кавказской линии к 1846 году. В Кабарде его готовы были активно поддержать крестьяне и «мелкие» уздени (дворяне) угнетаемые феодалами и царской властью. Но они не имели ни реальной власти, ни военного опыта и сил, ни организованности. Инициаторами же и организаторами похода Шамиля в Кабарду явилась часть духовенства и феодалов, недоброжелательных российским управлением. Войдя в Кабарду, Шамиль был вынужден опереться на приглашавших его феодалов, как людей влиятельных и имевших реальные властные рычаги. Но большая часть кабардинских князей и дворян, обласканная царизмом, уже прочно держалась пророссийской ориентации, да и просто панически боялась русских войск, которые за нелояльность могли в один миг превратить знатного князя в бездомного закубанского скитальца. Поэтому те из них, кто сразу открыто не поддержал царские войска, придерживались нейтралитета и с пристальным вниманием смотрели - что же будет дальше, чья сторона будет брать верх.

Многочисленное и угнетенное кабардинское крестьянство, по большому счету, ждало одного. Когда Шамиль начнет бить их российских и кабардинских хозяев и воплощать в жизнь ло-

зунги и идеи, выдвинутые мюридами. А постольку, поскольку он, придя в Кабарду, стал опираться именно на ненавистных им князей и дворян, крестьяне не спешили что-либо предпринимать.

В результате сложилась ситуация, когда Шамиль не мог атаковать русские укрепления без поддержки местного населения, а последнее не хотело ничего предпринимать до тех пор, пока имам не поколотит русских. В итоге обе стороны как бы говорили: «Ты выполни свое, а мы тогда сделаем свое, что, конечно, привело к тому, что никто ничего делать не стал».¹⁸⁸ При этом не для всех российских военачальников поход Шамиля оказался полной неожиданностью. Генерал Фрейтаг был начеку. На свой страх и риск он задержал отправляемые в Россию несколько батальонов, выведившегося с Кавказа пятого армейского корпуса, и позднее стал двигаться по пятам Шамиля, что тоже в немалой степени способствовало неудаче имама.

Коллизия с Атажукиными. Непростая обстановка к 1846 году сложилась и в Карачае. Но основные события, заставившие его жителей без энтузиазма воспринять поход Шамиля, здесь стали разворачиваться несколько раньше. В ноябре 1843 года карачаевский уздень Мусабий Биджиев столкнулся на реке Теберде с княжеским отпрыском Атажукинской фамилии - Адиль-Гиреем и убил его. Карачаевцы объяснили произошедшее тем, что Биджиев принял Атажукина и его сопровождавших за разбойников, попытался поднять тревогу, а когда один из всадников погнался за ним, выстрелил в него. Атажукины же утверждали, что Биджиев выгнал стада на их земли, а когда Адиль-Гирей попытался указать их границы, то первый, несмотря на то, что узнал князя, намеренно убил его.¹⁸⁹ Так или иначе, но это событие имело для Карачая два последствия: во-первых, с бывшим влиянием Атажукиных было покончено раз и навсегда; а во-вторых, карачаевцам теперь пришлось вступить в открытое военное столкновение с могущественным феодальным кланом Кабарды.

Эти столкновения носили, если можно так сказать, именно карачаево-атажукинский характер, а не карачаево-кабардинский, так как большинство других соседних кабардинских феодалов и простого населения в конфликте участия не принимало. Уклонились от него даже некоторые представители клана Атажукиных. Например, князь Хасанбий Атажукин, который все это время пребывал в «дружбе с карачаевцами».¹⁹⁰ Тем не менее, феодалы Атажукины были весьма могущественны и многочисленны, имели обширные связи в Кабарде и Закубанье, много подвластного населения и были для маленького Карачая противником весьма серьезным. Тем более, что открытое сопротивление карачаевцев, несколько десятков лет назад

плативших арендную «дань» Атажукиным, сильно задело их самолюбие и разбудило княжескую спесь.

В отместку за убийство князя Адиль-Гирея кабардинцы, «делая в разное время вторжения в землю карачаевцев, отбили у них до 1000 штук рогатого скота». ¹⁹¹ В ответ карачаевцы стали выставлять на границах своей территории вооруженные отряды. Вскоре, в очередной стычке у Каменного моста на Кубани кабардинцы потеряли убитым еще одного князя - Атажуку Атажукина. В результате столкновения разгорелись с новой силой. Российское командование попыталось вмешаться и примирить обе стороны. Но его действия оказались вялыми и незнергичными, что способствовало затягиванию конфликта, который продолжался, постепенно затухая, до 50-х годов XIX века. Хотя даже в 60-е годы прошлого столетия были случаи угона карачаевского скота кабардинскими феодалами, «привыкшими смотреть на них (карачаевцев - Р.Б.), как на своих данников». ¹⁹² А отголоски этих событий дошли даже до 20-х годов XX века, когда произошли карачаево-кабардинские столкновения из-за границы.

В 1844-47 гг. карачаево-атажукинский конфликт достиг своего апогея. Военные на линии постоянно получали сводки о набегах одной стороны на другую. «Магомед Атажукин взял двух карачаевцев в плен и одного убил, а карачаевцы... также убили в лесу одного из кабардинских жителей, подвластных Атажукиным, а другого ранили»; Мисост Атажукин «ограбил карачаевский бараний кош... угнав до 60 штук рогатого скота, 200 овец и 4 карачаевцев взял в плен. В бывшей между ними перестрелке убит один карачаевец и один кабардинец». ¹⁹³ И такие сообщения в середине 40-х годов XIX века стали для командования явлением весьма обыденным.

Только в 1852 году кабардинский князь А. Атажукин «в присутствии главнокомандующего войсками и начальника Центра... полюбовно примирился с карачаевцами, с условием, что последние заплатят за кровь убитых Атажукиных 6 тысяч рублей серебром» ¹⁹⁴ (Деньги, позднее были собраны карачаевцами и выданы Атажукину). Впрочем, к этому времени конфликт начал затухать сам собой.

Принимая во внимание эти события, очевидно, что карачаевцам в 1846 году было не до имама Шамиля. Более того, в случае успеха его предприятия карачаевцы, не без оснований, полагали, что они окажутся один на один с более сильным противником в лице кабардинских феодалов, на которых приходилось опираться Шамилю. В этом случае разрыв с Россией мог оказаться для Карачая просто губительным. Поэтому карачаевцы восприняли поход Шамиля без всякого энтузиазма.

К тому же зима 1844-45 гг. оказалась очень суровой, морозной и снежной. Погибло большое количество карачаевского скота. Соседние ногайцы, по сообщениям их пристава, находились просто в бедственном положении.¹⁹⁵ Нужно было срочно возрождать поголовье скота, восстанавливать хозяйство. И все это при отсутствии мирной передышки из-за кровавых столкновений с кабардинскими феодалами. В таких условиях призыв имама Шамиля к восстанию не мог быть услышан.

В принципе, из-за тех же противоречий с кабардинскими феодалами враждебно отнеслись к действиям Шамиля и дигорцы. Часть из них поселилась на землях, которые всего каких-то 25 лет назад были в собственности кабардинских князей. Последние это естественно не забыли. Поэтому, выбирая между Кабардой, Шамилем и Россией, прирезавшей им дополнительные земли, дигорцы решили остаться верными присяге Российской империи.

Позднее, вспоминая о своей неудаче в Кабарде в 1846 году, Шамиль писал, что горцы на его призыв к восстанию ответили, «что он пришел к ним слишком поздно».¹⁹⁶ И этот ответ имеет под собой реальные основания. Имей имам возможность предпринять поход в Кабарду на 3-4 года раньше, и события в наэлектризованной, предгрозовой атмосфере Центрального Кавказа могли бы развиваться совсем по-другому.

Между тем, главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом Воронцов в 1846 году поспешил донести военному министру Чернышеву о «похвальном во всех отношениях поведении карачаевцев и дигорцев, которые заслуживают вполне высочайшего внимания».¹⁹⁷ В результате к делегации от дигорцев, собиравшихся выехать в Санкт-Петербург с выражением верноподданнических чувств государю императору, были присоединены еще и четыре представителя от карачаевского народа, и объединенная делегация выехала в столицу Российской империи. Карачаевские депутаты должны были просить разрешения императора «на пользование землями между кабардинскими и казачьими владениями по рекам Кубани и Малке, а также права разбирать свои мелкие дела по древним обычаям и шариату».¹⁹⁸ Ничего нового в этих просьбах не заключалось. Государь должен был лишь в очередной раз подтвердить то положение дел, которое уже существовало в Карачае несколько десятилетий. Единственной, по большому счету, практической деятельностью делегации стало удовлетворенное ходатайство об освобождении содержавшегося под стражей с 1844 года за убийство Адиль-Гирея Атажукина Мусаби Биджиева. Так что к какому-либо реальному улучшению экономической и общественно-политической жизни Карачая «похваль-

ные», с точки зрения русских властей, действия карачаевцев в 1846 году не привели.

Обаяние Мухаммад-Амина. Впрочем, и сам имам Шамиль, несмотря на неудачу, сдаваться совсем не собирался. В 1848 году он отправляет на Северо-Западный Кавказ своего третьего наиба, вошедшего в историю под именем Мухаммад-Амина. (В разной транскрипции Магомет-Амин, Эмин-бей и т.п. В правописании этого имени автор намерен придерживаться первой указанной формы). В этом же году он прибывает к адыгскому племени абадзехов и разворачивает бурную, кипучую деятельность. «Умный и чуткий политик, умевший уловить нужды и настроения людской массы, блестящий оратор, смелый воин, он предпочитал упорно идти к цели».¹⁹⁹

Верно оценив ошибки своих предшественников, Мухаммад-Амин начал не с организации военных ополчений и набегов на русские станицы и укрепления, а с создания основ аппарата власти и управления на подконтрольной территории. Его государство строилось по типу имамата Шамиля. И там, и здесь роль идеологии выполнял шариат и юридиклизм, распространению которых Мухаммад-Амин уделял первостепенное внимание. Повсеместно в народную жизнь внедрялись нормы шариата, за соблюдением которых приверженцы наиба следили со всей строгостью, применяя к ослушникам телесные и другие наказания, вплоть до смертной казни. Мусульманину нужно было не просто признавать себя таковым, но и исполнять предписания ислама: делать намаз, приходиться в мечеть на пятничную молитву, выплачивать закят, участвовать в газавате, не курить и не употреблять спиртные напитки.

Особые требования предъявлялись к эфенди и муллам, которые должны были не просто выполнять поверхностно требования ислама, а быть образцом подражания для всех верующих. Такие жесткие действия в идеологическом вопросе породили определенную часть недовольных в обществе. В их первых рядах оказались... эфенди! «Больше всех ропщут на Магомет-Амина эфенди, к которым он слишком строг»,⁻²⁰⁰ доложил российскому командованию лазутчик. Привыкшие получать хорошие доходы от разбирательства дел по шариату, зачастую трактуя его так, как было угодно более сильной, богатой и влиятельной стороне, принимая подарки после исполнения ритуальных обрядов, большая часть эфенди отнюдь не горела желанием сменить свое теплое, прибыльное и спокойное местечко, на роль предводителя правоверных в газавате. Поэтому они часто выступали против власти Мухаммад-Амина, а многие из них служили лазутчиками, передавая важные сведения российским военным. Платным шпионом на службе у русских был даже эфенди, занимавший у

Мухаммад-Амина должность казначея и секретаря.²⁰¹ Стоит ли после этого удивляться тому, что российские военные заранее узнавали о планах наиба Шамиля в Черкесии и успевали принимать превентивные меры.

Впрочем, несмотря на строгие и жесткие меры в религиозном, общественно-политическом и экономическом (запрет на всяческие сношения с русским, в том числе и торговые) вопросах, власть Мухаммад-Амина к 1849 году значительно укрепилась. Дело в том, что в своей деятельности он опирался на массу свободных крестьян-общинников, выступал за ликвидацию княжеско-дворянских привилегий и уравнивание политических прав феодалов и свободного крестьянства. Эти его предписания воспринимались многочисленными общинниками на «ура» и с успехом претворялись в жизнь.

Имея поддержку большинства населения, Мухаммад-Амин сумел провести широкие реформы. Были созданы регулярные военные отряды мыртазаков, выполнявших одновременно и полицейские функции. Подвластная территория разбивалась на округа, возглавляемые центральными административными органами - мегкеме. Аул, где располагалось мегкеме был обнесен вокруг рвами и плетнями, и вооружен двумя орудиями, «для прикрытия которых были устроены башни и бастионы из двух рядов плетня, засыпанных в середине землей».²⁰² Управляли округом муфтий (начальник округа) и три кадия (в качестве чиновников).²⁰³ Они были наделены широкими исполнительными и судебными функциями. Во главе этой государственной системы стоял сам Мухаммад-Амин.

Для обеспечения войска боеприпасами было налажено производство серы. Приводилась в порядок немногочисленная артиллерия. Со всех сторон к Мухаммад-Амину стекались русские дезертиры и доставлялись пленные. Российские лазутчики отмечали, что при Мухаммад-Амине «находится много казанцев и русских»,²⁰⁴ а 35 человек из них под руководством двух офицеров занимались «приведением в действие орудий и выделкой пороха».²⁰⁵

Упрочив, таким образом, свою власть у абадзехов, Мухаммад-Амин стал стремиться к расширению подвластной территории. Он организывает множество военных походов, пытаясь в том числе оказать помощь имаму Шамилю и соединиться с ним. На пути реализации этого плана опять-таки лежал Карачай. По свидетельству Ф.А.Щербины еще в 1849 году Мухаммад-Амин разрабатывал операцию по овладению Карачаем и стремился поднять восстание среди других близлежащих к нему народов. Но горцы не сумели удержать этот план в тайне, и русским войскам удалось, вовремя подтянув и сосредото-

точив воинские команды на дорогах, ведущих к Карачаю, сорвать его реализацию.²⁰⁶

Но, так или иначе, с самого начала своей деятельности в Закубанье Мухаммад-Амин никогда не упускал из поля своего зрения Карачай и Центральный Кавказ. Наиб был, прежде всего, человеком Шамиля, причем явно оправдывал данное имамом прозвище Амин (Верный). Он помнил, что послан в Черкесию оказать помощь своему патрону в борьбе с Россией, а потому все свои силы отдавал на то, чтобы, в конце концов, поднять Карачай, Кабарду, Балкарию «с целью открыть сообщение с Шамилем, ибо теперь они отнимают средства сношения с ним»,²⁰⁷ и соединиться в Центре Кавказской линии с отрядами имама.

В сентябре 1850 года, по сведениям российского командования, Мухаммад-Амин получил известие от самого имама о том, что «сей последний намерен предпринять движение в землю карачаевцев, и требует, чтобы агент его оказал ему пособие так, чтобы они могли прибыть к карачаевцам в одно время».²⁰⁸

Однако и эти намерения в 1850 году осуществить горцам так и не удалось. Впрочем, в самом Карачае находилось небольшое количество сторонников реализации таких планов. Значительная часть узденства с восторгом следила за действиями Мухаммад-Амина в Черкесии. Его реформы, его стремления уравнивать в политических правах узденей и князей и лишить последних привилегий, были карачаевскому крестьянству близки и понятны. Оно хотело участвовать в управлении обществом и считало себя, согласно догматике ислама и мюридизма, свободным сословием, которое вправе никому не платить никаких налогов, кроме положенных по шариаду в общественную казну. Даже некоторые карачаевские бии (как и в Дагестане, где часть феодалов, например султан Елисуйский, одно время перешла на сторону имама Шамиля) были настроены «проаминовски», будучи сильно недовольными российской властью.

Поэтому в то время как представители верхушки карачаевского общества 23 сентября 1850 года на встрече в Нальчике с наследником российского престола цесаревичем Александром Николаевичем, совместно с «почетными жителями» Кабарды, Балкарии и других мест выслушивали «благодарность за их верную службу России»,²⁰⁹ другая часть карачаевцев поддерживала отношения с Мухаммад-Амином, вооружала его мыр-тазаков, доставляя свинец, и воспринимала проповедуемые им идеи. В начале 50-х годов XIX века в Карачае продолжала существовать оформившаяся еще в начале 40-х годов серьезная оппозиция российской власти. В ее ряды входили многочисленные узденские тукумы, желавшие изменить существующую

щее положение дел, при котором бии, и в первую очередь Крым-шамхаловы, фактически единолично управляли обществом, занимая ведущие позиции в общественной власти и в суде; а также часть биев Карабашевых, ущемленных, как им казалось, в своих правах более удачливыми «коллегами» по сословию и российскими властями.

Уздени больше всего желали получить свободу, проповедовавшуюся Мухаммад-Амином и Шамилом. Они хотели быть свободными не только от кабардинских феодалов, но и от своих собственных, доморощенных; от указаний пристава и от назначаемых им штрафов и поборов; от капризов, подозрительности и контроля российского военного начальства; от постов и караулов в предгорьях, указывающих как пасти скот и где; от казаков, этот скот ворующих; от взяток постовых начальников и карантин; от неизвестности относительно собственности предгорных пастбищ; от религиозных ущемлений и от многого-многого другого. Они наивно полагали, что при помощи извне этого можно было бы достигнуть. Поэтому значительная часть карачаевского общества ждала только появления ополчения Мухаммад-Амина на границах своей земли, чтобы поднять восстание под знаменем ислама, как и многие другие «мирные» соседние горцы.

Горцы, считавшиеся на протяжении нескольких лет мирными, имели гораздо большее материальное благополучие и благосостояние, по сравнению с их непокорными собратьями. Однако они оставляли все выгоды торговли и обмена с Россией, переселялись в горы, лишь бы «под влиянием Магомет-Амина свергнуть с себя власть высшего сословия»,²¹⁰ а с ней и власть царизма, действовавшего с князьями и дворянами заодно. Так как крепостнический режим империи всерьез опасался, что «горские народы примером независимости своей в самих подданных... императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости».²¹¹

Карачаевцы были прекрасно осведомлены о планах Мухаммад-Амина идти на соединение с Шамилом через Карачай. И у этих намерений здесь появились свои активные сторонники, готовые поддержать их вооруженным выступлением и активным участием в национально-освободительном движении. Поэтому в Карачае с надеждой и сочувствием следят за развитием событий в Дагестане, Чечне и Закубанье, ожидая приближения отрядов Мухаммад-Амина и Шамиля. Пока же это ожидание перерастает в относительное затишье, образовавшееся в Карачае в начале 50-х годов XIX века и прервавшееся в 1850 году гибелью 5 карачаевцев в Кисловодске (оказавших сопротивление при аресте, пытавшихся бежать и погибших в резуль-

тате перестрелки, прокатившейся по всему городу)²¹² и в 1851 году громким убийством пристава Мистулова.

Мистулов, исполнявший обязанности пристава с 1841 года, народного уважения в Карачае не удостоился. К своим обязанностям относился весьма халатно, в самом Карачае бывал не очень часто, наезжая в основном только для сбора штрафов и разбора судебных дел. А поскольку на пару с бывшим начальником Центра Кавказской линии Голицыным штрафовать карачаевцев он очень любил, то, образно говоря, и зуб на него точили очень многие. Однако убийство его было неожиданностью и для самих карачаевцев, и для царских военных.

13 ноября 1851 года Мистулов приступил к обычному для себя делу: участию в шариатском судебном разбирательстве в ауле Хурзук, совместно с эфенди и феодальной верхушкой Карачая. Неожиданно, приговоренный к штрафу за воровство на 20 рублей серебром холоп подпоручика Аслан-Мырзы Дудова, участвовавшего в судебном разбирательстве, Огурлу выхватил пистолет и выстрелом в шею убил пристава Мистулова. В поднявшейся суматохе им же был заколот его хозяин Дудов и ранены пытавшиеся его задержать Кучук Карамурзин и Хапша Байрамуков. Огурлу бежал, «но прапорщиком Бадрой Крымшамхаловым с товарищами догнан за рекой Кубанью в версте от места происшествия и убит из ружей».²¹³ Тело Мистулова было доставлено в станицу Боргустанскую.

К каким-либо серьезным последствиям для карачаевцев это событие не привело, так как убийство было расценено не как факт «возмущения», а как рядовое уголовное преступление.

Взамен убитого Мистулова, новым приставом карачаевского народа был назначен есаул горского казачьего полка, осетин по национальности, Хатох Тургиев.

Между тем заметно активизирует свою деятельность в Закубанье Мухаммад-Амин. Из Турции на Кавказ доходят слухи о скором ее разрыве с Россией. Надежда на скорую помощь извне придает изнуренным борьбой с царизмом горцам новые силы. Мухаммад-Амин вновь разрабатывает операцию по овладению Карачаем и в июле 1853 года, собрав ополчение, выступает для его покорения. Но русское командование вновь заранее узнало о предстоящей военной операции наиба. Войска были двинуты к Зеленчукам и Кубани, усилены укрепленные посты на пути возможного следования отряда Мухаммад-Амина. Непосредственно в сам Карачай вошло 2 роты для «содействия жителям».²¹⁴ По приказу военного начальства и пристава карачаевцы были вынуждены выставить ополчение, которое под командой Тургиева перекрыло дорогу, ведущую к главным карачаевским аулам из Тебердинского ущелья.

«Разведывательный поход». В такой обстановке ополчение Мухаммад-Амина в 10 часов вечера 21 июля 1853 года вышло на Кубанские высоты напротив укрепления Хумаринского. Расположившись лагерем, наиб велел своим подчиненным провести разведку. Ему уже было доложено о русских отрядах, пытающихся отрезать ему пути отступления, а также о расположившихся на правом берегу Кубани войсках. В то же время наиб Мухаммад-Амина мулла Тугаров с небольшим отрядом двинулся в Тебердинское ущелье. Проведя рекогносцировку, он принес Мухаммад-Амину неутешительные новости о том, что «все броды, ведущие через Кубацъ заняты войсками, равно как и дорога единственная ведущая в Карачай через Теберду»,²¹⁵ что карачаевцы выставили ополчение, а чтобы оно не вздумало разбежаться или перейти на сторону неприятеля, позади была развернута русская пехота.

Получив все эти сведения, Мухаммад-Амин решил не рисковать, утром 22 июля повернул обратно и начал отступление. Царские отряды пытались блокировать его в верховьях Зеленчуков и Урупа, но наиб благополучно выскользнул из готовившейся ему ловушки и ушел в Черкесию, к абадзехам.

Сами карачаевцы, обложенные войсками, в 1853 году не решились предпринять каких-либо открытых шагов, чтобы помочь наибу Шамиля.

Брожение. Однако вскоре, в ноябре 1853 года началась новая русско-турецкая война, получившая позднее название Крымская. В ней на стороне Османской империи выступили Англия, Франция и Сардиния. Царское правительство пытается сформировать ополчение из горцев Северного Кавказа, для борьбы с Турцией и ее союзниками. Но в Карачае такая попытка восторга не вызывает. Пристав Тургиев докладывал начальнику Центра Кавказской линии Грамотину, что «общество карачаевское считает большим затруднением исполнить волю высшего начальства, хотя и жалеют упускать случая доказать правительству преданность свою; так как со времени покорения никогда не бывали в дальних походах и командировках, то назначение это кажется им необыкновенным и весьма тягостным, все единодушно просят меня довести до сведения Вашего превосходительства об избавлении их от такого назначения».²¹⁶ В итоге все же ополчение было сформировано. Но ни на какие театры военных действий карачаевцы не пошли, довольствуясь охраной близлежащих кордонов и перевалов. Командование на Кавказской линии заметно нервничает. Несмотря на успокаивающие донесения пристава, карачаевцам откровенно не доверяют. Начальнику отряда Кисловодского кордона полковнику Унгер-Штернбергу весной 1854 года строго

приказано: «наблюдать за карачаевскими баран-кошами, удостоверившись немедленно, где находятся стада баранов, обыкновенно в это время выгоняемые в окрестности Кумских высот, и в таком ли они количестве, в каких их видели в прошедшем году».²¹⁷

Между тем, в Карачае чутко следят за развитием военных действий. Как бы ни хотели скрыть этого царские власти, но было очевидно, что империя терпит пусть и не катастрофические, но поражения. Информация поступала в Карачай довольно точная. Как и от соседних горцев, так и от карачаевцев, возвращавшихся после совершения хаджа из Мекки и Медины. В 1854 году вся Абхазия была уже в руках турок. В Сухуми из Османской империи прибывает Сефер-бей Зан, один из лидеров непокорных горцев Закубанья, «с заданием - поднять против России все черкесские племена и склонить на сторону Турции владетеля Абхазии князя Михаила Шервашидзе».²¹⁸

В Карачай засылается масса эмиссаров и бумаг от османских властей Сухума и Сефер-бея, «где в самых убедительных и строгих выражениях» карачаевцев призывают «принять участие в общем восстании племен во славу мусульманской веры».²¹⁹ Прибывают гонцы и из Закубанья. Идрис и Басият Карабашевы, занимавшиеся хлебопашеством в Тебердинском ущелье, получили бумаги на имя всего карачаевского народа, где объявлялось, что они все равно поступят в магометанское управление²²⁰ независимо от того, желают они этого или нет.

Все эти обещания, просьбы, призывы, угрозы создавали в Карачае довольно нервную обстановку. Часть карачаевских чабанов начала подтягивать свои стада с самых удаленных от Карачая пастбищ ближе к горам. Это вызывает серьезную тревогу на Кавказской линии. На Эшкакон посылаются сотня 2-го Волжского казачьего полка. Командовавшей ею сотник Мурныкин докладывал начальству, что карачаевцы на приказ не удаляться в горы «оказывают непослушание и просят не препятствовать им... а при удержании имеют намерение бросать отары».²²¹ Впрочем, все это было лишь небольшой паникой со стороны чрезмерно осторожных лиц. Массового отгона скота в горы в 1854 году так и не произошло. Карачаевцам ведь это было очень невыгодно, а царские отряды позаботились о том, чтобы чабаны свое решение оставаться в предгорьях не изменили.

При этом большинство карачаевского народа, отнюдь не желало отделения от России и присоединения к Турции. Горцы, ведя борьбу с царизмом, желали обрести свободу и независимость. А менять одного хозяина на другого, пусть и мусульманского, особого желания не было. Горцы были неплохо знакомы с турками и не ждали от них ничего хорошего. К тому

же в Карачае еще прекрасно помнили 1826-1828 гг., когда турки не оказали своим подданным никакой помощи, оставив карачаевцев сражаться один на один с царской армией. От Османов и других держав ждали и просили военную помощь, чтобы сбросить военно-феодальный режим царизма, а терять самостоятельность ни Карачаю, ни тем более Шамилю и Мухаммад-Амину совершенно не хотелось. Раздраженный неудачами союзников в Крымской войне и призывами султана Абдул-Меджида собрать войска, выступить на защиту ислама и показать свою «решительность во имя пророка»²²² имам Шамиль, в конце концов, открыто, прямо и честно заявил, что ни на какое соединение с турецкими войсками он не пойдет, «ибо этим соединением, подчиняя себя турецкому паше, он добровольно слагает с себя власть, приобретенную усиленными двадцатилетними трудами и пожертвованиями».²²³ Как верно заметили К. Маркс и Ф. Энгельс, оценивая ход Крымской войны: «Перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит их (горцев - Р.Б.) в восторг».²²⁴ Поэтому в Карачае хотели получить только турецкую или иную военную помощь, а не присоединяться к той или иной державе, принимая чиновников и военных. С гораздо большим интересом и вниманием здесь следят за действиями наиба Мухаммад-Амина, ведя с ним переписку и, видимо, гораздо больше доверяя ему, чем туркам.

Сефер-бей как «масло в огонь». Прибывшие в июне 1854 года в Сухуми с разрешения пристава Тургиева карабашевский зять Кадырбей Маршаний и Исмаил Семенов встречались с турецкими военными и Сефер-беем Заном, которые призывали карачаевцев поднять восстание в ближайшее время. Однако Маршаний и Семенов жаловались на то, что обложены русскими войсками, что скот и «даже дети находятся в руках русских»,²²⁵ а потому о вооруженном выступлении не может быть и речи. Сефер-бею и туркам оставалось только переходить от просьб к угрозам и заявлять, что они силой возьмут карачаевцев и заставят повиноваться во всем.²²⁶ Нельзя сказать, что подобные угрозы проходили для Карачая бесследно. Протурецкие настроения не были чужды определенной части общества. Успехи Османов и их союзников, зачастую многократно преувеличенные, оказывали впечатление. Население оказалось как бы между двух огней. С одной стороны нужно было опасаться вполне возможного движения турецких войск через перевалы, которые могли «отблагодарить» карачаевцев за сотрудничество с российскими военными. А с другой - внимательно следило за развитием событий в Карачае командование Кавказской линии, во власти которого были аманаты и практически

«все имущество (карачаевцев - Р.Б.), заключающееся в скотоводстве»²²⁷ и которое, не доверяя карачаевцам, нервничает и ведет себя настороженно.

Складывающаяся ситуация наглядно продемонстрировала как ненадежна покорность, основанная только лишь на методах принуждения, на экономическом и военном давлении. Лояльность карачаевцев царизму не была искренней и поддерживалась почти исключительно силовыми средствами.

Поэтому, как только сложились благоприятные обстоятельства, и власть царизма несколько поколебалась, карачаевцы были не прочь от нее избавиться. В итоге, ситуация в Карачае развивается отнюдь не в пользу России и меняется очень быстро.

Если еще 8 июня 1854 года вернувшийся из Карачая полковник Преображенский (командир так называемого Карачаевского отряда царской армии) докладывал, что «на всяком шагу жители старались выказать свое усердие»,²²⁸ то уже 30 июня, выступив со своим отрядом в Карачай он получил донесение, что в горах раздался «кьюугъун» (призыв к всеобщей мобилизации), в результате чего «все кто мог приготовились на бой против нас». ²²⁹ Карачай был на пороге восстания, подогревавшегося распространявшимися в горах слухами о том, что русский отряд выступил не для защиты перевалов от турок, а для переселения карачаевцев с гор на равнину. Однако на этот раз старшинам удалось уговорить «народ отложить намерение и порыв этот до времени пока турецкие войска не приблизятся к ним на такое расстояние, что можно будет получить от них своевременную помощь». ²³⁰

Но пускать отряд царской армий в Карачай и ставить его на продовольственное обеспечение население все равно отказывалось. К приблизившемуся к реке Индыш русскому отряду выехала делегация карачаевцев во главе с приставом Тургиевым, которые просили полковника Преображенского не входить непосредственно в карачаевские аулы и не располагаться лагерем вблизи них, так как это приведет к потраве многих пастбищных, покосных и пахотных земель. За карачаевцев даже вступился пристав Тургиев, бросивший в сердцах Преображенскому, намеревавшемуся продолжить движение, такую фразу: «Если вы хотите разорить Карачай, то ступайте - разоряйте скорее». ²³¹ Эти слова чуть не стоили ему должности, так как полковник Преображенский приказал его арестовать, и только просьбы и заступничество карачаевцев спасли пристава от военного суда. Впрочем, карачаевской делегации и приставу удалось добиться своего, и отряд, после запроса вышестоящего командования, не двинулся дальше к карачаевским аулам,

а расположился лагерем на реке Индыш. Позднее он был совсем выведен из Карачая. Но задачу свою он фактически выполнил, не столько охраняя карачаевцев от турецких войск, сколько удерживая их самих от «неприятных» действий.

Восстание. Между тем на фоне происходящего через Карачай в 1854 году пробираются к Мухаммад-Амину два посланца имама Шамиля,²³² а в марте 1855 года русской разведке становится известно, что в письме к наибу Шамиль приказывал: «Открыть наступательные действия и первым делом считать вторжение в Карачай».²³³

Выполняя указание имама или по собственной инициативе, но так или иначе Мухаммад-Амин начинает приготовления к осуществлению этой операции. Между тем, в продолжающейся войне Российская империя терпит новые поражения. Уже год как сданы соседняя с Карачаем Абхазия и Черноморская береговая линия. Русская армия терпит поражения в Крыму. Несмотря на героическую оборону Севастополя, его положение к лету 1855 года становится почти безнадежным.

Сведения об этом приходят и в горный Карачай. Видя ослабление военной мощи империи и ее отвлечение на войну с Турцией и европейскими странами, значительная часть карачаевского общества предпринимает попытку свергнуть с себя военно-феодальный режим царизма. Эфенди Магомет Хубиев ведет тайную переписку с наибом Мухаммад-Амином, от имени карачаевского общества приглашая его в Карачай. В итоге, обе стороны ждут только подходящего момента для осуществления своих планов.

Усыпив бдительность царского командования, 15 августа 1855 года Мухаммад-Амин во главе ополчения входит в Тебердинское ущелье и останавливается в ауле Кадырбея Маршания рядом с урочищем Агур. Маршаний, его подвластные и Карабашевы присягают на верность наибу. На следующий день прибывают представители всего карачаевского общества, которые также принимают присягу и выставляют вооруженное ополчение. Таким образом, 16 августа 1855 года в Карачае начинается восстание против царской власти. Примечательны первые шаги наиба. Присоединив к себе карачаевское ополчение, отряд Мухаммад-Амина, - по, очевидно, завышенной оценке русского командования составлявший около 3 тысяч человек,²³⁴ - первым делом поднимается на Кумские высоты, дабы прикрыть карачаевских чабанов, спешно угонявших в горы отары овец, стада коров и табуны лошадей. Без этого, без сохранения скота, на успех вооруженного выступления нечего было и рассчитывать.

Прикрывая карачаевских чабанов, 17 августа 1855 года ополчение Мухаммад-Амина «наткнулось» в верховьях реки Эшка-

кон на продовольственный транспорт русской армии, двигавшийся из Кисловодска к небольшому отряду подполковника Манаенко, находившемуся в районе Бийчесына и разрабатывавшего дорогу в Карачай со стороны Пятигорья. Солдаты вовремя заметили бойцов наиба и успели, развернув повозки, сделать из них подобие укрепления и укрыться за ним. Однако после упорного боя русский транспорт был истреблен. По официальным данным, потери составили 54 человека убитыми и 7 тяжело ранеными.²³⁵

Между тем, царское командование не на шутку обеспокоенное восстанием в Карачае, опасаясь, что «кабардинцы последуют примеру карачаевцев»,²³⁶ начинает предпринимать энергичные меры для его подавления и изгнания Мухаммад-Амина. Насколько серьезно военное командование отнеслось к событиям в Карачае, говорит тот факт, что к нему начинают стягиваться все войска, которыми в той обстановке располагал Центр Кавказской линии, а также дополнительные отряды правого фланга. Перехватив инициативу, военные под руководством временно командовавшего войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанта Козловского переходят в наступление. Успешно маневрируя, Мухаммад-Амин начинает отходить в горы к местности Хасаука, через которую проходила единственная в то время известная русским дорога со стороны Пятигорья к карачаевскому аулу Карт-Джурт. Фактически на тех же самых местах, где в 1828 году происходило сражение карачаевцев с отрядом генерала Емануэля, наиб обустраивает свою позицию и готовится дать бой царской армии.

«Вторая Хасаука». В то же время расположенный в Каменномостковом укреплении на Кубани отряд под командованием полковника Султана Казы-Гирея получил приказ двинуться вверх по реке «для уничтожения деревянного карачаевского моста и преграждения партии Магомет-Амина пути отступления».²³⁷ Во главе 7 рот пехоты, 30 казаков и горской милиции Казы-Гирей выступил к Карачаю.

Однако, как оказалось, наиб предвидел подобное развитие событий, и поэтому в Тебердинском и Кубанском ущельях оставалась часть его ополчения. Пропустив царский отряд через теснины Аман-Ныхыта, горцы попытались поймать его в ловушку. Одна часть горцев заняла позиции на пути следования отряда, а другая - стала переправляться через Кубань, чтобы занять Аман-Ныхыт и отрезать тем самым Казы-Гирею пути отступления. Но у полковника Султан Казы-Гирея оказалась неплохая разведка, которая вовремя сообщила командиру о перемещениях бойцов противника. Правильно оценив обстановку и не без оснований опасаясь, что его отряд может быть окружен и уничтожен, он отдает приказ: срочно отступать. Рос-

сийские солдаты сумели прорваться через теснины Аман-Ныхыта и отойти к Каменномоостскому укреплению, потеряв несколько десятков человек убитыми и ранеными.

Правда, эта крупная неудача русского отряда была, по обыкновению царской армии на Кавказе, представлена в реляциях как большой успех. Несмотря на то, что отряд не выполнил ни одной поставленной перед ним боевой задачи (не смог отрезать наibu Шамиля пути отступления и даже не уничтожил деревянный мост через Кубань, которым пользовался противник и, спасаясь от полного разгрома, отступил), царское командование поставило ему в заслугу то, что горцам не удалось «перейти из Тебердинского ущелья на соединение с наибом». ²³⁸ Хотя ополченцы Мухаммад-Амина, находившиеся там, такой цели для себя и не ставили.

Между тем, основные силы ополчения Мухаммад-Амина расположились в местности Хасаука, прикрывая дорогу, спускающуюся к реке Худес и ведущую затем к карачаевским аулам. Позиции, устроенные здесь, были неплохо укреплены завалами из огромных сосен и переоборудованными под укрепления хозяйственными постройками карачаевских кошей, срубленными из бревен. Некоторые завалы были устроены редутами, чтобы их невозможно было обойти. В хозяйственных постройках были проделаны бойницы. Они были соединены между собой и завалами, специальными проходами, что позволяло, оставляя одну позицию, переходить на другую.

Утром 25 августа 1855 года к Хасауке подошли царские войска под командованием генерал-лейтенанта Козловского. В спешном порядке к нему прибыла практически в полном составе вся карачаевская феодальная верхушка, заявившая о своем неучастии в происходящих событиях, о верности присяги государю императору. Царское командование, «принимая во внимание полную готовность их загладить совершенное преступление», ²³⁹ объявило им «полное прощение» и обещало не применять к Карачаю репрессивных мер. По приказу Козловского они попытались убедить карачаевскую часть ополчения Мухаммад-Амина покинуть позиции и не участвовать в сражении. Отчасти это им удалось, и часть карачаевцев покинула ряды ополченцев.

В 10 часов утра генерал-лейтенант Козловский приказал начинать атаку. Передовые цепи царской армии под командованием майора Лулудаки пошли на штурм укреплений Мухаммад-Амина. Вскоре Лулудаки был тяжело ранен, и его сменил генерал-майор Грамотин, начальник Центра Кавказской линии, сражавшийся в этих же самых местах в 1828 году в составе отряда генерала Емануэля. Ожесточенный бой длился около 7

часов. «Карачаевцы и партия Магомет-Амина упорно за завалами защищали свою позицию»,²⁴⁰ но в итоге потерпели поражение. Исход боя, как и в 1828 году, во многом решила артиллерия царских войск. К 1855 году дорога к Карачаю со стороны Пятигорья была уже гораздо лучше разработана, что позволило канонирам провезти не только сравнительно легкие мортирки и горные орудия, но и более тяжелую артиллерию и, развернув батарею, расстреливать укрепления горцев прямой наводкой.

В ночь с 25 на 26 августа Мухаммад-Амин покинул Карачай и через Дуутское ущелье ушел за Лабу к абадзехам. Восстание потерпело поражение.

Эпилог «бунта». Один из инициаторов восстания эфенди Магомет Хубиев бежал в Абхазию «с семейством и имуществом своим, уведя с собою до двадцати семейств черного народа».²⁴¹ Впрочем, впоследствии Хубиев был амнистирован.

На должность эфенди военным командованием был назначен Муртазали Алиев, занимавший до этого этот пост в «вольном» нахичеванском ауле.²⁴² А реверансы феодальной верхушки перед царским правительством Карачаю не помогли, так как на карачаевцев была наложена контрибуция, «разным добром, в том числе и 20 тысячами рублей деньгами, что явилось разорительным бременем для пастушеского народа при производстве уплаты»,²⁴³ и взяты аманаты. Заключительным аккордом восстания 1855 года явилось уничтожение царскими войсками аула бежавшего в Цебельду Кадырбея Маршания и «очищение» от населения долины реки Теберды, по которой царские военные намеревались «проложить со временем... прямое сообщение Кавказской линии через Тебердинское ущелье и Клухорский перевал в Сухум-Кале».²⁴⁴

Таким образом, прервалась вторая попытка заселения и «колонизации» Тебердинского ущелья, возглавлявшаяся Карабашевыми. (Первая попытка закончилась гибелью аула Джамагат от чумы в первой четверти XIX века). Царское командование 13 лет не разрешало никому селиться в долине реки Теберды. И только в 1868 году под руководством Ожая Байчорова, начинается третья волна заселения карачаевцами этого ущелья.

Однако вернемся к событиям 1855 года. Восстание в Карачае серьезно обеспокоило не только командование Кавказской линии, но и вызвало панику среди карачаевских биев Крымшамхаловых, так как было направлено и против их власти. Несмотря на то, что официально во главе вооруженного восстания 1855 года стояли эфенди Магомет Хубиев и представитель биев Идрис Карабашев, его социальную основу составля-

ло многочисленное карачаевское узденство, которому были по душе лозунги и реформы, проводившиеся Мухаммад-Амином в Черкесии. С помощью Мухаммад-Амина они хотели установить в Карачае, как им казалось, истинные законы шариата, под которыми они понимали личную свободу, равенство в правах с биями, лишение их сословных привилегий и участие в управлении обществом. То есть, как и везде на Кавказе, антиколониальное движение карачаевского крестьянства шло в один ряд с антифеодальным.

Осуществление вышеуказанных устремлений карачаевского узденства означало конец политической гегемонии Крымшамхаловых. Хорошо это понимая, последние с самого начала были не в восторге от происходящего. А 19 августа, то есть за неделю до решающего сражения карачаевцев и ополчения Мухаммад-Амина с царским отрядом, в русский лагерь, расположившийся у истоков реки Мурдух, явились Магомет, Асланбек и Бадра Крымшамхаловы по оценке командования «одни из самых почетнейших и постоянно преданных нам старшин карачаевских».²⁴⁵ Они заявили о своей полной лояльности царскому правительству, о своем неучастии в восстании и о полной поддержке действий армейского командования. Приняты они были весьма благосклонно и со своей стороны приложили максимум усилий и использовали все свое влияние в Карачае, чтобы склонить население к прекращению сопротивления.

Восстанию 1855 года в Карачае в советской исторической литературе уделялось очень мало внимания. И если первоначально это основывалось в основном на недостаточном количестве материала, то позднее историки попали в жесткие рамки положения о добровольном и прогрессивном характере присоединения горских народов Северного Кавказа к России, и о событиях 1855 года исследователи старались не вспоминать. А если и вспоминали, то вскользь, и то как незначительный эпизод и попытку «антирусского выступления небольшой части карачаевцев во главе с кадием Эфенди-Магомет Хубиевым – ставленником Мухаммад-Амина, наиба Шамиля».²⁴⁶ В «Очерках истории Карачаево-Черкесии с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» о восстании карачаевцев имеется буквально несколько предложений.²⁴⁷ При этом почему-то это событие датируется 1858 годом. Возможно, что это опечатка. Но подобная же неточность в хронологии (1853 год), незнание вопроса и искажение фактов присутствует и в историко-этнографических очерках: «Народы Карачаево-Черкесии», - изданных в Ставрополе в 1957 году.²⁴⁸

Кроме того, если первые советские историки Карачая, как, например Умар Алиев, рассматривали восстание 1855 года как

**генерал-фельдмаршал
А.И. БАРЯТИНСКИЙ**
командующий Отдельным
Кавказским корпусом
(1856-1857)
главнокомандующий
Кавказской армией
(1857-1860)

**генерал от инфантерии
Н.И. ЕВДОКИМОВ**

Начальник Правого фланга (1850-1855) и Левого фланга (1855-1860) Кавказской линии, командующий войсками Кубанской области (с 1860). После того, как царские власти лишили Карачай исконных пастбищных земель в бассейне Терека, благодаря графу Евдокимову карачаевцам частично возместили ущерб выделением земель в долине Джегуты, Тебердинском и Маринском ущельях.

один из эпизодов национально-освободительного движения горцев Северного Кавказа²⁴⁹ (правда, также путая при этом даты и хронологию событий), то впоследствии это преподносилось как выступление небольшой части общества под руководством феодальной верхушки, в том числе и Крымшамхаловых.²⁵⁰ Такая трактовка событий получалась, в том числе, и из-за не критического восприятия одного из документов Краснодарского архива, на который ссылались практически все исследователи истории Карачая советского периода. В Краснодарском архиве хранится дело, разбиравшееся в конце 60-х годов Эльбрусским окружным судом, об увозе (умыкании) девушки из фамилии Кипкеевых братьями Халкечевыми. В погоне, следовавшей за умыканием, и перестрелке был убит один из Халкечевых. В убийстве были обвинены Тембот Крымшамхалов и брат убитого Гына, так как стреляли оба. Но Крымшамхаловы сумели использовать свои связи и влияние, и в результате в тюрьму был посажен только Гына Халкечев. Понятно, что особой любви ни к Крымшамхаловым, ни к тем, кто был с ними заодно, у него не возникло. Поэтому на суде он припомнил им все грехи, обвинения и в восстании 1855 года. Его слова были подхвачены и приняты на веру историками. В результате в число лиц, возглавлявших восстание, попали и Крымшамхаловы, хотя они ими никогда не были. А движение, по своей сути, было антифеодальным и антиколониальным.

Восстание 1855 года явилось, по большому счету, последней попыткой карачаевцев в ходе Кавказской войны освободиться от военно-феодального режима царизма. Отлично понимая, что самим им не справиться с имперской военной машиной, они возлагали определенные надежды на помощь извне. Но после окончания Крымской войны царизм бросил свои силы на еще непокорных горцев. Шамилю и Мухаммад-Амину приходится больше думать о сохранении подвластной им территории, чем о ее расширении. И хотя вскоре после своего похода на Карачай в 1855 году Мухаммад-Амин «получил письмо от той части карачаевцев, которая не расположена в пользу русских», с призывом вновь прибыть к ним, но только «чтобы не являлся он уже с малым числом войска»,²⁵¹ сил на осуществление подобной операции у наиба не было. Плохи были дела и на Восточном Кавказе у имама Шамиля.

Карачай все больше и больше оказывался в глубоком тылу, западная граница его соприкосновения с непокорными горцами отодвигалась все дальше за линию укреплений и станиц. В 1857 году, за ненадобностью, ликвидируется Центр Кавказской линии. Карачай остался один на один с царской администрацией, отношения с которой не сулили ничего хорошего, но осво-

бодиться от опеки которой не осталось почти никакой надежды. Последняя вернулась к своим излюбленным методам экономического давления, которые не менялись еще долгое время. Взамен Хатоха Тургиева, отстраненного от должности после событий 1855 года, приставом к карачаевцам был назначен подполковник Али Тамбиев, проворовавшийся к 1858 году настолько, что царские власти были вынуждены учредить в Кисловодске следственную комиссию по разбору обстоятельств его «злоупотреблений».²⁵²

Новый пристав Аглинцев в 1859 году доносил начальству, что в Карачае чрезмерно развито воровство, бороться с которым он предлагал довольно радикально. Вора «арестовывать с посадением на гауптвахту до тех пор, покамест не выкупит за себя русского пленного; в противном случае сослать его на несколько лет в арестантские роты».²⁵³

Впрочем, замечания Аглинцева о растущей преступности в Карачае имели под собой реальные основания. К концу 50-х годов XIX века судебная система Карачая окончательно деградировала, так как по сложившейся практике, существовавшей при поддержке царских властей, феодальная верхушка, заседавшая в суде, получала треть от суммы выплачиваемого штрафа и, таким образом, была заинтересована в росте преступности. Не пользовалась никаким авторитетом в народе и общественная власть, где правили бал Крымшамхаловы, выражавшая интересы только феодальной верхушки, погрязшая в кумовстве и взяточничестве.

На фоне такого довольно безрадостного существования в 1859 году в Карачай пришла весть о поражении движения имама Шамиля, имевшая угнетающее морально-психологическое воздействие на его жителей. Последние надежды обрести когда-нибудь свободу улетучились, как дым. В ноябре того же года прекращает сопротивление и сдается царскому командованию Мухаммад-Амин. Впоследствии он получил от Александра II пожизненную пенсию в 3 тыс. рублей и был отпущен на жительство в Турцию.²⁵⁴

После падения имамата закаленные в боях части русской армии были переброшены на Северо-Западный Кавказ. Отчаянное сопротивление адыгов продолжалось до 1864 года, но исход этой борьбы для карачаевцев был ясен, как минимум с 1859 года. Хотя относились они к этой борьбе с состраданием и сочувствием. Истребление царскими войсками одного из черкесских аулов нашло отражение в карачаевской народной песне «Уллу Хож», повествующей о трагической судьбе его жителей.²⁵⁵

Фактическое создание царскими властями режима военной

оккупации, экономическое давление и нерешение хозяйственных вопросов, остро стоявших в Карачае в связи с ростом населения, создавали предпосылки для переселения горцев в Турцию. Карачаевцы, однако, в массовом переселении 1859-1864 годов «почти не принимали участия, уезжали лишь отдельные семьи».²⁵⁶ И первые крупные переселения карачаевцев в Османскую империю состоялись в 1873, 1884-1887, 1894 годах и в начале XX века, наглядно показав, что одной из самых главных причин, заставлявших горцев покидать родину, было тяжелое экономическое положение.

Впрочем, еще в 1854 году пристав Тургиев докладывал начальнику Центра Кавказской линии Грамотину о том, что в Тебердинском ущелье скрывается много беглых карачаевских холопов, давно оставивших своих господ.²⁵⁷ К концу 50-х - началу 60-х годов у них оставалось лишь два выхода: сдаваться русским войскам или уходить в Турцию вместе с закубанскими горцами. Сколько из них предпочло первый, а сколько второй варианты, мы, к сожалению, не знаем. Всего за все годы в Османскую империю эмигрировало примерно 15 756 карачаевцев и балкарцев, которые образно говорили, что «хотели спастись от душного дыма, но попали в кипящий огонь турецкого ада».²⁵⁸

Выселение горцев в Турцию - самый страшный финал Кавказской войны, закончившейся в 1864 году. Она принесла горцам неисчислимые страдания, гибель многих тысяч людей, разрушение экономики, запустение многих районов и наложила неизгладимый отпечаток на всю последующую историю не только Карачая и Северного Кавказа, но и России, Ближнего Востока и даже отчасти юго-востока Европы. Последствия и проблемы, порожденные Кавказской войной, долго сказывались на истории всего Северного Кавказа, даже после отмены крепостного права, после экономических и политических реформ 60-х годов XIX века, вплоть до Октябрьской революции 1917 года. А некоторые из них дожили и до наших дней.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Присоединение Северного Кавказа к России было этапом длительным, сложным и противоречивым. А Кавказская война, - во многом порожденная самой Российской империей, с ее крепостническим строем, военно-деспотическими порядками, военно-колониальными методами политики и авторитарным бюрократизмом чиновничества, - отложила на этот процесс свой неизгладимый отпечаток.

В течение всей первой половины XIX века она держала в военном напряжении весь Кавказ: и те районы, в которых ве-

лись кровопролитные бои, и, которые уже несколько лет находились под управлением российских чиновников. Так называемые мирные горцы, испытав на себе систему царского правления, были, зачастую, не прочь от него избавиться, что приводило к открытым вооруженным выступлениям и столкновениям с войсками. Даже удаленные от Кавказских гор районы жили в постоянной военной тревоге.

Первые серьезные шаги к покорению Кавказа Россия предприняла в середине XVIII - начале XIX веков. В это время различные народы, населявшие Северный Кавказ, находились на разных этапах общественно-политического и социально-экономического развития. Но, тем не менее, у каждого из них сложилась своя, зачастую, весьма своеобразная, система общественных институтов. Имел свои судебные и административные органы и маленький Карачай. Процесс феодализации, развивавшийся в Карачае довольно медленно, однако, постепенно, приводил к утрате органами общественного управления и суда присутствующих им изначально общинных черт и сосредоточиванию основной власти в руках биев - феодальной верхушки карачаевского общества. Появившийся в начале XIX века формально шариатский суд-махкеме, также не привел к ослаблению позиций феодалов, продолжавших играть в новом судебном органе ведущие позиции и заседавших в нем наравне с эфенди.

Особенности экономики карачаевцев, главной и ведущей отраслью которой было отгонное скотоводство, порождали в первой четверти XIX столетия наличие своеобразных взаимоотношений с кабардинскими феодалами. Карачаевцы были вынуждены арендовать часть предгорных пастбищ у кабардинских феодалов, которые стремились перевести это в постоянные даннические отношения. Тем не менее, отношения Кабарды и Карачая в первой четверти XIX века выходили далеко за рамки упрощенной схемы сюзерен-вассал. Их связывали всевозможные культурные, религиозные, родственные, хозяйственные и политические связи.

Сложная и противоречивая система феодальных отношений в политике и экономике, с массой общинно-родовых пережитков, сложившаяся в Карачае и вокруг него в начале XIX века была разрушена военной экспансией царской России. После покорения Кабарды Ермоловым предгорные пастбища - одна из главных составных частей карачаевского хозяйства - оказались в руках военных. Это привело к усилению зависимости Карачая от России, связи с которой до этого были слабыми и неинтенсивными. В таких условиях сближение Карачая с Россией, неуклонно возрастая, рано или поздно, но произошло бы. Однако натуральные черты горного хозяйства, тормозившие экономическую интеграцию с Россией, помощь со стороны карачаевцев

непокорным горцам и личные амбиции царских военачальников привели к вооруженному столкновению с российскими войсками 20 октября 1828 года и присоединению Карачая к Российской империи военным путем.

Вхождение Карачая в состав России ознаменовало собой новый этап в его социально-экономическом развитии. Стали развиваться всевозможные торговые связи с населением империи, что привело к заметному материальному улучшению жизни карачаевцев. Многие товары, в которых особенно нуждались горцы-скотоводы, как, например, хлеб и соль, стали поступать в основном с российских меновых дворов. Позднее, в середине 40-х годов, когда карачаевцы были допущены на ярмарки и базары, проводившиеся в городах и станицах, торговое сотрудничество с Россией еще более окрепло. Росли и связи с населением казачьих станиц, что приводило к заимствованиям в области материальной и духовной культуры, в сфере навыков и приемов ведения сельского хозяйства.

Царские власти разрешили пользоваться предгорными пастбищами, обращенными в казну. Это дало новый дополнительный стимул к развитию основной отрасли экономики Карачая - скотоводства.

Однако, с другой стороны, принятие Карачаем российского подданства имело для него и негативные последствия. Оставшееся практически без изменений внутреннее самоуправление карачаевского общества подвергалось все большей феодализации. Царизм, привлекая на свою сторону феодальную верхушку Карачая, способствовал ее усилению и возвышению в обществе. Бии, используя поддержку царизма, прибрали к рукам практически все органы управления и суд, превратив их, по большому счету, в еще один источник повышения своего материального благосостояния. Царские власти оставили также без изменения отношения между крепостными крестьянами, рабами и феодалами, безоговорочно став на сторону последних.

Кроме того, неурегулированность правового положения должности пристава, назначавшегося в Карачай военными, приводила к тому, что деятельность его во многом зависела от личностных качеств характера. А поскольку внимание на это не обращалось никакого, то многие из назначавшихся в Карачай приставов серьезно озлобляли население произвольными штрафами, поборами, конфискациями. Они могли вмешиваться во все судебные или административные решения, принимаемые в Карачае, и изменять их в пользу того или иного лица, что нередко могло зависеть от полученного заранее вознаграждения. Пасшиеся в предгорьях стада карачаевского скота были

превращены в орудие экономического давления и шантажа. Путем организации цепи постов и пикетов в районе предгорных пастбищ царизм поставил под свой контроль практически всю скотоводческую отрасль хозяйства Карачая. Убедившись, что «благосостояние их (карачаевцев - Р.Б.) заключается в промышленности одного только скотоводства», военные предполагали, что теперь они никогда не решатся на отделение от России, поставив, таким образом, «себя в крайнее положение и притом лишиться данных начальством земель».¹

Таким образом, в отношении Карачая в полной мере реализовывалась тактика, зародившаяся еще довольно давно, но выработанная и получившая законченное оформление во времена Ермолова-Вельяминова и заключающаяся в «овладении всеми или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию...»². Получив, по отношению к Карачаю действенные и почти на 100% эффективные рычаги экономического давления, царские власти делают из них основное орудие, посредством которого карачаевцы удерживались в числе подданных Российской империи. Меры экономического сближения, взаимовыгодного сотрудничества, культурного взаимодействия, развитие торговли - все ушло даже не на второй план, а было практически предано забвению. Покорности карачаевцев добивались исключительно грубыми мерами экономического давления и политического шантажа, через посредство аманатов-заложенников, которых карачаевцы должны были доставлять ежегодно в Нальчик.

Легкодоступность карачаевского скота, особенно в зимне-весеннее время, находившегося под наблюдением солдат и казаков создавала массу соблазнов для его элементарного воровства и частых конфискаций, подведенных под законные основания, якобы в наказание за непослушание начальству и попытки «возмущения».

Все эти факторы: усиление феодализации, военный режим царизма, его колониальная политика и особенно методы экономического принуждения, злоупотребления чиновников и военных властей, нерешение насущных социально-экономических вопросов - создавали в Карачае предпосылки для национально-освободительных выступлений. Их инициатором выступала в первую очередь многочисленная масса лично свободных крестьян-общинников - узденей, по которым военно-колониальная политика царизма была больше всего.

Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и религиозный фактор, то есть наличие в Карачае сторонников мюридизма, влияние проходивших под исламскими лозунгами национально-освободительских движений горцев Северного Кавказа и проис-

ков османских эмиссаров, раздувавших в первую очередь именно религиозный фанатизм горской массы.

В итоге, уже после вхождения Карачая в состав Российской империи, в нем, как и на всем Северном Кавказе, развивались, тесно переплетаясь между собой, антиколониальные и антифеодальные движения. Предпосылки для них были весьма серьезные, но от открытого вооруженного выступления против российского колониализма и феодалов карачаевцев удерживало очень многое. Здесь и близость царских войск, и аманаты, и малочисленность, и контроль со стороны военных за скотом, и разгоревшийся в начале 40-х годов конфликт с феодалами Кабарды. При этом сами феодальные отношения в Карачае были еще переплетены массой общинных пережитков, что делало социальные противоречия более сглаженными, и бии воспринимались как одни из членов общества, общины, а не как классовые враги.

Кроме того, карачаевцы, стоявшие в оппозиции к установившимся порядкам, понимали, что в одиночку с царизмом им никогда не справиться. Поэтому вооруженное выступление против царских властей предполагалось только во взаимодействии и при поддержке сил извне. Особенности надежды жители Карачая возлагали на успех национально-освободительной борьбы горцев Чечни и Дагестана под руководством имама Шамиля и его наибов в Черкесии. Карачаевцы с сочувствием и пониманием относились к борьбе горцев Восточного и Западного Кавказа. Через территорию Карачая осуществлялась связь между Шамилем и его наибами. А с последними, в особенности с Мухаммад-Амином, поддерживались политические и хозяйственные связи. Особой популярностью пользовались в Карачае лозунги, выдвинутые юридами о свободе и равенстве.

Стремление карачаевцев к объединению с национально-освободительным движением, выступавшим под религиозной оболочкой, их надежды на помощь Шамиля и его наибов, пересекались с желанием самого имама, пытавшегося объединить силы всех горцев Северного Кавказа для борьбы с царизмом, вовлечь Карачай в государственное образование им созданное. Территория Карачая имела в этом плане важное военно-стратегическое значение и для России, и для горцев. Она была своеобразным мостом, связывавшим Восточный и Западный Кавказ. Поэтому и сам имам Шамиль, и его наибы в Закубанье, с начала 40-х годов XIX века и до самого конца имамата, не оставляли попыток поднять карачаевцев на вооруженную борьбу против царизма, умело используя промахи и грубые ошибки, допущенные царскими войсками при управлении подконтрольными территориями.

Упорное стремление Шамиля и его сподвижников привлечь карачаевцев на свою сторону, было вызвано не только исключительным военно-стратегическим положением края, но и тем, что значительная часть населения была готова поддержать имама. Карачаевцы вели переписку с наибами Шамиля в Черкесии, выражали готовность поддержать Хаджи-Магомета и сами неоднократно приглашали Мухаммад-Амина прийти во главе своих войск в Карачай, чтобы с их помощью избавиться от царских войск.

Однако в силу множества объективных и субъективных причин массовых вооруженных выступлений в Карачае в период Кавказской войны так и не произошло. Ярким исключением являются только события 1855 года, когда восставшие карачаевцы и отряд Мухаммад-Амина в течение недели противостояли регулярным частям царской армии. Но, как известно, это выступление окончилось поражением и репрессивными мерами властей в отношении Карачая.

Одними из главных внутренних причин, которые привели к поражению восстания 1855 года и не дали перерасти глухому недовольству в открытые вооруженные выступления против царизма в период Кавказской войны, помимо недостаточности военных сил, были: предательство феодальной верхушки, колоссальная экономическая зависимость от царских военных, неорганизованность и плохая сплоченность сил, выступавших против российской власти.

Жесткое увязывание возможности вооруженного восстания с успехами национально-освободительной борьбы на Восточном и Западном Кавказе, придавали очень важное и серьезное значение внешним факторам, влияющим на развитие ситуации в Карачае. Победы или неудачи движения горцев под руководством Шамиля и его наибов существенно отражались на обстановке в Карачае, придавая либо новые силы сторонникам разрыва с царской Россией, либо повергая их в уныние.

При этом, как и везде на Северном Кавказе, в Карачае неразрывно переплетались антиколониальные и антифеодальные устремления крестьянства. Именно недооценка антифеодальных настроений среди горцев Центрального Кавказа, сложности социальных противоречий в регионе, принимавших, отчасти, национальную окраску (противостояние феодалов-кабардинцев с карачаевцами, балкарцами, дигорцами), и упор почти исключительно на религиозные чувства населения Карачая, Кабарды, Балкарии, Осетии - и привели на наш взгляд, к провалу блестяще задуманной и выполненной операции, проведенной имамом Шамилем в 1846 году при движении к центру Кавказской линии.

Впрочем, в то время до окончания Кавказской войны было довольно далеко, и желание освободиться от власти царизма еще долгое время не покидало жителей Карачая. Не оставляли своих попыток привлечь на свою сторону карачаевцев также имам Шамиль и его наибы в Закубанье. Особые успехи в этом направлении проявил Мухаммад-Амин. Однако поражение движения Шамиля оказало на жителей Карачая угнетающее морально-психологическое воздействие. С мечтами обрести свободу и независимость пришлось расстаться. Карачай окончательно вошел в состав Российской империи.

Но последствия Кавказской войны еще долго сказывались в регионе. Самым страшным ее итогом стало массовое выселение горцев в Османскую империю, тысячами умиравших на черноморском побережье, дожидаясь отправки в Турцию; в море на утлых суденышках и на своей новой родине, оказавшейся злой мачехой. Как следствие этого, многие районы Северного Кавказа оказались в хозяйственном запустении.

Длительная Кавказская война, затянувшаяся в значительной степени из-за непродуманных, ошибочных, бездарных действий царских властей тяжело отразилась на жизни Карачая, как и всего Северного Кавказа, военно-колониальная политика царизма и создание режима военной оккупации нанесли серьезный удар по экономике, привели в упадок суд и общественное управление. Под сенью царской власти продолжалась феодализация карачаевского общества, обострялись противоречия между всеми слоями крестьянства и биями. Раздача земли казакам, горским феодалам, офицерам привела к тому, что после окончания Кавказской войны экономическое положение значительной части карачаевского общества стадо, пожалуй, даже хуже, чем оно было в первой половине XIX века.

Росла численность населения, а количество земли, находившейся в пользовании карачаевцев, оставалось прежним и даже уменьшалось. Не решались острые социально-экономические и общественно-политические вопросы.

Казенные предгорные пастбища, которыми карачаевцы пользовались, хоть и под надзором, но бесплатно, превратились в частную собственность казаков и горских феодалов, в то числе и из соседней Кабарды. Теперь за пользование ими приходилось платить арендную плату. А, например, лучшие пастбища по реке Теберде, площадью около 8 тысяч десятин были пожалованы наследникам князя Андронникова.³

Тяжелые последствия Кавказской войны, несколько смягчили отмена крепостного права в Карачае в 1868 году и реформы в политической и экономической сферах. Но и они полностью положение не исправили. Среди карачаевцев постоянно тлело

недовольство царской властью, выражавшееся, в частности, в переселении в Османскую империю, не прекращавшемся до начала XX века.

В конечном итоге, непродуманная политика на Кавказе дорого стоила и самой России, вынужденной уже после окончания Кавказской войны постоянно держать в регионе до 300 тысяч солдат и тратить на освоение края 17% своего бюджета.⁴

Нерешенные проблемы, порожденные Кавказской войной, оказались очень живучи. Они просуществовали вплоть до Октябрьской революции 1917 года, а некоторые из них дожили до наших дней.

**ПРИМЕЧАНИЯ
ВВЕДЕНИЕ**

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). ф.16.оп.1.д.362.л.10об.
2. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч.-2-е изд. Т.9. - С.417.
3. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. - Лондон, 1991. - С.205-206.
4. КЛАПРОТ Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 годах.// Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX вв. - Нальчик, 1974.
5. ЗУБОВ П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношении. - СПб., 1834. ч.1., 1835.ч.3.
6. Г - Дъ. Поездка к южному откосу Эльбруса в 1848 году.// Библиотека для чтения.1849.т.97.ч.1.
7. ГОЛИЦЫН Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. - СПб., 1851.
8. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. - Одесса, 1882.Т.1.
9. ТОЛСТОВ В. История Хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696-1896. - Тифлис, 1900.
10. СЫСОЕВ В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1913. вып.43.
11. ЩЕРБИНА Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2-х т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горцами. - Репринтное воспроизведение. - Екатеринбург, 1913.
12. ПОТТО В.А. Кавказская война: в 5-ти т. Т. 2: Ермоловское время; Т.5: Время Паскевича. - Ставрополь, 1994.
13. АЛИЕВ У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. - Черкесск, 1991.
14. АЛИЕВ У.Д. Кара-халк. - Ростов-на-Дону, 1927.
15. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. (Дореформенный период). - Черкесск, 1960; НЕВСКАЯ В.П. Карачай в XIX веке (Эволюция аграрного строя и сельской общины): Дис... д-ра ист. наук. - Черкесск, 1965.
16. ЛАВРОВ Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века.// Кавказский этнографический сборник. - М., 1969. вып.4.
17. ТЕКЕЕВ К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. - М., 1989.
18. ЧЕКМЕНЕВ С. А. К истории дружественных взаимоотношений между русским и северокавказскими народами в конце XVIII - первой половине XIX века. / Труды КЧНИИ. - Ставрополь, 1970. вып.6.; НАПСО Д.А. ЧЕКМЕНЕВ С. А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. - Черкесск, 1993.
19. Къарачай-Малкъар фольклор. Хрестоматия. - Нальчик, 1996; Къарачай халкъ джырла. - М., 1969.
20. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. - Тифлис, 1868, 1870, 1875, 1878. Т. 2, 4, 6, ч.2, 7; Социально-экономическое, политическое и

культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сборник документов. - Ростов-на-Дону, 1985.

ГЛАВА I

1. АЛИЕВ У.Д. Карачай. (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. - Черкесск, 1991. - С.17.
2. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). ф.ВУА.д.18491.л.16.
3. ТЕКЕЕВ К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. - М., 1989. - С.67.
4. НЕВСКАЯ В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964. - С.183.
5. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). ф.16.оп.1.д.41.л.19.
6. НЕВСКАЯ В.П. Карачай в пореформенный период. - С.58.
7. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. - Нальчик, 1974. - С.246.
8. Очерки истории Карачаево-Черкесии с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967. Т.1. - С.312.
9. Къарачай-Малкъар фольклор. Хрестоматия. - Нальчик, 1996 - С.243 - 244.
10. Там же. - С.243.
11. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.82; ТУРНАУ. Краткий обзор горским племенам, живущим за Кубанью и вдоль восточного берега Черного моря, от устья Кубани до устья Ингура. Приложение.// ДЗИДЗАРЯ Г. А. Ф.Ф.Торнау и его кавказские материалы. - М.,1976. - С.119.
12. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.1632.л.2.
13. РГВИА. ф.ВУА.д.6642.л.32об.
14. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С.98-100.; РГВИА.ф.ВУА.д.6530.л.1-38.
15. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.13.
16. РГВИА. ф.ВУА.д.6244.л.105.
17. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. (Дореформенный период). - Черкесск, 1960. - С.17.
18. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.67.
19. История народов Северного Кавказа (конец XVIII века - 1917 год). - М.,1988. - С.58.
20. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.231.л.28.
21. КАСУМОВ А.Х. Северо-Западный Кавказ в русско-турецких войнах и международные отношения XIX века. - Ростов Н/Д., 1989. - С. 19.
22. РГВИА.ф.482.оп.1.д.193.л.64об.
23. Там же. л.8.
24. Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.246.
25. РГВИА.ф.482.оп.1.д.193. л.82.
26. Там же.ф.ВУА.д.6244.л.31.
27. МИЛЛЕР Б.В. Из области обычного права карачаевцев.// Этнографическое обозрение. 1902. № 1.- С.21.
28. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917).Сборник документов. - Ростов Н/Д., 1985. - С.48.
29. ТУРНАУ Указ. соч. - С.119.

30. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.362.л.6об.
31. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.40.
32. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).ф.260.оп.1. д.749.л.102-105об
33. ИВАНЮКОВ И., КОВАЛЕВСКИЙ М. У подошвы Эльборуса.// Вестник Европы. 1886.кн.2. - С.99.
34. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.12-13.
35. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.22.
36. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.81.
37. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.258
38. Там же. - С.241.
39. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.313-314.
40. ЗУБОВ П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. - СПб., 1835.ч.3.-С.136.
41. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.80об.
42. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.97-98.
43. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.245.
44. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.448.л.7-8.
45. КАРАЧАЙЛЫ И. Статьи и очерки. - Черкесск, 1984. - С.24.
46. РГВИА. ф.482.оп.1.д.195.л.91.
47. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.317.
48. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.249; РГВИА.ф.482.оп.1.д.193.л.81.
49. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.249.
50. Г-Дъ. Поездка к южному откосу Эльбруса в 1848 году.// Библиотека для чтения, журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод.1849 т.97.ч.1. - С.64.
51. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.47.
52. НЕВСКАЯ Т.А. ЧЕКМЕНЕВ С.А. Ставропольские крестьяне. - Пятигорск, 1994. - С.40.
53. История народов Северного Кавказа. - С.93.
54. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.88.
55. Там же. - С.85.
56. История народов Северного Кавказа - С.93.
57. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.92-94.
58. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.362.л.10об.
59. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917) - С.34.
60. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). ф.20.оп.1. д.370. л.5об.
61. Акты собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). - Тифлис, 1878.Т.VII. - С.890.

62. Г-ДЪ. Указ. соч. - С.61.
63. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.251.
64. РГВИА ф.ВУА д.6171 л.7об
65. Къарачай-Малкъар фольклор. С.264.
66. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.251.
67. АЗАМАТОВ К.Г., ХУТУЕВ Х.И. Мисост Абаев: Общественно-политические взгляды. - Нальчик, 1980. - С.42-43.
68. ПОТТО В.А. Указ. соч. - С.289.
69. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.187.
70. Г-ДЪ. Указ. соч. - С.73.
71. Там же. - С.68.
72. ЦГА КБР.ф.16.оп.1 д.362.л.13.
73. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.18.
74. Военно-статистическое обозрение Российской империи. - СПб.,1851 Т.XVI. ч.1: Ставропольская губерния. - С.132.
75. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.25.
76. ГАКК.ф.261.оп.1.д.1041.л.47.
77. РГВИА ф.482.оп.1.д.193.л.81об.
78. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке - С.74.
79. Г-ДЪ. Указ. соч. - С.84.
80. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.863.л.9об.
81. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.257.
82. ЗУБОВ П. Указ. соч. - С.138.
83. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.249.
84. Там же.
85. ГАРДАНОВ В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII - первая половина XIX веков). - М.,1967. - С.117.
86. АЛИЕВ У.Д. Кара-Халк. - Ростов Н/Д,1927. - С.30.
87. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.341.
88. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. - М., 1998. - С.63.
89. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.11.л.14-27.
90. ГАКК. ф.249.оп.1.д.980.л.12об.
91. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.72.
92. История народов Северного Кавказа. - С.79.
93. ГАСК. ф.20. оп.1.д.43. л.5-5об.
94. Российский государственный исторический архив (РГИА). ф.1268. оп.1.д.782а.л.34-34об.
95. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.72.
96. КУБАНОВА М.Н. Швейцарские «чудеса». (Из истории развития сыроделия и часового производства в Швейцарии)// Исторические этюды. Сб. статей преподавателей и аспирантов исторического факультета. - Карачаевск, 1999.

- С.12

97. ЛЕНИН В.И. Соч. - 5 изд.Т.3.- С.594.
98. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.107.
99. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - С.48; ГАКК.ф.249.оп.1.д.980.л.12.
100. ТАМБИЕВ И. Рабство и феодализм в дореволюционном Карачае.// Революция и горец. 1932. №4. - С.102.
101. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.231.л.25.
102. Центральный государственный архив республики Северная Осетия - Алания (ЦГА РСОА). ф.262.оп.1.д.23.л.50-86.
103. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. - М., 1957. - С.54.
104. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.106.
105. Так же. - С.92-94.
106. АЛИЕВ У.Д. Кара-Халк. - С.45-49.
107. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.246.
108. Там же. -С.424.
109. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - С.48.
110. РГВИА. ф.ВУА.д.63821.л.7.
111. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. - Одесса,1882. Т.1. - С.277.
112. Там же.
113. Там же.
114. РГВИА.ф.14257.оп.3.д.435.л.12-12об.
115. НЕВСКАЯ В.П. Из истории Карачая.// Тарих. 1997.№5. - С.35.
116. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.284,278.
117. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX веков. - С.576.
118. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.278-279.
119. Там же. - С.280-281.
120. ГАММЕР М. Указ. соч. - С.170.
121. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.1642.л.29об.
122. АЛИЕВ У.Д. Кара-Халк. - С.90.
123. НЕВСКАЯ В.П. Карачай в XIX веке (эволюция аграрного строя и сельской общины): Дис... д-ра истор. наук. - Черкесск, 1965. - С.443.
124. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.362. л.10об.
125. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.11.
126. Там же. - С.273.
127. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.349.
128. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.284,274.
129. МИЛЛЕР Б.В. Указ. соч. - С.79.
130. КОВАЛЕВСКИЙ М. Закон и обычай на Кавказе. - М., 1890. Т. 1. - С.195.
131. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С. 349.
132. КОВАЛЕВСКИЙ М. Указ. соч. - С. 196.
133. Хрестоматия по исламу. Переводы с арабского. Введения и примечания. - М.,1994. - С.168.
134. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.33.
135. Там же. - С.33,34.

136. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII -XIX веков. - С.245.
137. Къарачай-Малкъар фольклор. - С. 243-244.
138. ТАМБИЕВ И. Указ. соч. - С.102.
139. ХАН-ГИРЕЙ. Черкесские предания. - Нальчик,1989. - С.263.
140. ДУБРОВИН Н. История войны и владычества русских на Кавказе. - СПб., 1871. Т.1. Кн.1. - С.229.
141. Г – ДЪ. Указ. соч. - С.62.
142. РГВИА.ф.14257.оп.3.д.435.л11.
143. Там же. л.15об.
144. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Указ. соч. - С.284.
145. КУДАШЕВ В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913. - С.72.
146. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.82.
147. АКАК. Т.VII. - С.906.
148. Там же. - С.906.
149. Там же.
150. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.231.л.26об.
151. Там же. л.26об-27.
152. Там же. д.138. л.7-8.
153. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.535.л.1-39.
154. ХАБИЧЕВ М.А. Краткий грамматический очерк карачаево-балкарского языка.// Къарачай-малкъар орус сѣзлюк. - М.,1989.-С. 807;ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.47.
155. ХАБИЧЕВ М.А. Указ. соч. - С.807.
156. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С. 265.
157. ХАН-ГИРЕЙ. Указ. соч. - С.97,118.
158. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С. 146.
159. Къарачай халкъ джырла. - М., 1969. - С. 68-79.
160. ФЕЛИЦЫН Е. Д. ЩЕРБИНА Ф.А. Кубанское казачье войско. - Репринтное издание. - Воронеж, 1888. - С.203.
161. ГУМИЛЁВ Л.Н. Этногенез и биосфера земли. - Л.,1990. - С.105.
162. ЦГА КБР. Ф.16.оп.1.д.362.л.13об.
163. БЕСТУЖЕВ (МАРЛИНСКИЙ) А. А. Ночь на корабле: Повести и рассказы. - М., 1988. - С.204.
164. АКАК. Т.VII. - С.867.
165. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.82.
166. Къарачай-Малкъар фольклор. - С. 271-273.
167. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.863.л.10.
168. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.411об.
169. ТЕКЕЕВ К.М. Указ. соч. - С.111.
170. АКАК. - Тифлис,1870. Т.IV. - С.879.
171. ЗУБОВ П. Указ. соч. - С.136.
172. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX веков. - С.247.
173. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - С.34.
174. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.274.л.1об.
175. Там же. д.535.л.81об.
176. НАПСО Д.А. ЧЕКМЕНЕВ С.А. Надежда и доверие. Из истории

дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом - Черкесск, 1993. - С.152.

177. Там же. - С.74.

178. ТОЛСТОЙ Л.Н. Казаки. Повести и рассказы. - М.,1981. - С.158.

179. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.274.л.39.

180. ГАСК. ф.87.оп.1.д.391.

181. РГВИА. ф.ВУА.д.6642.п.40об.

182. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII - XIX веков. - С.252.

183. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.168.л.28.

184. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.239-240.

ГЛАВА II

1. КАЛМЫКОВ Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии. - Нальчик, 1995 - С.9.

2. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 год. - Краснодар, 1996.- С. 245.

3. Народы Карачаево-Черкесии. (Историко-этнографические очерки). - Ставрополь, 1957 - С.33.

4. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). - Тифлис, 1868. Т.П.-С.974.

5. АКАК. - Тифлис,1878. Т.УП.-С.875.

6. НЕВСКАЯ В.П. Карачай в пореформенный период. - Ставрополь, 1964.-С.58.

7. АКАК Т.П.-С.991.

8. АКАК. - Тифлис, 1875. Т. VI.Ч.2.-С.459.

9. ПОТТО В.А. Кавказская война: в 5 т. - Ставрополь, 1994.Т.2.-С.375-376.

10. АКАК. Т. VI . Ч.2.-С.459.

11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). ф. ВУА. д.6642. п.27об.

12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (ЦГА КБР). ф.16.оп.1 д.863.л.115.

13. КАСУМОВ А.Х., КАСУМОВ Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. - Нальчик, 1992.-С.32.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА).ф.268.оп.1. д.782а. л.72.

15. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.5.л.11об.

16. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.196.

17. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.138. л.16.

18. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.2.-С.375-376.

19. Очерки истории Ставропольского края. С древнейших времен до 1917 года. - Ставрополь, 1986. Т. 1. -С.141.

20. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967. Т.1.- С.411-412.

21. ЧЕКМЕНЕВ С.А. К истории дружественных взаимоотношений между русским и северокавказскими народами в конце XVIII – первой половине XIX века.// Труды КЧНИИ. – Ставрополь, 1970. Вып. VI. - С.245-246.

22. ЩЕРБИНА Ф.А. История Кубанского Казачьего войска. - Репринтное воспроизведение. - Екатеринбург, 1913. Т.2.-С.536.

23. КАСУМОВ А.Х., КАСУМОВ Х.А. Указ. соч. - С.85.
24. РГВИА. ф. ВУА. д.6530.л.1-38.
25. Северная пчела. 1828. 22 ноября. №140 -С.4.
26. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.168.л.47.
27. РГВИА. ф.14257.оп.3.д.435.л.12об.
28. Там же. Л.12-12об.
29. Цит. по: Дамения И.Х. Россия-Абхазия. Из истории культурных взаимоотношений в XIX -начале XX веков. - СПб.,1994.-С.11-12.
30. Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСОА). ф.262.оп.1 д.23.л.50-86.
31. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.231.л.169об.
32. Там же. д.138.л.7-8.
33. Там же. д.1632.Т.1. л.104-104об.
34. РГВИА. ф. ВУА. д.6649.л.74.
35. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.138.л.174.-.246.
36. РГВИА. ф. ВУА.д.6331.л.114.
37. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). ф.774.оп.1. д.356.л.1,7
38. Там же. л.6об.
39. ЛЕОНТОВИЧ Ф.И. Адагы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. - Одесса, 1882. Т. 1.-С.35.
40. КАСУМОВ А.Х., КАСУМОВ Х.А. Указ. соч. - С.43.
41. ПОКРОВСКИЙ М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сборник статей. - Лондон,1991 -С.197.
42. ГАКК.ф.774.оп.1.д.356.л.1-1об.
43. БИЖЕВ А.Х. Адыги Северо-Западного Кавказа и кризис Восточного вопроса в конце 20-х, начале 30-х годов XIX века. - Майкоп,1994. - С.184.
44. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Краткое пособие по русской истории. - М.,1992.- С.135.
45. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч.-2-е изд. Т.9.-С.408.
46. СЫСОЕВ В.М. Карачай в географическом, бытовом и историческом описании.// Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. (СМОМПК). Тифлис, 1913. Вып. 43. – С.138.
47. КАЛМЫКОВ Ж.А. Указ. соч. - С.8.
48. АКАК.Т. VII.- С.890.
49. РГВИА. ф.ВУА. д.6171.л.3об.
50. Из истории русско-кавказской войны. (Документы и материалы). - Нальчик, 1991.-С.112.
51. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.64об.
52. Там же. л.82.
53. Там же. ф. ВУА. д.18491.л.5.
54. Там же. л.9.
55. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917). Сб. документов. - Ростов, 1985.-С.34
56. Очерки истории Карачаево-Черкесии.- С.289.
57. Къарачай-Малкъар-Орус сёзлюк.- М., 1989 - С.505.
58. Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. Время Паскевича и Розена. // Кавказский сборник. 1912. №32.ч.2.- С.150,147.
59. АКАК. Т. VII.- С.866.

60. ФАДЕЕВ А.В. Россия и Кавказ в первой трети XIX века. - М., 1960. - С. 282.
61. КРОВЯКОВ Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. - М., 1989. - С. 12.
62. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. - М., 1998. - С. 57-58.
63. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.2. - С. 361.
64. РГВИА. ф. 482. оп. 1. д. 193. л. 81.
65. История народов Северного Кавказа (конец XVIII века - 1917 год). - М., 1988. - С. 138.
66. РГВИА. ф. ВУА. д. 6530. л. 1-2; Алиев У.Д. Карачай. (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. - Черкесск, 1991. - С. 100.
67. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.2. - С. 362.
68. АКАК. Т. VI. ч. 2. - С. 459.
69. Там же.
70. Там же.
71. БЕЙТУГАНОВ С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. - Нальчик, 1993. - С. 101.
72. КРОВЯКОВ Н. Указ. соч. - С. 12.
73. ГАММЕР М. Указ. соч. - С. 34.
74. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.2. - С. 380.
75. Там же. - С. 424.
76. АКАК. Т. VП. - С. 875.
77. Там же.
78. РГВИА. ф. 482. д. 135. л. 99.
79. АКАК. Т. П. - С. 975.
80. Там же.
81. ЛАВРОВ Л.И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века. // Кавказский этнографический сборник. - М., 1969. вып. 4. - С. 95.
82. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С. 86.
83. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т. 5. - С. 266.
84. ХАН-ГИРЕЙ. Черкесские предания. Избранные произведения. - Нальчик, 1989. - С. 263.
85. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С. 386.
86. Там же.
87. БЕЙТУГАНОВ С.Н. Указ. соч. - С. 114-115.
88. АКАК. Т. VП. - С. 875.
89. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т. 5. - С. 276.
90. АКАК. Т. VII. - С. 866.
91. РГВИА. ф. 14719. оп. 3. д. 8. л. 3об.
92. Там же. Д. 1-3об.
93. ЧЕУЧЕВА А. Политика Турции по отношению к Черкесии в период обострения Восточного Вопроса в конце 20-х - начале 30-х годов XIX века. // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII-XIX веков), Майкоп. - 1995. - С. 166.
94. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т. 2. - С. 473-479.
95. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С. 385.
96. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). ф. 79. оп. 1. д. 640. л. 2.
97. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С. 385.

98. История народов Северного Кавказа. - С. 47.
99. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5.- С.291.
100. ГОЛИЦЫН Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. - СПб., 1851.- С.73.
101. ДРОЗДОВ И. Эпизоды из Кавказской войны в Кубанской области. - СПб., 1872. - С. 14.
102. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5. - С.331.
103. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С.388.
104. ТОЛСТОВ В. История хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696-1896. В 2-х частях. - Тифлис, 1900.ч.2 - С.206-207.
105. Там же. - С. 207.
106. ГАКК. ф.260.оп.1.д.749.л.83.
107. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С.91.
108. ДРОЗДОВ Н. Указ. соч. - С.91.
109. ГАММЕР М. Указ. соч. - С.44.
110. РГВИА. ф.ВУА.Д.6231.л.138.
111. Там же. л.138об.
112. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5. - С. 334.
113. Из истории русско-кавказской войны. - С.146.
114. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5 - С.335.
115. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5 - С.334; БЕЙТУГАНОВ С.Н. Указ. соч.- С.116.
116. АППАКЪЛАНЫ И. Хасаука, Умар.// Къарачай. 1992. 17 ноября. - С.4.
117. ДРОЗДОВ Н. Указ. соч. - С.25.
118. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1978.- С.26.
119. ГАКК. ф.249. оп.1.д.980.л.12 -12об.
120. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5. - С.337.
121. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. -С.389.
122. НЕВСКАЯ В.П. Карачай в XIX веке. (Эволюция аграрного строя и сельской общины): дис... д-ра ист. наук. - Черкесск,1965. - С. 443.
123. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.863.л.109,113.
124. ГАКК. ф.249.оп.1.д.980.л.11.
125. Северная пчела. 1828. 22 ноября. № 140. - С.4.
126. Там же.
127. ПОТТО В.А. Указ. соч. Т.5. - С. 331.
128. Чит. ло: ЛАНДА Р.Г. Ислам в истории России. - М., 1995. - С.114.
129. БАРАЗБИЕВ М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XIX веков: Автореф. дис.... канд. ист. наук. - Нальчик, 1999. - С.16.
130. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.5.л.4.
131. Там же. л.4об.
132. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - С.48.
133. Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. - С.150,147.
134. РГВИА. ф.482.оп.1.д.193.л.411об.
135. ГАСК.ф.79.оп.1.д.1386.л.6.
136. Г-ДЪ. Поездка к южному откляну Эльбруса в 1848 году.// Библиотека для чтения. 1849. т.97. ч.1.- С.63.

137. ЦГА КБР.ф.16оп.1.д.5.л.4.
138. ШАХОВСКОЙ И. Воспоминания о Кавказе.// Военный сборник. 1876 №10. – С 458
139. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии. - С. 48
140. Там же.
141. РГВИА.ф.ВУА.д.18505. л.19
142. Там же. л.21об.
143. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С 96.
144. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.168.л.1.
145. ШАХОВСКОЙ И. Указ. соч. – С 459-460.
146. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.168.л.1об.
147. ЦГА. КБР.ф.16.оп.1.д.21 л.1-5.
148. РГВИА.ф.14719.оп.3.д.168.л.16.
149. Там же. л. 34.
150. Там же, л.43.
151. Там же. л.44об.
152. ЦЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С.574.
153. ХАН-ГИРЕЙ. Указ. соч. - С.268.
154. РГВИА.ф.ВУА.д.6404.л.4об.
155. ЦГА КБР. ф.16.оп.1 д.138.л22.
156. ЭСАДЗЕ С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. - Майкоп, 1993. - С.23.
157. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.5.л.11об.
158. Там же. л.12об.
159. КОСВЕН М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. - М., 1961. - С 254-258.
160. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.138.л.72об.
161. Там же. д.272.л.4.
162. Там же.д.381.л1об.
163. ЦЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. – С.475.
164. ЦГА КБР.ф.16.оп.1. д.231.л.168.
165. Там же. д.381.л.3.
166. Там же. л.3об.
167. РГВИА.ф.ВУА.д.6436.л.1об.
168. КИНЯПИНА Н.С., БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII - 80-е годы XIX века. - М., 1984. - С.109.
169. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.231.л.145об.
170. Там же. д.138.л.22.
171. ГОЛОВИН Е.А. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года. - Рига, 1847.- С.6.
172. КРОВЯКОВ Н. Указ. соч. - С.48.
173. СМИРНОВ Н.А. Юридикализм на Кавказе. - М., 1963. - С.104.
174. История народов Северного Кавказа. - С.141.
175. ДОБРЮЛОВ Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе.// Собр. соч. в 9 томах. М.- Л.,1962. Т.5. - С.433-434.
176. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.231.л.173об.
177. Там же. л.173.
178. Там же. д.138.л.15.

179. ГАКК.ф.261.оп.1.д.1041.л.47.
180. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С.486.
181. ПРОЗРИТЕЛЕВ Г.Н. Посольство от Шамиля к абадзехам. - Махачкала, 1927. - С.3.
182. ГАКК.ф.261.оп.1.д.722.л.67об.,68об.
183. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказская война. - М., 1994. - С.494.
184. КАСУМОВ А.Х., КАСУМОВ Х.А. Указ. соч. - С.52.
185. ГАММЕР М. Указ. соч. - С.235.
186. История народов Северного Кавказа... - С.167.
187. Письма князя Воронцова М.С. к Ермолову А.П.// Русский архив. 1890. №2 - С.184.
188. ГАММЕР М. Указ. соч. - С.234.
189. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.535.л.1-1об.
190. Там же. л.81об.
191. Там же. л.1об.
192. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. (Дореформенный период). - Черкесск, 1960. - С. 98.
193. РГВИА. ф.14719.оп.3.д.535.л.4,5.
194. Там же. л.39.
195. НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С. 35.
196. ГАММЕР М. Указ. соч. - С.233.
197. РГВИА.ф.14719.оп.3.д.526.л.34об.
198. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С.578.
199. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Указ. соч. - С.497.
200. ГАКК.ф.261.оп.1.д.1041.л.48об.
201. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.1642.л.29об.
202. ПАНЕШ А. Магомет-Амин на Северо-Западном Кавказе (1848-1859гг.) //Россия и Черкесия (вторая половина XVIII-XIX вв.). - Майкоп, 1995. - С.118.
203. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Указ. соч. - С.497.
204. ГАКК.ф.260.оп.1.д.1408.л.46об.
205. Там же. ф.261.оп.1.д.104.л.47об.
206. ЩЕРБИНА Ф.А. Указ. соч. - С.478.
207. ГАКК.ф.261.оп.1.д.1041.л.49.
208. Там же. д.1112.л.177.
209. ЭСАДЗЕ С. Указ. соч. - С.67.
210. ГАКК.ф.261.оп.1.д.112.л.197.
211. РГВИА.ф.ВУА.д.6209.л.15об.
212. Отрывок из письма из Кисловодска 20 августа 1850 года. //Кавказ. 1850. 26 августа. № 67. - С.266.
213. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.1128.л.3-3об.
214. ГАКК.ф.347.оп.1.д.20.л.2об.
215. РГВИА.ф.ВУА.д.6638.л.35об.
216. ИБРАГИМБЕЙЛИ Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 годов и международные отношения. - М.,1971. - С.143.
217. РГВИА. ф.ВУА.д.6642.л.27об.
218. ИБРАГИМБЕЙЛИ Х.М. Указ. соч. - С.215.
219. РГВИА. ф.ВУА.д.6642. л.46об.
220. Там же. л.32об.
221. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.863.л.112.

222. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала, 1959. – С.627-628.
223. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.1642.л.76-76об.
224. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Соч.-2-е изд. Т.ХI. – С.622.
225. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.863.л.111об.
226. Там же.л.121.
227. РГВИА.ф.ВУА.д.6642.л.40об.
228. Там же л.40.
229. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.863.л.110.
230. Там же.
231. Там же. л.109об.
232. Там же. л.30.
233. Там же. д.1642.л.13.
234. РГВИА. ф.ВУА.д.6649.л.87.
235. Там же л. 73.
236. ГАКК.ф.261.оп1.д.1646.л.26.
237. ЦГА КБР.ф.16.оп1.д.1640.л.1.
238. РГВИА.ф.ВУА.д.6649.л.74.
239. Там же. л.84.
240. ЦГА КБР. ф.16.оп.1.д.1632.т.1.л.47.
241. ГАКК.ф.774.оп.1.д.356.л.6.
242. Там же. л.6об.
243. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С.107
244. РГВИА. ф.14257.оп.3.д.59.л.2а об.
245. Там же.ф.ВУА.д.6649.л.74.
246. Очерки истории Карачаево-Черкесии. - С.294.
247. Там же.
248. Народы Карачаево-Черкесии. - С.36.
249. АЛИЕВ У.Д. Указ. соч. - С.100-103.
250. НЕВСКАЯ В.П.. Карачай в XIX веке. – С.573; НЕВСКАЯ В.П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX веке. - С.132,111; Народы Карачаево-Черкесии.- С.36; Очерки истории Карачаево-Черкесии. – С.294.
251. ГАКК.ф.261.оп.1.д.1646.л.66.
252. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.1713.л.1-3.
253. РГВИА. ф.14257.оп.3.д.435.л.16.
254. Очерки истории Кубани. - С.264.
255. Къарачай-Малкъар фольклор Хрестоматия - Нальчик, 1996. - С.247-249.
256. ЛАЙПАНОВ Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. // Труды КЧНИИ. - Ставрополь, 1966. Вып. V. – С. 114.
257. ЦГА КБР.ф.16.оп.1.д.1481.л.58.
258. ЛАЙПАНОВ Х.О. Указ. соч. - С.114,122.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики. ф.16.оп.1.д.362.л.15об-16.
2. КАСУМОВ А.Х., КАСУМОВ Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. - Нальчик, 1992. - С.32.
3. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. - Ставрополь, 1967.т.1 - С.411.
4. ЛАНДА Р.Г. Ислам в истории России. - М., 1995. - С. 113.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Социально-экономическое развитие и общественно-политический строй карачаевцев в первой половине XIX века.....	13
§ 1. Территория, расселение и численность карачаевцев.....	13
§ 2. Основные черты хозяйственного и общественно-политического строя.....	21
§ 3. Взаимоотношения карачаевцев с народами Северного Кавказа.....	58
Глава II. Карачай в национально-освободительной борьбе горцев Северного Кавказа и его военно-стратегическое значение в ходе движения.....	72
§ 1. Формы и методы военно-колониальной политики России на Северо-Западном Кавказе.....	72
§ 2. Завоевание Карачая царизмом.....	89
§ 3. Карачай в период наивысшего подъема освободительного движения народов Северного Кавказа в 30-е – 50-е годы XIX века.....	115
Заключение.....	157
Примечания.....	165

Бегеулов Рустам Маратович
КАРАЧАЙ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ XIX ВЕКА

Издание научное

Сдано в набор 25.05.2002. Подписано в печать 19.06.2002
Усл. п.л. 11,3. Тираж 300 экз.

Отпечатано в издательском центре
Карачаево-Черкесского ИКПМЗ
Обложка изготовлена в ОАО «Полиграфист»
369000, г.Черкесск, ул.Первомайская, 47